

**Баженова
Наталья**

Цыплёнок

Мишель раздражённо вздохнула, тоскливо покосилась в грязное окно троллейбуса. Взгляд невольно зацепился за молодую семью, весело бредущую по тротуару. Девушка прикусила губу, и, прищурившись, склонила голову к плечу.

Ну-ка...

Вот светловолосая женщина, ласково, широко улыбаясь, взлохматила волосы мальчика лет пяти, тот же ловко перехватил родительскую руку, заливаясь весёлым смехом. Отец, закончив разговор по телефону, подхватил сына на руки, устроив того на широких плечах, левой рукой придерживая ребёнка за маленькую ножку, правой же приобнял жену за талию.

«Везёт же кому-то... впрочем, — Мишель припомнила собственных родителей, загоня чёрную зависть к мальчишке поглубже, — бывает и хуже».

Девушка зябко повела плечами и тут же зло, как-то разом позабыв все невесёлые мысли, зашипела вслед толстой разукрашенной по примеру матрешки тётке, что, активно работая локтями и коленками, пробиралась к только что освободившемуся месту, параллельно заехав Мишель по печени. А, впрочем...

Девушка тонко улыбнулась, пряча маленькое лезвие в карман. А уже через пару минут, качнувшись от резкой остановки, почти что вытолкнутая на улицу из переполненного троллейбуса, откровенно усмехнулась, слыша вслед истеричное: «Обворовали!».

Ибо нефиг маленьких обижать.

Наиотвратительнейший, на строгий вкус Мишель, розового цвета кошель, так напоминающий девушке цветом новорождённого поросёнка, приятно оттягивал карман юной воровки. В конце концов, должна же быть на свете справедливость? Пусть даже такая.

Девушка вдумчиво разглядывала своё фото на привокзальной доске объявлений, что неудачно располагалась буквально в паре шагов от поста охраны. Бравые «защитники» зевали, грустно вздыхали и активно распространяли на ближайшие пару метров густой запах перегара.

«Ну, теперь-то граждане в безопасности... А я как раз так «удачно» получилась, что и не узнаешь без пузыря. Хоть в чём-то повезло», — с лёгкой ухмылкой констатировала она.

И действительно: на фотографии пренебрежительно ухмылялся подросток лет четырнадцати, чёрные пряди волос которого небрежно свисали на лицо, пряча и искажая черты. А, учитывая качество снимка, симпатичная в общем-то, Мишель там почти и не угадывалась.

На самом деле фотография была сделана месяц назад. Девушка хмыкнула, припомнив события того времени, в частности, почему у субъекта неопределённого пола на фото синел фонарь под глазом.

Мишель тихо цыкнула, окинула взглядом насупленные физиономии охранников, поглядывающие на народ со смесью злобы и обиды во взгляде, и направилась в зал ожидания. Хотелось спать, после суток-то тряски в вагоне... грузовом, чтоб его.

На пассажирский денег не хватило, даже общий, да и вообще, откуда взяться деньгам у детдомовской сироты? Хотя нет, она знала, откуда у некоторых старших, а то и младших девчонок зелёные... но на панели, как поделилась одна из них, за то же дело платят гораздо больше, чем в интернате. Мишель тогда грубо заявила, что бутылку она может и в руках

поддержать, а растягивать себе причинные места, дабы она туда свободно помещалась и за деньги не собирается, особенно столь небольшие. Кажется, девчонка обиделась.

А через неделю она же и попыталась пристроить к этому делу довольно милостивую Мишель, прихватив для уговоров парочку шкафоподобных выпускников. Тогда девушке удалось отбиться, отделавшись парой трещин в рёбрах и фонарём под глазом, не считая, конечно, синяков по всему телу. На следующий день их всей группой фотографировали, а через месяц Мишель сбежала, случайно подслушав чужой разговор: чего-чего, а проституцию в качестве будущей профессии она даже не рассматривала. Не хотелось что-то ей на это поприще, не её это, девушка печёнкой это чувствовала.

Следующий день был скучным, но, что ни говори, плодотворным. Для начала воровка проверила содержимое удачно упёртого кошелька, в коем оказалось не много, но прилично. Денег хватило на нормальную осеннюю куртку, большой рюкзак и беляш. В общем, Мишель была сытая, в тепле, запасные джинсы и бельё перекочевало из пакета в рюкзак, и ещё осталось пару сотен на будущее пропитание. В автобусе девушка заметила симпатичный серебряный браслетик, тут же расстёгнутый ловкими пальчиками и переместившейся в карман воровки. Благо, в давке и увлечённом споре с неким «Димосиком» из телефона шумная девица пропажи не заметила.

Золото Мишель не любила, но стоило оно дорого, так что именно его она и таскала в большинстве своём. На втором месте были кошельки, сегодня их, кстати, было два, на третьем — телефоны, но с ними мороки больше, как считала девушка, их ещё и реализовать надо (а кому и как, чтобы не подставиться?). В СИЗО очень не хотелось.

А вот вечер не удался, хотя начиналось всё вполне безобидно. Мишель неспешно грызла пирожок с капустой, когда ей на глаза попался мужчина. В этом, конечно, ничего удивительного не было, девушка была просвещена, что люди делятся на мужчин и женщин. Удивительным было то, что мужчина, находящийся в одном из магазинов «МТС», расплачивался пятитысячной купюрой, за — девушка прищурилась — симку?

Симку... Мишель умиленно улыбнулась своей догадливости, настроение существенно повысилось, маленькие ладошки зачесались от желания сгулять в чужой карман. Особенно в этот. В памяти невольно всплыло миленькое колечко из ювелирного, расположенного на углу «Комсомольской», красивое, с голубым камушком. Здравый смысл, конечно, протестовал против столь недалёковидных расходов, но был раздавлен в кои-то веки сплотившимися ради такого повода клептоманией и манией величия.

«Кхе-кхе, должна же быть у королевы, нет! Императрицы! всего мира хоть одна красивая безделушка?» — подбодрила себя девушка и поспешила перебежать дорогу, садясь на «хвост» жертве.

Проблемы начались позже.

В частности когда к её «кошельку» присоединился ещё один типчик, перегарным дымком потянувший «братками» и «нарами». Девушка уныло закатила глаза и продолжила ревностно сверлить взглядом затылок подозрительного субъекта, следуя за мужчинами метрах в пяти. В разборки ввязываться не хотелось, впрочем, на такие деньги можно месяц жить. Чёрт знает, когда такой шанс ещё подвернётся?

Вскоре, всего метрах в ста от начала слежки, подвернулся удобный момент. Более раздумывать Мишель не стала. На пешеходном переходе как раз сгустилась толпа, пополненная большой кампанией подростков, так удобно гогучущих и переталкивающих.

Тротуар был узким, так что пришлось всем встать поплотнее, и нечаянное прикосновение особых вопросов вызвать было не должно. А если что — улица была довольно маленькая, течение машин вялое — девушка здраво полагалась на свои силы в случае «обломинго» и здравомыслие жертвы. Не будет же он под машину лезть? Против молодой гибкости и скорости то? А если и полезет — не догонит.

Мишель, посекудно косясь в сторону светофора, а в особенности на циферблат, деланно неспеша, пробиралась сквозь толпу. Посмеялась над удачной шуткой одного из парней, и, остановившись, ненавязчиво застыла позади и между «своих» субъектов, попутно отметив, что кошелек в левом кармане, и, чтобы его «изъять», придётся лезть между ними.

В душе девушки колыхнулось лёгкое беспокойство, семейный амулет на её груди начал ощутимо нагреваться. Внутри кольнуло нехорошим предчувствием.

— Всё готово? — низкий баритон «правого», «кошелька».

Сильный, уверенный, убийственно спокойный и даже будничныи.

Руки воровки мелко задрожали, к щекам прилила кровь. Стало стыдно и страшно. Девушка прикусила губу, опустила глаза к земле, приказывая себе успокоиться. Аудиотренинг помог, и к моменту, когда на светофоре загорелся зелёный, на дне синих глаз уже опасно поблёскивал азарт. Жадность победила, перевесив страх, затушив опасения.

— Обижает! — прозвучал высокий, даже немного писклявый, как отметила Мишель, голос «левого».

Неприятный, отдающий в висках лёгкой болью и песком на зубах.

Раз... Два...

Как-то внезапно загорается зелёный человечек.

Мишель резко сорвалась с места, неуклюже пролезая между мужчинами, узкая ладошка, легко нырнув в широкий карман, поспешно вытащила добычу. Сердце громко загрохотало, отдаваясь в висках, ноги подрагивали желанием дать стрекоча. Ну вот, почти всё...

Шаг... Два...

— Тварь! — на запястье резко железно сомкнулись холодные пальцы, шипение эхом отдалось в пустой голове. Мужчина грубо дёрнул оцепеневшую девушку обратно за руку, да так, что Мишель почти что упала на асфальт. Второй так же крепко схватил её за левый локоть.

«Синяки останутся» — заторможено отметила девушка, и, словно очнувшись, попыталась выдернуть руку... хоть одну.

Как её дотасили до переулочка, девушка не помнила, не помнила, и как запихнули в машину, а вот боль от в конец раскалившегося кулона, чужих рук и лихорадочный ужас очень даже припоминала. Хотя именно это воришка предпочла бы и забыть.

В себя пришла Мишель только в салоне, по бокам сидят «жертвы», стекла затонированные, на плечах неподъёмным грузом расположилась мужская рука. Щеки горят, уши горят, зубы клацают, тело трясётся, в голове бардак, состояние предобморочное, лунный камень остывает.

Благодать.

Единственной доставшейся Мишель от родителей вещью, нет, даже не родителей — бабушки, был кулон. С матерью девушка почти не контактировала, ибо та страшно пила (начала сразу после того, как отец бросил её с двухлетней дочерью ради какой-то «облезлой казённой мочалки»), но сначала по чуть-чуть, вечером, а потом появился хахаль и бухать

стало веселей, в компании-то). Когда незадачливую родительницу уволили с работы (а это произошло уже спустя пару недель постоянного запоя), девочку забрала в деревню бабушка.

Святослава Борисовна при этом заслуживала отдельного слова. Старушка, на тот момент семидесяти трёх лет отроду, в селе была очень уважаемым человеком, за спиной которого, шёпотом, почтительно, что бы не дай Бог не оскорбить, уже давно прозвали «ведьмой», конечно, в самом хорошем смысле этого слова. Народ со всей округи съезжался к ней за травами, настойками... самогоном, ибо гнала его Святослава Борисовна бесподобно. И ведь помогало и то, и другое, хотя последнее, скорее, пробирало.

С десяти лет на заводе матери помогала, когда война началась, человек старой закалки. В помощи не отказывала, денег почти не брала, золото — про таких говорят. Ворожила помелкому.

Она и внучку этому обучала, фактически с пелёнок. А вот когда той исполнилось пять, слегла, а через полгода и умерла. Врачи так и не установили причину. Мишель вернулась домой, а через месяц явилась служба опеки, вызванная неизвестно кем из соседей. На память о бабушке и доме остался лишь кулон — большой голубоватый лунный камень в серебряной оправе с вырезанными на ней рунами. Девушка считала его своим оберегом, оправданно, кстати — при опасности он всегда нагревался. Нагрелся, к слову, и в тот день, что она сделала ноги из детского дома.

Сейчас же воровка горько жалела о неосмотрительном пренебрежении к чудному камню. Ибо привело это под ручку с собой последствия, да ни какие, а, похоже, роковые.

Минут через сорок трястись от страха Мишель надоело, краснеть и молчать, впрочем, тоже. Но как ни странно, похитители обуявшую девушку жажду деятельности не разделяли и на вполне закономерный и банальный вопрос: «А че вам, собственно, надо?» ответили довольно грубо.

На что Мишель на самом что ни на есть законном основании обиделась, но промолчала — больно перед самым носом здоровенный, в положенных природой местах волосатый кулак впечатлил, она даже свой для сравнения сжала, с огорчением констатируя, что не быть ей боксёром. Мишель вздохнула, уныло покосилась в окно и, внимательно, будто утром в очередной раз проснувшись, обнаружила лишний палец, начала осматривать свою ладонь, не обращая особого внимания на несколько озадаченных мужчин. Но, нет, ничего лишнего не было, маленькие аккуратные пальчики, тонкие и не особо длинные, не аристократичные, как любят говорить о мало-мальски аккуратных руках, а миниатюрные, ладонь такая же мелкая, узкая, тонкие запястья с начинающимися проявляться синяками и голубыми линиями вен, на левом болтается замысловатый серебряный браслет. Осмотром Мишель осталась довольна — ничего лишнего обнаружено не было.

Вновь воцарилось мучительное безделье, но, впрочем, долго воровка не продержалась и, чтобы хоть как-то скрасить разрастающуюся скуку, принялась пристально, нервируя своим вниманием, разглядывать мужчин, не особо, кстати, беспокоясь мнением разглядываемых. Даже на сиденье покрутилась для удобства.

Страх затаился, выдвинув вперёд какую-то бесшабашную возбуждённость или даже обречённость. И Мишель безвозмездно, с готовностью отдалась этому нехорошему состоянию... Хотя нет, не безвозмездно, очень даже возмездно, щедро хлебнув пофигизма медленно подступающей истерики.

Итак, особи мужского пола, две штуки. Мишель наклонилась вперёд и вправо, но успела лишь мельком мазнуть взглядом по профилю водителя, прежде чем её весьма и весьма неласково дёрнули за воротник обратно, Мишель раздражённо зашипела на невежливого типа, но промолчала — инстинкт самосохранения ей ещё таки не отказал. Шофер — женщина... одна штука.

И рыжая, кажется.

Мужчина, левый, её «кошелёк», блондин. Годков около тридцати, в определённой степени смазливый, высокий лоб, выразительные голубые глаза, орлиный, но, что удивительно для такого типажа, небольшой нос и бледные тонкие губы. Красивый, только колючий какой-то, смотрит холодно, брезгливо, как на ползущего по потолку таракана — вроде встать и тянуться за тапком лень, но менее противно от этого не становится. Мишель зябко повела плечами, повернула голову в противоположную сторону.

Мужчина, правый, «браток», блондин (а их с недавнего времени девушка очень недолюбливала, а в частности после «нежных» объятий выпускников — те тоже оба светлыми были). Пожалуй, шевелюра единственная и была в нём примечательна. Красивый цвет, позавидовала про себя девушка, редкий. Пепельный, словно белое золото. Черты же лица ничего приметного из себя не представляли: надень он шапку, и взгляду зацепиться не за что. Пройдёшь мимо и не заметишь. Только вот...

Поймал бледно зелёными глазами взгляд, пошло улыбнулся, провёл ладонью по бедру

девушки. Мишель поморщилась, скинула наглуую конечность и отодвинулась. Бр-р, ещё хуже того. Места, к огромному сожалению Мишель, особо не было, так что девушка только сильнее вжалась в бок первого белобрысого, на что тот только сдержанно, но очень недовольно дёрнул уголком сухих губ и, к счастью, промолчал. Воровка, насторожено хмурясь, уставилась на второго, второй уставился в ответ.

Оставшуюся часть дороги Мишель скучно не было, но, как относиться к этому факту, девушка так и не определилась. Зато «кошелёк» определился сразу, и к концу «путешествия» девушка возносила хвалы всем богам и богиням за то, что дар замораживать взглядом миновал высокомерного блондина. Ибо лежать бы ей мороженной селёдкой.

Машина остановилась. Девушка нервно облизнула вдруг внезапно пересохшие губы. Хотя почему внезапно? Мишель, не будучи никогда клинической деби... дурочкой безусловно знала, что если есть начало, то рано или поздно настанет и конец, но последнее, будь её воля, она отодвинула бы лет на пять минимум. Что делать пять лет в машине, Мишель додумывать не хотелось.

Девушка с тревогой крутила головой по сторонам, старательно запоминая местность и искренне надеясь, что шанс проверить знания всё-таки выпадет. Запоминала количество охраны у ворот, высоту забора (Мишель порадовалась, что никогда не боялась высоты, ибо оказалась она приличная), здоровенных образин, теоретически относящихся к овчаркам, ну и какой-то слишком ласковый взгляд «кошелька», заметившего интерес девушки, она тоже прекрасно запомнила.

Удивительно, какой эффект дают прямо противоположные действия в некоторых ситуациях! Потому как Мишель проняло, да так, что исчезло всякое желание вообще глаза открывать. «Врагу не здадите* наш гордый Варяг!» — подбодрила себя воровка и продолжила шпионаж из полуопущенных ресниц.

Пожалуй, она на годовых контрольных так глаза не косила, стоит ли удивляться, что к тому времени, когда машина остановилась перед железными воротами гаража, у девушки уже жутко болела голова. Это, конечно, настроения ей не добавило, зато страха значительно поубавилось — в конце концов, очень трудно сильно бояться, когда тебя всё время отвлекают.

Скрипнула настежь распахнутая дверца, освежающе потянуло холодом, с левого бока на пару секунд кольнуло прохладой, и Мишель, не особо бережно схватив за руку, выволокли из автомобиля. Девушка поморщилась — колючий блондин как на зло вцепился именно в больное запястье.

Особняк, куда, оказывается, Мишель и везли, очень напоминал недостроенный замок — создавалось ощущение, будто где-то в середине процесса стройки рабочие вспомнили, что замки уже не в моде, и решили схалтурить, замаскировав его под особняк, большой и массивный... и, по мнению девушки, весьма неудачно. Этажей, судя по окнам, было два, хотя, на какой там высоте потолок, воровка могла только догадываться (что она и предпочла бы делать).

Стены были сложены из красного кирпича, кое-где облицованные деревом. Большие, сделанные также под дерево окна, а, судя по маленьким отверстиям там-сям в фундаменте, имелся и подвал. Сам участок был обильно обсажен всевозможной зеленью: деревьями, кустарниками, кое-где даже цветами. Мишель была почти уверена, что в доме есть хозяйка,

потому как мужчины чаще всего такими деталями не заморачиваются, предпочитая брутальный газончик. Широкие дорожки выложены камнем, зелень аккуратно подстрижена. Прямо как с картинки глянцевого журнала.

«Красивое место, — мимолётно отметила девушка, — и лес рядом — будет, где труп закапывать».

Мишель, которую буквально с десятков метров протащили буксиром за руку, неловко впихнули на высокое крыльцо. А там, не обременяя себя стуком, блондин (девушка только сейчас заметила, что осталась с ним наедине), повернул ручку двери и впихнул юную воровку в прихожую, зайдя следом и неласково рывкнув растерянной воришке:

— Разувайся!

Девушка вздрогнула, поёжилась и наступила на задник кроссовок, не особо заморачиваясь с их снятием, на что получила презрительную, едва заметную ухмылку и холодный взгляд. Ну, да, Мишель вредно прикусила кончик языка, фыркнула в сторону — детдомовская пацанка.

— В сторону отпихни, — буркнул блондин, сам же аккуратно поставил собственную обувь в специальный шкаф.

Мишель заморачиваться вновь не стала, небрежно пихнула кеды ногой, активно при этом вертя головой и с опаской косясь в сторону «кошелька». Интересно, но страшно.

Прихожая была богатой, уютной и имела в наличии не только вешалку и подставку для обуви, но и четыре хорошие тёмные дубовые двери. Бежать-бежать, только куда? Девушка нервно сжала правую ладонь в кулак, тихо вздохнула. А единственно знакомая и верная дверь надёжно перегорожена.

От осмотра воришку отвлёт грубый рывок за шиворот, Мишель испуганно вцепилась руками в воротник, побоявшись, что её просто-напросто придушат. Но, нет, лишь размашисто дёрнули за язычок замка, чуть не сломав (у девушки перед глазами тут же встал ценник), и буквально вытряхнули из куртки, опять схватив за больное запястье. Девушка тихо ойкнула — синяки, тёмными пятнами просматривающиеся между мужскими пальцами, разрослись до приличного размера, красуясь тёмно-фиолетовым оттенком.

Блондин обернулся на звук, непонимающе посмотрел, Мишель пожалала плечами и смущённо отвела взгляд. Он машинально опустил взгляд на руки, заметил синяки, поджал губы, в голубых глазах мелькнула вина, но воровка, легкомысленно увлечшись замысловатым узором ковра, этого не заметила. Не каждый же день в богатых домах бываешь — в интернате и резинового коврика в душевой не было.

Мужчина вздохнул, отпустил больное запястье, и, бросив: «За мной», резко развернулся к крайней левой двери и, аккуратно, едва касаясь, подпихнул девушку вперёд. Мишель неуверенно оглянулась и нерешительно взялась за массивную ручку. Дальше был коридор, опять-таки с многочисленными дверьми, заканчивающийся (о Ктулху!) аркой. Мишель даже приостановилась, рассматривая это ЧУДО.

Действительно чудо. Трудился явно мастер, искусно, кропотливо, очень детально вырезая из светлого дерева фигурки животных, изящно переплетая их с растениями: тонкими лианами с длинными большими листьями, широкими, фактурными листиками и редкими мелкими цветочками. Мишель особенно понравилась трогательно хрупкая лань в правом верхнем углу, девушка подавила варварский порыв отодрать или отпилить, на худой конец, милую зверюшку. Воришка дрожаще усмехнулась и поёжилась, нехотя опустила

Взгляд к непосредственно проёму.

Сзади страдальчески вздохнули и устало пихнули девушку в спину. Она, было, сделала шаг вперёд, но, увидев содержимое комнаты, резко затормозила. От позорного бегства Мишель удержала лишь вдруг тяжело опустившаяся на плечо широкая ладонь, уже спустя мгновение легко впихнувшая тощую девчонку в гостиную. Интерьер комнаты Мишель не запомнила и позже на вопросы о нём она отвечала расплывчатым: «Что-то коричневое».

Комната действительно была оформлена в коричневых тонах. Чистая, светлая — мечта минималиста. Из мебели — пара больших диванов, три кресла под ступеньку, да столик между ними. Ну и немного выбивающийся из общей концепции, но здорово добавляющий уюта персиковый ковёр с длинным ворсом на полу.

В одном из кресел сидел мужчина: одетый по-домашнему, с толстой книжкой в руках, немного растрепанный. На ближайшем журнальном столике дымился кофе. Хозяин дома?

Впервые Мишель пожалела о своих достаточно крепких нервах — грохнуться в обморок сейчас было бы наилучшим выходом. Глядишь, пожалели бы, отпустили. «Но мы лёгких путей не ищем», — проскользнула унылая мысль в голове девушки, в то время как она затравленно смотрела в насыщенно зелёные глаза. Мужчина, шатен лет тридцати пяти, скользнул по ней ничего не понимающим взглядом и требовательно уставился ей за спину. Воровку уже почти привычно схватили за предплечье, подтащили к креслу напротив и небрежно швырнули в него. Мишель зло зашипела, ударившись бедром о подлокотник, но, наткнувшись на неприязненный взгляд «кошелька», подавленно замолкла.

— И кто это? — выгнув бровь, скептически осведомился шатен.

— Обчистить попыталась нас на переходе.

Голос исходил сзади и сверху, а, чуть-чуть повернув голову и скосив глаза, девушка увидела на спинке кресла широкую мужскую кисть. Вывод Мишель было сделать не сложно — супостат стоит за спиной, облокотившись о кресло. Удрать шанса уже нет, чётко поняла девушка. Это невероятно расстроило юную воришку, повергая во что-то подозрительно напоминающее панику. Мишель поёрзала, с нетерпением ожидая реакции шатена, прекрасно понимая, от чего зависит, как бы пафосно это не звучало, её судьба. Тот же смерил девушку скептическим взглядом и с недоумением вновь обратился к собеседнику:

— И чего тебе от меня надо? Я похож на сотрудника правоохранительных органов при исполнении?

— Ничего, просто идея возникла, как ей вину искупить. Заодно и нам поможет.

А вот теперь Мишель испугалась... да ладно — она была в ужасе, чего уж преуменьшать? Так быстро ещё девушка не прыгала, как, впрочем, и не бегала. Жаль недолго и недалеко.

В памяти воровки чётко отпечаталось лишь тёмное дерево двери перед глазами да мгновение шершавой поверхности одного под ладонями. А потом, как удавка на шее, внезапно обхватившая её под грудью рука, безжалостно оттащившая Мишель назад.

И нервы не выдержали. Девушку затрясло, глаза наполнились слезами. Она даже не сопротивлялась, когда её усаживали обратно, лишь тихо всхлипывала, закрыв лицо ладонями. Звуки доносились как из-под воды, да и не прислушивалась она к ним, сосредоточившись на вполне закономерной в этом путешествии истерике. Но ничто не длится вечно, и минут через двадцать, показавшимися Мишель мгновением, уже чуть-чуть

успокоившаяся девушка уловила обрывок, судя по раздражённым голосам участников, спора.

— ... дурак ты, это сведёт риск к минимуму!

— Чей риск?! — тихо рявкнул шатен.

Хоть и приглушённый, голос всё равно неприятно резанул по обострённому головной болью слуху. Мишель поморщилась, не отнимая ладоней от лица, и уже целенаправленно прислушалась. Правда, это сразу же заметили.

— Уже успокоилась? — немного потеплевшим голосом спросил блондин.

Девушка таки убрала руки от лица, напоследок вытерев глаза запястьями. Это не особо помогло, но даже сквозь мутную пелену слёз перед глазами Мишель смогла различить каштановую шевелюру присевшего на корточки перед ней мужчины. «Кошелёк» устроился на правом подлокотнике её кресла, облокотившись на спинку, воровка поспешила отодвинуться подальше, именно блондина почему-то она боялась больше. Хотя почему это? Как будто причины у неё для этого не было, Мишель сердито одёрнула себя.

— Мы не причиним тебе вреда, девочка, — мягко улыбнулся шатен и тут же получил ну очень скептический взгляд заплаканных глаз, поджал губы, недовольно покачал головой.

— Единственное, что тебе надо, — Мишель максимально прижалась к левому подлокотнику ещё при первых звуках голоса блондина, дослушав фразу в весьма и весьма неудобном, но устраивающем её гораздо больше предыдущего, положении, — это применить свои профессиональные навыки.

Девушка не верила своим ушам, но, «постреляв» пару секунд глазами с одного на другого, насмотревшись на до безобразия серьёзные лица, окончательно убедилась, что не ослышалась. Мысленно, обречённо вздохнула. Ну, и куда они её встраивают?

— Как это? — едва слышно прохрипела Мишель, поморщилась, кашлянула, возвращая себе голос, повторила громче. — Как это?

— Нужно залезть в один дом, — снова взял слово шатен, — да открыть моим ребятам ворота, хозяев дома не будет. И, собственно, всё. Получишь кругленькую сумму (недовольное фырканье справа) и иди на все четыре стороны. Согласна?

— Можно подумать, у неё есть выбор, — мрачное бурчанье блонди и уже нормальное, хоть и с оттенком пренебрежения, — пошли в ванную отведу. Хоть умоешься, — мужчина встал, — смотреть противно.

— Меня, кстати, Виктор зовут, — вскочив, запоздало представился шатен, блондин же своё высокомерное величество этим утруждать не стал.

Девушка про себя фыркнула — ну и чёрт с ним.

Путь до ванны был недолог. Минута, и вот воришка уже плещется в здоровенной идеально белой раковине. А за дверью ждут оба мужчины. Не желая нарываться, Мишель быстро ополоснула холодной водой лицо, вытерлась, и, напоследок одарив отражение кривой усмешкой, вышла.

Под двойным конвоем Мишель сопроводили на кухню, усадили на высокий стул и сунули в руки горячий сладкий чай. Виктор с блондином уселись напротив тоже с кружками, только, кажется, с кофе.

— Не трясись ты так. Единственное, что тебе нужно — это перелезть через забор, усыпить охранника, да ворота открыть, — пытался успокоить трясущуюся Мишель Виктор. Судя по тому, как плескался горячий чай в её руках, у него это не получилось.

— Ус-с-сыпить охран-н-ника? — в ужасе переспросила девушка, уставившись на него круглыми глазами, на мгновенье даже перестав дрожать. Такого поворота она не ожидала,

итак весьма смутно представляя себе всё действие.

А тут ещё и усыпить...

— Да не бойся ты так, — мягко сказал Виктор, пододвинув к воровке пиалу с конфетами, та, впрочем, её проигнорировала. В данный момент Мишель гораздо больше занимал разговор, — ему уже под семьдесят лет. Других там не будет, прыснешь с баллончика в лицо и всё. Откроешь ворота, через час, кстати, пойдёшь с Сергеем (кивок на блондина), он покажет тебе, что для этого нажать надо, деньги также будут у Сергея, он едет с вами, забереёшь и на все четыре стороны. До города тебя в любом случае подвезут.

— «Других там не будет», — эхом повторила Мишель, — а если будет? Об этом подумали?

— Это исключено, — подал голос молчавший до этого Сергей. — Я лично проследил, как он уезжал. И до сих пор слежу — никого там кроме старика нет.

— А если есть? — настояла девушка.

— Нету, — раздражённо прошипел мужчина в ответ.

— А если есть? Что мне тогда делать? Когда поймают? — настырно, с всё нарастающей тревогой спрашивает Мишель. Камень, будто прислушиваясь к тревогам хозяйки, похолодел.

— Не бойсь, вытащим, — уверенно пообещал Виктор. Так уверенно, что воровка почти поверила. — Кстати, вернёшься ты поздно, тебя родители не хватятся? Сколько тебе, кстати, лет-то?

— Хватятся! — слишком поспешно и радостно встрепенулась воровка, преисполнившись надеждой таки удрать.

— М-м, — задумчиво потянул Виктор, отпив кофе, недоверчиво прищурился.

— Брешет, — в сторону буркнул Сергей, откусывая от конфеты.

Мишель взволнованно прикусила нижнюю губу, напряжённо выпрямилась.

— Ну ладно, — Виктор слабо улыбнулся, протянул через стол ладонь. — Давай телефон, я им позвоню, что-нибудь наплету, успокою.

— Нету у меня телефона, — буркнула, отведя глаза и скиснув, воровка.

— Оу, а номер?

— И номера. Не хватятся, — девушка, слегка покраснев, уткнулась взглядом в чай.

— Понятно... — вздохнул Виктор. — Точно?

Мишель молча кивнула.

— Ладно. А лет-то тебе сколько?

— Скоро семнадцать будет, — тихо пробурчала воровка и таки потянулась к конфетам.

Стресс заедать.

Виктор коротко покосился на вздрогнувшего и болезненно скривившегося Сергея. Думать о том, что будет с ними, а в особенности с этим ребёнком, если их поймают, было откровенно страшно. И ладно бы они — поделом, а вот девчонка...

Через час, напоив Мишель чаем и нормально покормив, вывели её учиться. Ну, как учиться... вредный блондин ткнул пальцем туда-сюда, рыкнул пару раз, но девушка, будучи довольно догадливой, его пантомиму расшифровала и даже почти поняла. Но спрашивать, глядя в злобную физиономию, не решилась, да особо и спрашивать-то нечего было — самое главное воровка уже запомнила.

В душе поселилась обречённость, Мишель и без обжигающего холодом камня догадалась, что пойдёт всё отнюдь не по плану... Сергея, по крайней мере. Но... мужчины!!!

Что ещё сказать?

«Да и кто меня слушать будет», — безрадостно повесила голову девушка, хвостом плетясь за блондином к гаражу, ибо, как ей любезно рыкнули по дороге, выезжали они через полчаса.

«И почти тем же составом», — отметила про себя Мишель, наконец-то нормально разглядев женщину-шофера. Она действительно была огненно рыжей, с необычной для этого цвета волос загорелой кожей и выразительными карими глазами. В руках «Рыжика», как мысленно окрестила её девушка, медленно тлела тонкая дамская сигарета.

Мишель недовольно наморщила нос, едва порыв ветра донёс до неё сигаретный дым. Ванильный... бр-р, гадость. Курение воришка не одобряла, считая одним из способов самоубийства, а с ванилью у неё отношения не сложились ещё в детстве, так что ближе подходить, в отличие от Сергея, она не стала. Мысль о побеге была отмечена почти сразу ввиду её нереальности, да и смирилась Мишель уже почти — смысл беречь душу грёзами? Так что.

Девушка остановилась в трёх метрах от рыжей и исподтишка продолжила разглядывание. Женщина была одета в лёгкое песочного цвета пальто в крупную клетку, узкие чёрные джинсы и обута в лакированные полусапожки на здоровенной шпильке. Держалась уверенно, даже нагло. Красивая, смелая.

— Это кто? — тонкая сигарета указала на Мишель.

— Никто, — лаконично ответил Сергей, обходя её, — подсобит нам чуть-чуть.

— Ребёнок? — взгляд тёплых карих глаз прошёлся по воришке, женщина перехватила блондина за руку. — Ты в своём уме?! Я молчала, когда ты её в машину затаскивал, когда сюда волок! Но это, блять! — «Рыжик» возмущённо всплеснула руками, Сергей, освободившись от хватки женщины, сам сжал её руку, чуть было не треснувшую его по голове. Рост-то у них, с учётом каблуков, был почти одинаков.

— Слушай сюда, — зашипел блондин, притягивая разъярённую рыжую ближе, — я не собираюсь её насиловать, убивать и тому подобное. Выполнит работу, получит сумму и всё! Сердобольная ты наша, — фыркнул, легко оттолкнул.

— Я просто волнуюсь, — неожиданно тихо отозвалась женщина, разом потеряв весь запал. Сергей было протянул руку ободрить её, но передумал, на полпути остановившись и сжав наконец ладонь в кулак, убрал её обратно в карман. Его же собеседница, занятая тяжёлыми мыслями, этого не заметила, слепо смотря под ноги.

— Зря. Всё просчитано на десять раз, — мужчина аккуратно отобрал почти до фильтра дотлевшую сигарету, рыжая вздрогнула, встрепенулась и одарила его недовольным взглядом.

— И всё равно, девчонку в это дерьмо ты втягивать права не имеешь, — аккуратный пальчик с золотистым маникюром ткнул Сергея в грудь, — это касается только нас четверых.

— А то я не знал! — демонстративно закатил глаза блондин и уже серьёзней добавил: — Она увеличивает наши шансы почти в два раза, никто из нас в ту дыру не пролезет, перескакать через забор не вариант. Права на ошибку нет, Ириш.

— Это ты Сёбе объяснишь: и про убийство, и про изнасилование. Как думаешь, — женщина издевательски ухмыльнулась, и, схватив мужчину за воротник, резко дёрнула на себя, так что их лица оказались буквально в десяти сантиметрах, — он проникнется?

Сергей, поджав губы, отцепил женскую ручку от куртки и, наконец обойдя «Рыжика», уже с другой стороны автомобиля буркнул:

— Сомневаюсь.

Женщина устало покачала головой, глядя в след вышедшему из гаража мужчине и, достав из кармана пачку, двумя пальцами вынула сигарету, прикурила. Сунула зажигалку обратно и подняла глаза на уже порядком замёрзшую Мишель. Девочка, несколько озадаченная вышеописанной сценой, отвела глаза.

Рыжая снова покачала головой, и, подойдя к Мишель, присела перед ней на корточки. Зажав сигарету в уголке губ, взяла правой рукой ладонь воровки, тихо, недовольно фыркнула.

— Да ты совсем ледяная, замёрзла поди? Ладненько, — женщина резко поднялась, Мишель от неожиданности машинально шарахнулась назад, попутно вырывая ладонь. Но рыжая лишь снова фыркнула и, кинув почти нетронутую сигарету на пол, затушила её носком сапога.

— Опять гадишь?! — рывкнул неожиданно вернувшийся Сергей, обе представительницы женского пола вздрогнули. Ирина досадливо поморщившись, повернула голову на голос и в тон потянула:

— Да кто бы говорил, — женщина, легонько сжав плечо опешившей Мишель, подтолкнула девушку к машине, — совсем заморозил ребёнка.

— Ребёнка? — пренебрежительный фырк. — Да какой это ребёнок? Рецидивистка малолетняя.

— Сам ты рецидивист, — «Рыжик», открыв дверцу автомобиля, усадила девочку внутрь, и, легонько её пихнув, чтоб подвинулась, уселась следом, захлопнув за собою дверь, окончательно обрывая бессмысленный, по её мнению, диалог.

Мишель поёжилась, и, закутавшись в куртку поглубже, перевела взгляд на женщину. Та же с лёгким любопытством её пару секунд поразглядывав, констатировала:

— Ты красивая.

— Спасибо, — удивлённо хлопнула ресницам воришка, и, не особо думая над своими словами, вернула комплимент. — Вы тоже.

— Спасибо, — тихо засмеялась женщина, спросила, — звать-то тебя как, чудо?

— Мишель, — девушка неловко пожала плечами, отчего-то застыдившись, отвела глаза.

— Я Ирина, — решительно протянула руку рыжая, девушка неуверенно её пожала, впервые улыбнувшись. — Родители оригиналы?

— Не знаю, — улыбка на губах Мишель тут же увяла, воришка нерешительно прикусила нижнюю губу, раздумывая, отвечать ли? Но всё же ответила — хуже, поди, уже не будет, — я из детдома.

— Плохо... — посочувствовала женщина и, прищурившись, спросила, — Так что, тебя все ищут?

— Не знаю, как насчёт всех, но возвращаться я не буду! — негромко огрызнулась Мишель, уже пожалев о своей откровенности, дёрнула ладонь, заполошно оглянулась.

— Да успокойся ты! — Ирина беззлобно улыбнулась. — Не собираюсь я тебя возвращать, ведь не бегут, тем более в другой город, из прихоти.

Девушка тихо фыркнула, припомнив пару экземпляров, женщина поспешила исправиться:

— По крайней мере, не такие, как ты.

— Какие такие? — уже немного позабыв о страхе, подозрительно осведомилась Мишель.

— Не злись, — озорно хихикнула Ирина, потянув девочку к себе, — такие, как котята.

— Котятка?! — возмущённый вскрик, и девушка лягнувшись, попыталась отодвинуться подальше. Но силы были не равны, и спустя минуту обескураженная таким поворотом событий Мишель оказалась в тёплых объятьях Ирины, слегка пахнущих ванилью и дымом.

— Жаль, я не могу своих иметь... — слабо прошептала женщина.

Но девушка разобрала и так же тихо спросила:

— Почему?

Гнева как не бывало, что не говори, а зла рыжей Мишель не желала. Хотя уже не раз корила себя за излишнюю, по её мнению, доброту. «С такими талантами», — порой уныло вздыхала воришка, провожая взглядом очередную старушку, только получившую пенсию.

— Не знаю. И никто не знает. Вроде здорова, а пять раз выкидыши, — прозвучал рваный шёпот, в котором послышались слёзы. Мишель закусил губу, как никогда ощущая свою беспомощность. Нестерпимо хотелось помочь, но...

— Всё будет хорошо, — неловко погладила по мелко подрагивающей спине. Что она может-то?...

— Ох, ладно! — рыжая отпустила Мишель, выпрямилась, указательными пальцами аккуратно вытерла влагу под глазами. — Чего это я? Не потекло?

Девушка отрицательно качнула головой, с облегчением наблюдая за преобразившейся женщиной. На подкрашенных блеском губах вновь появилась лёгкая улыбка, карие глаза заблестели воодушевлением, да таким, что Мишель невольно насторожилась.

— А заберу-ка я тебя себе! — вдохновенно подняла палец Ирина, широко улыбнулась, окончательно отбросив грусть.

Девушка лишь изумлённо приподняла брови. Такой поворот стал для неё сюрпризом. Каким, правда, конкретно, воровка ещё не определилась.

— А что? — ещё сильнее загорелась новой идеей женщина. — С тобой мы уже поладили, в интернат ты возвращаться не хочешь. Гениально!

— М-м-м, — потерянно потянула Мишель. В душе девушки причудливым коктейлем смешалось и изумление, и недоумение, и неловкость, откуда-то приплыла неуместная для такой ситуации вина, зажав под мышкой грусть, Мишель, пожалуй, впервые в жизни, не знала, что сказать. Поэтому девушка, слегка зарумянившись, молча опустила голову, уткнувшись взглядом в собственные острые коленки.

Открылась левая передняя дверь, обдав пригревшуюся девушку морозным воздухом. Она вздрогнула, поёжилась, синхронно с женщиной, заполошно вскинула голову, несколько заторможенно посмотрев на поспешно плюхнувшегося за руль мужчину. Но вот в синих глазах мелькнуло узнавание, обида, быстро, впрочем, сменившаяся отрешённым безразличием.

«Вот и сказке конец...» — горько улыбнулась про себя Мишель, тупо глядя перед собой. Появление блондина отрезвило не хуже ведра ледяной воды за шиворот.

Справа послышалась громкое фырканье, девушку легонько щёлкнули по озорно вздёрнутому носу. Мишель вздрогнула и перевела ошарашенный взгляд на Ирину, взглядом спрашивая: «Чаво?!».

— Не грусти, чудо, — рыжая открыто, светло улыбнулась. — Всё будет путём! Теперь я в этом уверена, а разговор закончим после... — многозначительно закончила, всё также широко улыбаясь.

Девушка в ответ ограничилась слабой, неискренней ухмылкой, с трудом выдавленной, скорее, из нежелания обидеть. У неё такой уверенности не было, более того, она была абсолютно уверена в обратном. Да и старинный семейный оберег, что сейчас неприятно леденил кожу, выражал свою полную солидарность. Причём, реакция его была какая-то странная — никогда раньше камень не остывал, только нагревался и то только по серьёзному поводу. На мелкие неприятности типа отобранных старшаками часов он не реагировал. Проверено.

Рычание мотора стало для девушки неожиданностью. Да такой, что она на сиденье едва ли не подпрыгнула, а, подняв глаза, натолкнулась в зеркале на насмешливый взгляд голубых глаз. Сконфуженно отвернулась. Сергей хмыкнул и тронул автомобиль, аккуратно выехал в услужливо открытые ворота, порой вяло перебрасываясь с рыжей колкими фразами.

Дорога прошла почти в тишине, на попытки втянуть ее в разговор Мишель не реагировала. И так не особо оживлённая, слишком встревоженная будущем, беседа вскоре окончательно увяла.

Спустя же два часа машина внезапно остановилась. Да ещё и посередине заброшенной, заросшей дороги, находящейся, по прикидкам воровки, где-то глубоко в лесу, и которая, к ужасу девушки, оказалась конечным пунктом. Что им тут надо она и не представляла.

Хотя нет, представляла, и «представления» эти ей очень не нравились.

— Инвентарь разбираем, — с едва различимыми нотками нетерпения скомандовал Сергей, протягивая раскрытую ладонь назад, между сидениями.

Ирина оперативно цапнула предложенное устройство, Мишель же, поколебавшись с пару секунд, нехотя последовала её примеру. И всё так же повторяя за женщиной, закрепила его за ухо. Как этот «наушник с палочкой» называется, девушка не знала (да и не особо это, честно сказать, ей надо было), зато она знала для чего он.

«Что гораздо лучше», — мысленно успокоила себя Мишель.

— Проверяли? — подозрительно поинтересовалась рыжая. — А то как всегда вовремя.

— Проверяли, проверяли, — с усмешкой в интонации отозвалось устройство голосом Виктора, девушка вздрогнула от неожиданности.

— Молодца. Когда выходим?

Все покосилась на часы.

— Через полчаса? Как, согласны? — вновь подал голос Виктор.

— Лучше через час, когда окончательно стемнеет, — воспользовавшись столь щедрым предложением, не согласился Сергей.

Мишель, слегка повернув голову, смотрела в окно. Солнца на небе уже не было, лишь кое-где оно мелькало ярко-алым сквозь стройные стволы да почти опавшую листву деревьев, окрашивая её в багряные оттенки, тронув золотом, как будто стыдливо маскируя выносливую и такую немногочисленную в преддверии зимы зелень. Девушка почти чувствовала на коже холодный осенний ветер.

— Можно я выйду? — тихо спросила Мишель.

— Нет, — незамедлительно последовал твёрдый ответ.

Сергей. Девушка, прикусив язычок, украдкой закатила глаза.

«Вот же зараза белобрысая».

— Куда я денусь посреди леса? — поморщилась воровка, раздосадовано вперив взгляд в мужчину. И говорила чистую правду — это ж хрен знает сколько километров.

— Мало ль.

— Ну пожа-а-алуйста-а-а, — слёзно потянула Мишель, откровенно клянча.

— Нет.

— Ну почему?

— Потому.

— Пожа-а-алуйста-а-а-а-а.

— Я же сказал нет! — прикрикнул стремительно теряющий терпение блондин.

— Почему?

— Ещё слово и я тебя сам придушу!

— Я на улицу хоч-у-у, — вновь капризно потянула Мишель, раздражённо схватившись за ручку двери.

— Обойдётся, — неожиданно почти спокойно ответил мужчина.

Прозвучавший щелчок же заставил девушку гневно сузить глаза и медленно обернуться, а уж надменная ухмылка Сергея и вовсе почти неконтролируемое желание подправить ему прикус. Но воришка с детства отличалась редкостным для своего возраста благоразумием, так что, посчитав такой вариант событий несколько... неблагоприятным, осталась смиренно (почти смиренно) сидеть. Мысленно же ей, к счастью, ничего не мешало распиливать эту самодовольную тушу на много-премного вредных блондинистых Сергейчиков.

— Через часок и выйдешь, — отрезал мужчина, отворачиваясь и вольготно откидываясь на сиденье.

— На улицу хочу, — бросив тоскливый взгляд в окно, жалобно прошептала почти отчаявшаяся Мишель, мигом сменив тактику.

Но, к её громаднейшему сожалению, в этот раз была полностью проигнорирована.

Жуть как хотелось на свежий воздух... и да, обязательно потихоньку спросить у леса: а не закопан ли тут кто? Он, конечно, не родной, но если хорошо попросить да «случайно» пару капель крови на кору уронить, отозваться должен. От обиды на глаза навернулись невольные слёзы — сидеть в паре десятков сантиметров от столь необходимой сейчас информации и не иметь возможности даже на шаг к ней подойти было горько и почти физически больно.

— Ну, что ты там забыла? — заметив намечающиеся слёзы, мягко спросила

помалкивающая до этого Ирина.

— Ничего. Просто лес люблю, а как в детдом попала, ни разу не была, — и девушка жалобно шмыгнула носом.

— Ты сирота? — внезапно заинтересованно влез блондин, вновь полуобернувшись. Открывшая, было, для ответа рот, рыжая одарила его мрачным взглядом.

Девушка болезненно прикусила язык, мысленно коря себя за болтливость. «Этого ещё не хватало», — пронеслась в её голове досадливая мысль.

— Ладно, — громко произнесла женщина, разрывая напряжённую тишину, — открывай дверь. Я тоже подышать да размяться хочу.

— А я не хочу, — капризно и несколько лениво изрёк Сергей.

— А кто тебя спрашивает, перчик ты мой? — насмешливо спросила Ирина и резко скомандовала. — Давай, открывай!

— А давай я тебе окошко открою, сиденье отодвину, лучше? М-м-м? — уже почти капитулировав, заискивающе муркнул блондин, с неохотой поглядывая на женщину. Уступать не хотелось, особенно на глазах вредной девчонки.

— Открыва-а-й... — с приказными нотками напористо потянула рыжая.

Мужчина едва слышно, недовольно фыркнул. Звонко щёлкнул замок.

Мишель с удобством расположилась на одном из наиболее выдающихся из-под земли корней огромной старой берёзы. Принадлежность дерева к берёзе только и определялась, что по полосатой коре, по сложению же больше напоминая средней мощности дуб. Девушка ласково провела ладонью по рельефной поверхности... и характеру тоже.

«Подумать только: четыреста лет», — рассеяно улыбнулась воровка, откидываясь спиной на толстый ствол. И, прижав обе ладони к старой коре, всё же спросила.

Дерево отозвалось настороженным молчанием, Мишель поморщилась про себя: похоже, придётся резать — иначе как выйти на контакт с упёртой берёзой? Девушка чуть-чуть прогнулась в спине, заведя руки за спину, приподнялась. Подцепив кончиком указательного пальца брелок из заднего кармана джинсов, потянула, вытаскивая весь складной нож. На ощупь нашла «волшебную» кнопку.

С тихим щелчком острое лезвие выскочило, Мишель выдохнула и быстро, чтобы не передумать, зажала лезвие в левом кулаке, правой же резко его оттуда выдёргивая. Воровка закусила губу, с трудом сдержав крик, ладонь моментально прострелила острая боль. Как же она её ненавидела!

Мишель перевела дыхание и с досадой прижала кровоточащую руку к дереву. Теперь же оставалось только ждать, когда кровь проникнет в полосатую шкуру поглубже. А также злиться на упёртость берёзы и молиться, чтобы не занести ничего опасного в открытую рану.

— Мишель? — внезапно окликнули девушку, заставая врасплох.

Воришка заполошно вскинула голову, по привычке напрягаясь, при малейшей угрозе готовясь сорваться с места. Но вспомнив, где находится, успокоилась. Куда бежать-то?

— М-м-м? — громко вопросительно протянула в ответ Мишель.

— Чем ты там занимаешься? — женщина бросила окурок на землю и притушила носком сапога. — Давай обратно.

— Можно я ещё посижу? — и, видя сомнения рыжей, Мишель быстро добавила. — Чуть-чуть.

— Ладно, — нехотя разрешила Ирина, и, уже отвернувшись и взявшись за ручку,

попросила, — только не подводи меня, хорошо?

И, не дожидаясь ответа, женщина села в автомобиль. И хорошо, кстати, ибо Мишель было уже не до мира сего — берёза наконец-то откликнулась.

У леса был хозяин. Нет, не так — у леса был Хозяин. Не хранитель, на роль которого в лучшем случае могла претендовать Мишель, а именно тот, кто, однажды подчинив, теперь им безраздельно владел. Не особо заботясь его проблемами, кстати, как пожаловалась полосатая.

А живёт он неподалёку, в полукилометре на запад, и нет, трупы здесь в последние полвека Хозяин не закапывал.

«В последние полвека?!» — испугалась девушка, у которой резко обострилась желание драть отсюда ноги.

Но с паникой Мишель вскоре справилась и уже почти спокойно поинтересовалась: а сколько Хозяину лет? Если полвека назад он был способен закопать здесь кого-то, предположительно, было ему на то время лет двадцать, то сейчас около семидесяти?

Отвечать конкретно дерево отказалось, но намекнуло, что несколько больше и мягко, но настойчиво разорвало связь, оставляя любопытного маленького хранителя в недоумении.

А в полукилометре оттолкнулся от ещё более старой яблони, нехорошо улыбнулся колдун. Любопытный маленький хранитель.

Только вот... какого пола? Девочка была бы гораздо желательнее, а если ещё и нетронутая.

Как же неудобно! Лес делит людей лишь на слышащих и нет, и сколько колдун не бился, ввести ещё одну категорию не получилось. Мужчина медленно облизнулся, он почти чувствовал на губах тёплую, густую, сладкую кровь, столь неосмотрительно пролитую... добровольно.

Любопытный, маленький... неопытный хранитель, кто ж так крупно подставляется в незнакомом лесу? Знает ли он, какую власть (тихий смешок) дают эта пара капель в опытных руках... пусть даже через несколько сотен тонн опилок.

Мишель с досадой поморщилась и, опираясь на здоровую руку, встала. Информация была, конечно, ценна, но рассчитывала девушка несколько на большее. Хотя возраст его воришку обнадёжил — старик всяко лучше дееспособного мужчины.

Девушка немного постояла, удивляясь, как быстро нынче темнеет, прошло-то минут двадцать всего, бездумно потёрла друг о дружку ладони. И тихо матюгнулась, потревожив рану, уже не таясь, достала из внутреннего кармана всегда валяющийся там на всякий пожарный бинт, на несколько слоёв обмотала руку и, спрятав её в карман, направилась к едва виднеющемуся в сумерках автомобилю. Ах да, предварительно натянув рукава пониже — новое «украшение» лучше не показывать.

Лето прошло, передав эстафету осени, и та вольготно развернулась, дунув холодом на разморённый трёхмесячным теплом мир. Неудивительно, что Мишель порядком подмёрзла.

— И ты ей поверила?

— А почему нет? Девочка благоразумная, глупости делать не станет.

— Так уверена?

— Абсолютно.

— Почему? Ты решила, — болезненная усмешка, — а меня спрашивать не надо?
— А зачем? Я — взрослый, свободный человек — что хочу, то и делаю.
— Нда? Я знаю минимум трёх человек готовых с тобой в этом вопросе поспорить.
— Угу, и ты в первых рядах.
— Это не повод, Иришка, я тебе уже говорил об этом.
— Да ну?!
— Не перебивай. Ты надумала себе проблему и упёрто рушишь свою жизнь в угоду ей.
— Надумала?! Ты видел, — судорожный вздох и решительное: — повтори.
— Я не об этом, не перевирай.
— А о чём?
— Ты невыносима, — раздражённое.
— Так не выноси меня, — язвительная ухмылка, — детка.
— Я не отступлюсь.
— Напугал, бабайка.

Открылась дверь, обдав сидящих внутри морозным воздухом. Девушка поспешно плюхнулась на сиденье, захлопнув за собой дверь. Сложила руки лодочкой и, поднеся ко рту, подула, согревая замёрзший нос. Ирина, наблюдающая за Мишель с лёгкой усмешкой, спросила:

— Раз замёрзла, что ж сидела так долго?

— Ну... — неловко потянула время воришка, про себя судорожно перебирая отмазки в поисках более правдоподобной.

— Му-у, — потянула рыжая, передразнивая.

Девушка едва заметно улыбнулась и мысленно облегчённо вздохнула — ответ уже не требовался, настроение понемногу выравнивалось. Сергей как воды в рот набрал, что не могло не радовать, устройство, о котором Мишель уже и позабыла, тоже помалкивало. По прикидкам воровки, ещё минут десять спокойствия есть.

— А зачем вы всё-таки лезете-то туда? — немного коряво спросила девушка, с любопытством поглядывая на разом погрузневшую женщину.

— Не твоё дело! — мигом подобрался Сергей.

— Раз втянул, значит, моё! — не став дожидаться заступничества, огрызнулась в ответ Мишель. Все яснее формировавшееся внутри предчувствие грядущей пакости нервировало итак дерганную девушку, а обжигающий холодом камень начинал откровенно злить.

— Втянул? Я? — мужчина резко обернулся, сделав попытку испепелить выскочку взглядом.

— Да, — слегка кивнула воришка, не сводя взгляда с Сергея, — ты! Ведь мог отпустить, в отделение отволочь, избить на худой конец! Но нет, ты втрапливаешь меня в неизвестно что, грозящее мне неизвестно чем. А мне всего ничего и закончить свою жизнь хрен знает где... — девушка перевела дыхание и гневно фыркнула.

— А воровать?! Хорошо, да?! В твой-то год... — воспользовался моментом блондин, но был перебит громким залиvistым смехом.

Два недоумённых взгляда скрестились на хохочущей Ирине, та же, ничуть не стесняясь внимания, продолжила смеяться, согнувшись пополам, судорожно прижимая руки к животу.

— Иришка? — несмело позвал Сергей. — С тобой всё нормально?

— А-а-абсолютно! — всхлипнула женщина, разгибаясь и вытирая выступившие слёзы

кончиками пальцев. Напоследок ещё хихикнув, достала из сумочки зеркало, проверяя макияж.

— Может, объяснишь? — мрачно предложил, хотя, скорее, приказал, мужчина.

Мишель благоразумно промолчала.

— А девочка-то с перчинкой, — весело отозвалась женщина, одобрительно улыбнувшись.

— И любопытная чересчур.

— Брось, — Ирина покачала головой, — действительно ведь право имеет. Видишь ли, — начала рыжая, полуобернувшись к Мишель, — два года назад перед нами троими встала крупная проблема, решить самостоятельно которую никак не получалось. И мы, три великовозрастных дурня...

— Это точно, — тихо пробормотал Сергей.

— ... попросили помощи, плата в то время показалась копейками, сейчас же, спустя время... — женщина покачала головой, печально улыбнувшись, — не могу я отдать, только найдя. И Виктор не сможет.

— Так не отдавайте? — в замешательстве предложила девушка, и, схватив за хвост внезапную мысль, с подозрением посмотрела на сконфузившихся соучастников, тихо вздохнула и без капли сомнений, больше для себя, констатировала: — Вы оставили что-то в залог. Что-то жизненно важное. И забрать это что-то нужно срочно. Потому что у вас что-то случилось, не так ли?

— Так, но не у нас, а у Виктора, — уточнил Сергей.

— Вы уверены, что хозяин дома уехал?

— Не совсем, — снова взяла слово Ирина, — но должен.

— Н-дя, либо всё, либо ничего, да? — уныло сморщила нос Мишель.

Ещё пару минут в салоне безраздельно царила тишина — все гадали, что принесёт сегодняшняя ночь. И если Ирина с Сергеем ещё надеялись на лучшее, то Мишель была абсолютно уверена, что ничем хорошим это не кончится. Но делать нечего; также девушка догадывалась и о том, что лес непременно наступит, Воришка, опустив голову, спрятала грустную улыбку, вернее, нашелестит Хозяину о забредшей слышащей. А тот просто не отпустит — природный дар так же редок, как амурский тигр: то есть, теоретически, поехав в Приамурье встретить его возможно, но на практике — увы и ах. И да смилостивится над нею судьба, чтобы он не оказался чёрным. Неприятно царянул Мишель страх, но себя она любила, так что порыв самоуничтожения был подавлен на корню.

— Чаво сидим? — ворчливо пробурчали в правое ухо, девушка вздрогнула, рывком выплывая из безрадостных фантазий.

— Тебя ждём, — огрызнулась рыжая.

— Польщён, — ехидно сострил Виктор.

— Не стоит, — заверил его Сергей, копаясь в бардачке, — ещё минутку подождём и, увы, без тебя, такого непунктуального, придётся. Ириш, ножи у тебя?

— Агась, — женщина, стряхнув унынье, деловито полезла в сумку и вытащила три складных ножа и баллончик. Воришка с профессиональным интересом следила за сим действием... Кто бы мог подумать, что в такой мелкий ридикюль помещается не только телефон (да и тот без футляра)? А девушка и кошелёк вроде ещё заметила...

— Тебе, — Мишель протянули небольшой нож и баллончик, девочка неловко взяла их.

— А нож-то на что? — недовольно поджал тонкие губы блондин.

— На то же, что и тебе. На всякий.

— Как бы всяким не оказались мы.

Девушка тихонько фыркнула, сунула баллончик в карман и принялась вертеть в руках ножик, недоумевая: а как он собственно раскрывается-то?

— Сбоку кнопочка, маленькая и тёмная, вот и не видно, — подсказала Ирина, — только повнимательнее смотри — она с противоположной стороны, откуда лезвие выбрасывает.

— А-га, — коротко отозвалась девушка, на пробу нажимая. И действительно, порезать не порезало бы, но при такой силе синяк обеспечен.

— Ну, с Богом, — прошептал Сергей, за ним эхом откликнулись Ирина и Виктор.

— А я атеист, — как бы между прочем вставила Мишель.

За что получила два снисходительных фырка и испепеляющий взгляд. А что? Россия между прочем, светское государство, кто во что хочет, в то и верит!

А уже в лесу ей (о чудо!) молча выдали фонарик самой царской рукой, не став даже дожидаться, пока девушка себе что-нибудь сломает.

Мишель скептически разглядывала дырку в заборе. Да-да, именно дырку в каменном двухметровом заборе.

— Вас её наличие не смущает? — шёпотом задала страшно интригующий её вопрос воровка.

— А что в этом удивительного? — так же тихо огрызнулся Сергей, нетерпеливо подталкивая девушку вперёд. — Ну, разрушили корни кладку.

— А почему не заложили? — упёрлась ногами в опавшую листву Мишель.

— Не з-с-саметили!

— С-с-столько времени?!

— Далеко было!

Сергей хмуро уставился на девушку, она в ответ. Но, как это ни удивительно, в этот раз воришка быстро сдулась и, поморщившись, взялась за язычок куртки. В ней она, хоть узлом завязываясь, не пролезет.

— Это место действует мне на нервы, — пробормотала Мишель и, стянув тёплую куртку, небрежно пихнула её в руки мужчине, — учти, белобрысый, моя смерть будет на твоей совести.

— Может, вы кончите препираться? — устало спросил Виктор.

— Угу. Где Ирина? — девушка почти бесшумно подошла к дыре и, включив фонарик, осмотрела края.

— Какая тебе разница? — Сергей облокотился на ближайшее дерево.

— Спокойней будет, — Мишель пошатала одну из боковых каменок, та нехотя поддалась. Тогда девушка, взяв фонарь в зубы, изо всех сил упёрлась обеими руками в «кирпич».

— На стрёме стоит.

— Эт хорошо, эт правильно, — воровка зашипела что-то, в чём Сергей с трудом разобрал «твою мать», когда камень неожиданно поддался, и она, выронив фонарик, по инерции проскользнула вперёд, разодрав единственно целую ладонь.

— Что там с тобой? — поневоле проскользнуло беспокойство в мужчине.

— Ничего, просто поцарапалась. Могли и перчатки дать.

Блондин насмешливо фыркнул — раз огрызается, значит, действительно всё нормально. Девушка ещё немного потопталась на месте и, обречённо вздохнув, таки полезла в дырку. Пару раз матюгнувшись, когда острые и холодные камни задевали кожу, пролезла, шлёпнувшись на промёрзшую землю по ту сторону. Сергей оперативно вернул замёрзшей девушке куртку.

— В какую сторону идти нужно, помнишь?

— Угу.

Да, Мишель воровала с семи лет, но прежде ей никогда не приходилось влезать в чужой дом. «Почти девственности лишилась, однако», — нервно хихикнула про себя воришка, беспокойно оглядываясь по сторонам.

Ночь была тихой (не трещали как летом насекомые — температура уже порою опускалась до ноля) и тёмной; на небе снисходительно красовался узкий серп луны, скупно излучая тусклый свет. Под ногами тихо шуршала опавшая листва, где-то далеко ухала сова.

Царапины неприятно пощипывали, всё время напоминая девушке, что это реальность, и проснуться не получится.

Мишель, беспокойно сжимая в кармане баллончик с газом, обошла огромное тёмное строение, возвышающееся над землёй метров на семь, угрожающе чернеющее провалами огромных окон. Не было даже и намёка на свет, и не верилось, что тут кто-то остался. И сомнения понемногу отпустили девушку — шаг стал более уверенным, пальцы прекратили мелко дрожать, а сама воришка наконец вспомнила о своей смелости (хотя, скорей, о наглости)...

План участка Мишель заставили выучить назубок ещё накануне, так что нужную сторожку она нашла быстро и, остановившись от неё метра за три, шепнула в микрофон:

— Я на месте.

— Молодец. Свет горит? — спокойно спросил Виктор, хотя воровка чувствовала, что он тоже на иголках.

— Неа, спит?

— Скорей всего, но утром он был тут. Если помнишь, — попытался ободрить девушку шатен, — ему под семьдесят, это уже старик.

— Старики разные бывают, — снисходительно фыркнула Мишель, вновь слегка разволновавшись.

— Наша девочка трусит? — встрял Сергей.

— Заткнись! — тут же коброй зашипела на него помалкивающая до этого момента Ирина.

— Заткнитесь все, я пошла, — быстро, чтоб не передумать, протараторила девушка и, стараясь ступать как можно тише, пошла на «штурм».

Тихо скрипнуло деревянное крыльцо под ногами, воровка напряжённо замерла, до боли вслушиваясь в обстановку. Впрочем, успехов особых не достигла, в ушах стучал лишь собственный лихорадочно бьющийся пульс, но, ни уловив ничего постороннего, девушка поднялась по ступеням и озадаченно остановилась перед большой железной дверью.

Поискала глазами отверстие в полу, в котором, по словам Виктора, сторож прячет запасной ключ — возраст и всё такое. Не нашла, ибо найди-ка тёмной ночью среди тёмно-коричневого чёрное. Мишель вздохнула и, достав фонарик, забродила светом по деревянному полу.

— Ты свет зачем включила, дура?! — зашипел наушник голосом несносного блондина.

Воровка крупно вздрогнула, сердце её подскочило едва ли не к горлу. Девушка была как никогда близка к инфаркту, а спустя минуту, восстановив сбившееся с испугу дыхание да подняв выроненный фонарик, к убийству.

— Дебил, — поставила диагноз Ирина, — ну, лучше сделал? Там же ни черта не видно.

— А что ты заступаешься за неё всё время? Уж не себе ли взять решила?

— Заткнулись, оба. Потом погавкаетесь, — мрачно буркнул, прерывая спор, Виктор.

Наконец, взгляд уже успокоившейся и продолжившей поиски Мишель зацепился за небольшое отверстие в углу, между стеной и перилами. Девушка выключила свет и, морщась от каждого скрипа, подошла. Присела, не без опаски сунула указательный и средний палец в отверстие. Действительно, почти сразу же они наткнулись на холодное железное колечко. Воришка, подцепив его, вытащила связку ключей.

— Гм? — на грани слышимости вопросительно потянула озадаченная воровка.

— Красный есть?

— Угу.

Ключ подошёл, звонко щёлкнул замок. Девушка замерла, но реакции не последовало, и она, на удивление тихо, без скрипов открыв дверь, вошла, не став, впрочем, её закрывать, лишь притворив, чтобы в случае ЧП для открытия достаточно было и толчка.

Внутри оказалось столь же темно, как и снаружи, а то и темнее. Похоже, сторож, в отличие от Мишель, преданным поклонником ночников не был. Что её изрядно огорчило, кстати. Воровка, запнувшись о... судя по всему обувь, огорчённо покачала головой, нервно стрельнула глазами по сторонам. Нет, не получится.

Снова достала фонарик, в другую руку взяла баллончик и, стараясь не трястись так сильно и очевидно, двинулась вперёд. Чем раньше сядешь, тем раньше выйдешь, как любил поучать сирот с четверть века пролежавший на нарах дворник.

В первую комнату Мишель шла со страхом, во вторую с опаской, в третью с волнением, четвёртой оказалась ванная. А больше и не было, девушка снова вернулась в спальню с так и не расправленной кроватью и, встав посреди комнаты, шёпотом, но, уже почти не таясь, сообщила:

— А его тут и нету.

Повисло напряжённое, недоумённое молчание.

— То есть? Ты внимательно посмотрела? — первым очнулся Виктор.

— Угу, если он только в холодильнике не прячется, — воровка подозрительно покосилась в сторону кухни.

— Странно, — больше для себя пробормотал шатен, рассеянно бросил, — ладно. Комнату с мониторами да панелью заметила?

— Угу, — Мишель вошла в смежное помещение и остановилась перед сенсорной панелью. Весьма далёкая от электроники воришка обвела взглядом всё великолепие многочисленных кнопок и в состоянии подозрительно напоминающим панику, затравленно просипела, — твою дивизию.

— Кнопок много? Не паникуй. Найди... — дальше следовало пространное описание, куда, собственно, Мишель нужно было ткнуть. С трудом, но кнопка была найдена. И вот, не без опаски девушка нажала, напряжённо замерла.

— Открылась, — с облегчённой улыбкой в голосе произносит Ирина, — всё, убирайся оттуда, чудо.

— С удовольствием, — сердито буркнула Мишель, и развернувшись...

... ткнулась носом в чью-то грудь, фонарик чуть не выпал из вмиг ослабевших пальцев...

Но грохоту не суждено было быть — холодные пальцы крепко обхватили кулачок воровки. Девушка шарахнулась назад, попытавшись вырвать руку, натолкнулась попой на панель. И было уже приоткрыла губы предупредить остальных, как мужчина, сделав два быстрых шага вперёд, придавил Мишель к панели, небрежно зажимая ей рот свободной ладонью.

Девушка замерла, дрожащими руками попыталась оттолкнуть стремительно холодеющую руку, но не успела. Ледяная волна неспешно прокатилась по телу, сосредоточившись в горле, сжав сердце и обернувшись вокруг солнечного сплетения.

Мишель безвольно обмякла, оглушённая чужим воздействием, напуганная до смерти. Девушка почти безрезультатно попыталась протолкнуть кислород в онемевшие лёгкие, совершенно отрешившись от окружающего мира. Не замечая, как чёрный, подхватив её тело,

уселся в рядом стоявшее кресло, устроив воровку на коленях.

Спустя минут пять холод потихоньку начал рассасываться; Мишель с трудом приоткрыла глаза, чтобы тут же поспешно зажмуриться — даже неярко свет больно бил по разнеженному мраком зрению. Чёрный, а это был именно чёрный, теперь Мишель абсолютно в этом была уверена, включив экраны с лёгким интересом наблюдал за... Сергеем? Ириной?

Девушка напряглась, желая поскорее вернуть себе своё тело. Дело пошло скорее, кончики пальцев начало тихо покалывать, Мишель снова приоткрыла глаза, моргнула раз, два. Да, колдун действительно наблюдал за её «сообщниками», которые к этому времени были уже в доме.

Мишель обречённо возвела глаза к потолку, говорила ж — ничем хорошим эта затея не кончится. О собственном будущем думать не хотелось — и ежу понятно, что ничего хорошего там уже не будет. Чудо, если жива останется. А вот...

Воришка, стараясь не обращать внимание на всё усиливающееся покалывание, с трудом разжала почти не слушающиеся хозяйку пальцы. Бах — выпал несчастный фонарик, чёрный напрягся, ладонь на животе девушки вновь начала леденеть, да так, что она и через куртку это прекрасно прочувствовала. Мишель перевела взгляд на экраны.

— Чудо? — встревожено позвала Ирина, напряжённо замирая.

Замер и Сергей.

Ответить девушка по понятным причинам не могла, так что пришлось ограничиться и, воспользовавшись бездействием колдуна, слабо пнуть панель. Тело под ней окаменело, тихо матюгнулось. Грохоту особого не было, но «соучастникам» хватило и этого:

— Уходим, — скомандовал Сергей, пятясь к двери, что-то невнятно добавил.

Но Мишель уже этого не слышала, тело скрутила боль, забирая волю, отбирая дыхание. Лишь едва заметно грел грудь семейный оберег, начиная потихоньку расплетать навеянное.

Чёрный неодобрительно покачал головой и, поудобней подхватив мелкое тельце, отправился встречать гостей. «Незванных, конечно, ну да ладно», — предвкушающее ухмыльнулся колдун.

Его темнейшество уже ждали.

— Привет, кур-р-рочки! — с сияющим оскалом поприветствовал гостей Себастиан. Гости вежливости не оценили, попытавшись испепелить чёрного взглядами.

Впрочем, он особо не обиделся, даже кивнул своим молодцам, чтоб отпустили. Сергей вскочил с пола, впериw злющие голубые глаза в ухмыляющегося колдуна. Ирина же просто села, скрестив ноги.

— Что с девчонкой?! — рявкнул блондин, порывисто делая шаг вперёд.

Молодцы за его спиной дёрнулись, но остались на месте. Ирина же, более-менее осведомлённая о вредном характере колдуна, просто тихо, просительно позвала его по имени, не сводя взгляда с бледной девочки:

— Себастиан?

— Ах да, — сделал вид, что только вспомнил о своей ноше чёрный, переведя взгляд на безвольно лежащее в своих руках тело, — где вы её откопали?

— Что. С. Девчонкой?!

— Ничего страшного, — Себастиан аккуратно уложил девушку в ближайшее кресло,

мрачно улыбаясь, — отдыхает. Давайте поговорим, мои птички нелетающие, о другом. Пропуская ритуальные танцы вокруг да около, сразу спрашиваю: «На что вы надеялись-то?».

— На удачу, — прикрыв глаза, ответила рыжая. — Разве у нас был выбор? Рано или поздно ты обязательно потребовал бы выплату долга.

Колдун, бесшумно ступая, подошёл к так и не вставшей Ирине, присел перед ней на корточки, мягко приподнимая лицо женщины за подбородок указательным пальцем. Сергей было дёрнулся вперёд, но был остановлен вовремя подставленной рукой плечистого «молодца».

— Верно, наседушка ты неудачливая, — Ирина резко распахнула веки, болезненно втянув воздух сквозь крепко стиснутые зубы, — я тебе больше скажу, — колдун почти дружелюбно улыбнулся, — в самое ближайшее время вы трое, освободитесь от сего тяжкого бремя. Разве это не прекрасно?!

— Что?! — резко шарахнулась назад Ирина.

— Когда?! — грубо оттолкнув чужую руку, шагнул вперёд Сергей.

— Как?! — прохрипел на том конце Виктор.

— П-ф-ф, — чёрный поднялся, под напряжёнными взглядам сладко потянулся и наконец соизволил ответить. — Итак, буду последователен. Ответ на твой вопрос, рыжик: я действительно проведу обещанный мне два года назад обряд, — Себастиан пренебрежительно потрепал закаменевшую Ирину по огненно-алым прядям, — на твой, блонди, — подошёл к Сергею и ласково провёл пальцем по щеке едва не звеневшего от напряжения блондина, — недельки через две, — колдун подцепил устройство и, позаимствовав его, неспешно одел, — а что же до тебя... ты сам приедешь, петушок.

— С чего бы мне это?

— ...иначе кто-то лишится двух представителей своего курятника...

— Ты ведь не убиваешь... — растерянно прошептал Виктор.

— Откуда ты эту чушь взял? — искренне рассмеялся Себастиан, направляясь к креслу.

— Но!

— Можешь жену с дочкой прихватить, — щедро предложил чёрный и, грациозно развалившись в кресле, с непринуждённой улыбкой выслушал весьма нелестные эпитеты в свой адрес, ставшие красноречивым ответом. — Так вот, это ещё не всё. Не явишься 18-го, наведуясь сам. А в качестве компенсации твоих женщин заберу.

— Я буду, — спустя пару секунд с обречённым вздохом пообещал Виктор.

— Замечательно. Я, курочки, вас даже наказывать не буду, такой подарочек с собою притащили...

— Какой подарок?! — запальчиво перебила Себастиана Ирина.

— Тот, что в кресле лежит.

— Она никаким боком! — хмурясь, процедил сквозь зубы Сергей. — И контрактов с тобой не заключала.

— Заключала, не заключала. Какая к чёрту разница? — меланхолично потянул чёрный, откинув голову на спинку, властно махнув рукой, пресекая возражения.

— И всё же... — попробовала воззвать к совести колдуна женщина.

— Это подло! — поддержал её Сергей.

— Справедливость вообще редкое явление, детки, — колдун широко ухмыльнулся.

— Ты, твою мать, права не имеешь!

— Чего ты хочешь? — влез и Виктор. — Давай договоримся, только девочку отпусти.

— Этого не было в договоре! Отпусти её, — вскочила на ноги Ирина, — мы, мы её сюда потащили и только нам за это отвечать!

— Угу, договор был, пока вы ко мне в дом не залезли. Не вижу смысла продолжать. В подвал их, — бросил Себастиан и внезапно особо пакостно ухмыльнулся, — только в разные апартаменты. Я, конечно, талант, но роды опять принимать не хочу. Ах да, до них и не доходит...

— Ублюдок, — тихо прошипела рыжая.

— Тварь! — был менее сдержан в словах Сергей.

— Сдёрните с неё... — крикнул вдогонку колдун, но не успел даже договорить, как в него полетело желаемое, тихо буркнул, — исполнительные ребята.

Покрутил в руках — быстр нынче прогресс, однако.

— А ты, мелкий шпиён, мне не по душе, — пробормотал чёрный, устройства в его руках едва слышно зашипели, где-то внутри защёлкали и спустя пару секунд затихли, на этот раз навсегда. То же самое произошло и у воровки за ухом.

Наконец, с матюгами да подзатыльниками дебоширов увели. Себастиан хитро улыбнулся, повернул голову, поймав кислый взгляд своего маленького нетронутого хранителя и томно, предвкушающе облизнулся. Девочка затравленно сглотнула.

... хорошо, однако, на этот раз обряд пройдёт.

Мишель из полуприкрытых век тревожно разглядывала творящего пакости чёрного. Внешность, что ни говори (девушка поморщилась про себя), у него была подходящая. Такая же мерзкая, как и содержание.

Медальон (а он бывает на редкость полезен, оказывается) существенно приглушил боль, так что воровка при желании смогла бы уже и встать. Да не видела в этом смысла — только насмешит, лишнее внимание привлечёт. К тому же, как стало понятно из разговора, никто и не отпустит; смысла просто лежать Мишель не видела, так что занялась «шпионажем».

Чёрный был высок. «Головы на три-четыре», — завистливо отметила воришка. Худ, бледен. Светлые, с желтизной волосы собраны ярко-жёлтой резинкой в высокий конский хвост, только подчёркивающий не самый популярный нынче оттенок. Резкие, угловатые черты худого лица, прямой нос и совершенно не вписывающиеся в эту картину большие, высоко приподнятые с внешних уголков глазницы, широко распахнутые, в обрамлении густых светлых, но не особо длинных ресниц. Несколько тонковатый рот, в левом нижнем углу которого вызывающе блестит золотое колечко.

Одет в тёмно-коричневую водолазку и узкие чёрные джинсы. И всё бы хорошо, если бы не вызывающе ярко-жёлтый (опять!) широкий плетёный пояс да домашние («опять» в квадрате) тапки.

На запястьях болтается путаница многочисленных браслетов, на пальцах россыпь колец, левое ухо проколото в семи местах, с торчащими в них всякоразными колечками, гвоздиками и прочими неопознанными штуками, не особо старательно изображающими серьги. И всё это разнообразие тщеславно поблёскивает столь любимым колдуном жёлтым цветом.

Хотя очень глубоко сидящий в воровке эстетик вынужден был признать, что в другой обстановке да... цветовой гамме, мужчина был бы не лишён определённой харизмы и какого-то... аристократизма(?).

Ибо держится, вопреки неформальному виду, прямо, с непринуждённым достоинством. Такое за один вечер не выработаешь — не горбится, спина ровная, под ноги при ходьбе не смотрит. Мишель так увлеклась разглядыванием, что не сразу заметила наступившую в комнате тишину, с плохим предчувствием нехотя перевела взгляд на лицо чёрного.

Тот, развалившись в кресле и нагло глядя ей в глаза, облизнулся, будто слизывая с губ что-то жутко вкусное, да так демонстративно, что у девушки появились невольные сомнения: даром она только ли отделаётся?

Хлопнула дверь, воровка заголошно вскинула голову. Вошли два шкафообразных парня лет двадцати двух и, остановившись метрах в трёх от чёрного, вопросительно на него посмотрели.

— Устроили?

Молодцы почти синхронно кивнули.

— Прелестно. Девчонку отвести в спальню... голубую и запихнуть в душ. И Янку разбудите, пусть подберёт ей что-нибудь. Через полтора часа жду обратно, — мужчина легко поднялся и почти у самой двери меланхолично добавил, — в библиотеке. До встречи, цыплёнок.

Хлопнула дверь, парни неловко мялись, девушка тоже не спешила действовать. Наконец, один из них, видимо собравшись с силами, выдавил:

— Ну, пошли, что ли.

Мишель, наморщив нос, без возражений, но с большой неохотой выбиралась из тёплого и уже почти родного кресла. Молодцы чуть расслабились, девушка встала рядом с ними, всем своим видом выражая готовность. И уже спустя мгновение, одарив легкомысленно-снисходительными ухмылками, её повели. Наверное, в спальню.

Привели Мишель действительно в спальню. Голубую. Хотя, скорее, синюю — эффект освещения давали тонкие, причудливые линии морозного узора, вдоволь расплзшегося по стенам, кинувшего тень на пол, постельное бельё и мебель. Красиво. От комнаты тянуло зимней свежестью, девушка даже поёжилась, несмело коснулась причудливо изогнутой белой линии на косяке. Подняла глаза и фыркнула, коротко закатив глаза: окно за воздушным бледно-голубым тюлем было крест-накрест зарешечено. Судя по толщине прутьев — надёжно.

Девушку легонько подтолкнули вперёд, быстро закрыли за ней дверь, напоследок неловко пробормотав:

— Полтора часа.

Мишель, бесшумно ступая по длинному мягкому ворсу идеально белого ковра, бегло обследовала комнату, а затем и прилежавшую к ней ванную. Ничего особо интересного, типа трупа под кроватью, конечно, девушка не нашла, а вот наличие предметов первой необходимости наводило на определённые размышления.

— Походу, гости здесь бывают регулярно, — тихо фыркнула Мишель, проводя пальчиком по чистому подоконнику.

И, случайно наткнувшись взглядом на часы, тихо выдохнула: «Твою мать!» — осталось не более пятидесяти минут отведённого времени, чёрного же злить раньше времени не хотелось. Типы такие на пакости весьма и весьма горазды, так что стоит поторопиться. Воришка тяжело оттолкнулась от подоконника и поплелась мыться.

Думать о том, зачем все это, Воровка себе запретила. Но ассоциации с помывкой овощей перед порезкой на салат всё же вылезли.

Кабинка была матовой, непрозрачной, что оказалось весьма приятным сюрпризом. Мишель скованно разделась — бывают же тараканы у некоторых, а ей отдувайся теперь. Вытащила бинт из куртки, спрятав его в одном из шкафчиков: повязку лучше сменить после. Ну, а на всякий пожарный девушка с собой в кабинку прихватила обнаруженное ранее полотенце и нижнее бельё... ибо нефиг. Дверь-то без замка.

Наконец спустя полчаса Мишель вылезла. Соскучившаяся по нормальным условиям девушка могла бы, конечно, и раньше, но не хотелось как-то. Да и неудобно было мыться одной рукой, тщательно оберегая другую от мыла.

Мишель, морщась от боли, размотала всё же намокший бинт, рана выглядела... неаппетитно. Придерживая спадающее полотенце, девушка промыла ладонь под краном и замотала вновь. Подняла голову — как и ожидалось.

Одежда исчезла. Воровка мрачно гипнотизировала взглядом появившееся вместо неё нечто белое. Зло фыркнула и, недовольно поджав губы, двумя пальчиками приподняла находку.

Нечто оказалось платьем, вопиюще белоснежным, воздушным, колеблющимся от малейшего сквозняка и подозрительно просвечивающимся на свет. Полные губы Мишель изогнулись в саркастической усмешке: а если б она бельё с собою не прихватила? Сволочь.

Наскоро вытершись, девушка с трудом натянула платье на ещё влажную кожу, пару раз

запутавшись в обилии ткани. Сунула ноги в стоящие рядом тапки... опять белые. Обернулась.

«А платье сидит очень даже неплохо», — разглядывая свою враз постройневшую фигурку в большом зеркале (от потолка до пола), констатировала Мишель. Она ещё немного покрутилась, любуясь собою, а затем, вплотную приблизившись, провела пальчиками по слегка запотевшей поверхности, вырисовывая зловещую рожицу. Странно, как и зачем такое здоровое зеркало в ванной, чего тут рассматривать? В черноволосой голове всплыло несвойственное для Мишель предположение, она подавила улыбку, бледные щёки окрасил едва видимый румянец.

А вот белый ей не шёл.

— Ещё б венки на голову, благо, белые тапки уже в наличии...

Внезапно раздавшийся стук едва не стал причиной инфаркта для роющейся в шкафу воровки, она подпрыгнула, прижав руку к груди, напротив бешено стучащегося сердца. Поспешно захлопнула дверцу.

— Готова? — спросил недовольный женский голос по ту сторону.

Мишель поморщилась, резко одёрнула платье и коротко крикнула:

— Ага!

Женщина... девушка приоткрыла дверь, просунув светловолосую голову внутрь. Увидев полностью одетую Мишель, довольно улыбнулась.

— Ну, пошли тогда.

Всю дорогу Яна с любопытством косилась на молоденькую незнакомку. Она казалась какой-то... подавленной? И это было очень странно, обычно «девочки» хозяина прямо светились гордостью и довольством. А эта глаза к полу опустила, губу закусилась и вон, платье нервно в руках комкает. В первый раз что ли? Возраст позволяет. А может и старше, прошедшая тоже малолеткой казалась, а оказалось — двадцать пять, но на этой ни капли макияжа, кожа гладкая, фигурка немного угловатая, и страх ещё этот.

Действительно малолетка? Яна неодобрительно покачала головой: так и до педофилии недалеко. И эти странные копошения вечером... Девушка поневоле ускорила шаг, желая как можно быстрее отделаться от странной девчонки и наконец, хорошенько потрясти по этому поводу Сашку с Лёхой — уж они-то не умолчат!

Дорогу Мишель не запомнила, лишь отстранённо заметила, что чёрный далеко не бедствует. Прямо таки излучающая любопытство служанка в настоящем, кстати, переднике, едва не срываясь на бег, проводила её к приоткрытым дверям и, с трудом дождавшись пока воровка нерешительно переступит порог, захлопнула за ней створку.

Мишель вздрогнула от резкого стука, не спеша, однако, поднимать взгляд. Снова лицезреть самодовольную физиономию колдуна не хотелось. Да и страшно было, неловко и отчего-то стыдно.

— Ковёр нравится? — вкрадчиво, а затем и хвастливо прозвучал голос чёрного. — Сам выбирал.

— Видно, — сфокусировав взгляд на предмете, фыркнула Мишель.

— Н-да?

— Опять жёлтый.

— А ещё говорят, среди женщин дальтоники не бывает, — раздосадованное бурчание.

— Не бывает, — девушка слегка пихнула край ковра тапком, — это чисто мужская прерогатива.

— Уже не боишься?

Девушка нехотя подняла глаза, криво усмехнулась.

— Это что-то изменит?

— Безусловно, — колдун насмешливо улыбнулся, склонил голову набок.

— Тебе удовольствий больше будет?

— Да, жертва должна бояться. Иначе она не жертва, а будущий хм... мститель. Кстати, когда мы успели перейти на «ты»?

Мишель гордо вздёрнула нос.

— Только что. На «Вы» обращаются к тому, кого уважают, остальное — чистой воды жополизство. Об уважении не может быть и речи, а во втором смысле не вижу, — девушка скривила губы, беспокойно свела брови к переносице. — Думаю, ты уже всё продумал. И не отступишься.

— Так просто? — Себастиан перекинул ногу на ногу, книга с зажатым где-то посередине пальцем легла сверху. — И не одной мало-мальской истерики, взывания к совести, чести, достоинству, жалости, бла-бла-бла?

— Типа того, — пренебрежительно фыркнула Мишель. — Я, пожалуй, предпочту действия увещаниям.

— Даже так? И что же предпримет мой маленький хранитель? — чёрный заинтригованно подался вперёд.

Девушка едва подавила порыв шагнуть назад, упершись лапотками в дверь. Стало здорово не по себе.

— Я не твоя, — скорее из чувства противоречия буркнула воровка, отведя глаза, — и далеко не хранитель.

Реального смысла спорить с ним не было — пока девушка в этом доме, она действительно принадлежит ему. И здесь, глубоко в лесу, среди преданных колдуну людей, она — ничто, и звать её никак. Прибьёт — никто и против слова не вякнет, а вякнет — с ней в могилу безымянную ляжет.

— С первым с удовольствием поспорил бы, да предпочту действие увещаниям, благо, время есть, — уголок тонких губ глумливо приподнялся. — Насчёт хранителя же... ты могла бы им стать.

— Почему в прошедшем времени? — Мишель резко вскинула глаза, настороженно подбираясь.

— Ты моя, — чёрный откинулся на спинку кресла, прищурился. — И судьбу твою теперь решаю я.

— Н-да? — из чистой вредности недоверчиво вякнула воровка.

— Да, — с самым серьёзным видом кивнул Себастиан.

— Зачем в душ запихнул? — недовольно фыркнув, сменила скользкую тему девушка.

— О, я чую страх? — чёрный широко улыбнулся, в глазах заблестел нехороший огонёк.

— Опасение.

— Садись напротив, мне неудобно.

— А мне неплохо, — скорей из желание насолить чёрному, упёрлась Мишель.

— Значит, — с нажимом произнёс Себастиан, — я встану напротив тебя. Ты заметила,

кстати, в какую сторону открывается дверь?

— Вы поразительно убедительны, — поморщилась девушка, быстрым шагом, стараясь не смотреть на чёрного, подойдя к креслу. Разулась, забираясь с ногами в мягкое нутро, раздосадовано натянула платье на обнажённые колени. И наконец перевела взгляд на колдуна.

— Спасибо, давно мне не делали комплементов.

— Не за что, — девушка пожала плечами. — Так зачем?

— Очень, прям непреодолимо, цыплёнок, хочется подтвердить твой... — Себастиан осёкся, прикрыл глаза, улыбнулся, — твои опасения. Но, увы и ах, я всего лишь не выношу сигаретный дым.

— М? Жаль, — в интонациях девушки отчётливо послышалось пожелание сдохнуть. — Ты сказал, что давно не слышал комплементов... это сколько же?

— М? Хочешь исправить это упущение? — провокационно поинтересовался чёрный, вредно шурясь.

— Не особо. Просто интересно, сколько времени, такая... такое создание, как ты, землю русскую топчет? — грубо вырвалось у Мишель, которая тут же об этом пожалела, мысленно застонав и больно прикусив кончик языка.

— Да уж поболее тебя, — худые пальцы колдуна легко прошли по корешку [книги](#).

Воровке почудилось некоторое раздражение в этом жесте, однако про себя она облегчённо вздохнула: не злитя. Хорошо, девушка только сейчас заметила, как напряглась в ожидании ответа.

— Я и не сомневалась, — Мишель неловко пожала плечами и, желая сгладить свою резкость, пояснила, — дерево обмолвилось о пятидесяти лет, что ты здесь. А сколько вообще, когда ты родился?

— Довольно бестактный вопрос. Ну да ладно, — чёрный, встав, неторопливо отвесил обескураженной девушке изящный поклон. — Ты имеешь честь говорить с одним из представителей польской аристократии восемнадцатого века. Себастиан Стоцкий.

Повисла вязкая тишина, девушка переваривала новость, откровенно таращась на хитро усмехающегося колдуна. Вздогнула, тряхнула головой, стряхивая ступор.

— А-а, — потерянно потянула воришка, обалдело хлопая глазами, — а-ахренеть.

И вновь подзависла, пытаясь мысленно сопоставить цифру и цветущий, возмутительно бодрый вид чёрного.

Колдун спрятал улыбку, глядя сверху вниз на ошарашенно застывшую девчонку. Ещё бы, ведь не прожившему и двух десятков такие цифры кажутся астрономическими. Сам же Себастиан знал и постарше. Он удобно примостился на подлокотнике кресла своего маленького приобретения, намереваясь с воистину бесконечным терпением дожидаться, когда, наконец, девчонка оттаёт. Ну, а пока...

Чёрный почти невесомо скользнул пальцами по хрупкому плечу, что, впрочем, не помешало ему, подцепив, сбросить лямку платья.

— Отвратительное бельё, — заметил Себастиан, искренне полагающий, что красивое тело и без ничего очень даже ничего, но в грамотно подобранном туалете — гораздо лучше.

— А? — вздрогнула Мишель, стяхивая ступор.

— Сколько ему лет? — колдун пренебрежительно оттянул когда-то белую лямку лифчика.

— Не твоё дело! — девушка оттолкнула наглую конечность (лямка неприятно щёлкнула по коже), кинув на иронично ухмыляющегося колдуна злой взгляд, подтянула сползшее на груди платье. Отползла подальше, вжавшись в противоположный от него угол между спинкой и подлокотником.

— Ты моя, и дело моё, — он слегка потянул Мишель за чёрную прядь. — На днях поедем в город, не могу смотреть на это убожество.

— Не смотри, — щедро предложила воровка и, было, хотела вновь оттолкнуть чужую руку, но на полпути ладонь ловко перехватили. Большой палец чёрного скользнул по серебряному браслету.

Руки у него оказались тёплыми, сухими. Почти приятно; Мишель кольнуло досадой и злостью на себя. По коже девушки побежали мурашки, она поёжилась, раздражённо дёрнулась, поморщившись, когда хватка на запястье усилилась. Колдун усмехнулся, вновь провёл большим пальцем вдоль браслета.

— Он не твой, ворованный, — Мишель поневоле сконфужено покраснела под внимательный взгляд, — причём недавно.

Себастиан соскользнул с подлокотника и, не обращая внимание на недовольное сопение и вялое барахтанье девушки, уместился на краешек сиденья, перекинув правую ногу воровки через свои колени. Мишель зябко поёжилась — она предпочитала держать с людьми определённую дистанцию, так что такая близость была в новинку и, чего уж греха таить — пугала. А уж специфика личности, так нагло нарушившей её личное пространство, пугала вдвойне. Но колдуну знать это не обязательно. Даже противопоказано.

— Шикарный синяк, — чёрный кончиками пальцев легко коснулся её правого колена.

— Спасибо, — ровно отозвалась девушка, хотя, будь она менее сдержана, уже с визгом бы выскочила не только из кресла, но и из комнаты. А вот дрожь от скользящих по бедру пальцев унять не удалось. Воровка вздрогнула, нервно выдохнула: — Лапать меня обязательно?

— Угу, — коротко отозвался колдун, бросив на неё беглый взгляд из-под коротких ресниц, — не забывай, с кем разговариваешь.

— Ни секунды, — Мишель отвернулась, скривив губы в мрачной усмешке.

На душе было погано. Она вздохнула, покосилась на колдуна, слегка повернув голову,

чтобы сильно не косить глаза. Оставлять его без присмотра было как-то страшновато. Руки девушка скрестила под грудью — какая никакая, а защита, пусть даже по большей части психологическая. Внутри звенело напряжение, тугой пружиной стискивая внутренности.

Высоко платье Себастиан задирает не стал, лишь слегка откинул подол, обнажая не больше десяти сантиметров. И хорошо, ибо воровка была на пределе.

— Ты бы перетягивала, — ладонь колдуна замерла над левой лодыжкой Мишель, — связки ещё не восстановились. Завтра болеть будет.

— Переживу, — она передёрнула плечами, раздражённо прищурилась.

— Только ли это.

Воришка поджала губы, расценив ответ чёрного как завуалированную угрозу. Руки девушки мягко расцепили — ладонь Себастиана легка на рёбра, под грудью. Левую её руку он опустил воровке на колени, правую же, аккуратно подхватив за больное запястье, продолжил удерживать. Мишель поёжилась, стало как-то очень неудобно. Она подавила желание выдернуть ладонь — кожу, соприкасающуюся с колдуном, начало покалывать.

— И кто ж тебя так страстно обнимал? — едва заметно поджав губы, спросил чёрный.

— Поклонник, — пожав плечами, мрачно отозвалась девушка.

— Станный поклонник. А вот это, — большой палец скользнул по онемевшему запястью, — Сергей, не так ли? Не специально, но больно.

Кожу вновь кольнуло холодом, а затем внезапно обожгло как будто жидким теплом, длиной волной, разлившейся по самый локоть. Мишель ойкнула, дёрнулась, беспокойно свела тонкие бровки на переносице, вскинув испуганный взгляд на лицо колдуна.

— Что ты делаешь?!

— М? Ничего особенного, — Себастиан снисходительно фыркнул, — больше болеть не будет.

— С чего это такая милость? — воровка чуть расслабилась, больше не порываясь вырвать ладонь из тёплой руки. Испытующе прищурила глаза.

— Ты мне просто очень нравишься, — игриво мурлыкнул колдун, чуть подаваясь вперёд.

Девушка, вздрогнув и широко распахнув глаза, затравленно вжалась в кресло. Себастиан фыркнул, улыбнулся, нежно погладил центр ладони воровки большим пальцем.

— Расслабься, цыплёнок, не такой уж я и страшный, — с улыбкой в голосе заметил и вернулся в изначальное положение. — А вот Сергей — бука.

Мишель тихо вздохнула, облизнув губы, сглотнула. Несмело выпрямилась, внимательно глядя на развеселившегося чёрного. И всё-таки было в нём что-то... пугающее, потустороннее. Кстати...

— Где они? — тихо спросила воровка.

— Ты же слышала, — колдун склонил голову к плечу, прищурил глазищи. — В подвале.

— Слабо представляю твой подвал, — буркнула внезапно сконфузившаяся девушка, заёрзав под внимательным взглядом.

— А, вот ты о чём. Вы не первые посетившие меня таким своеобразным способом, — Себастиан подался вперёд, коснулся шеи отклонившейся и вновь съжившейся девушки кончиками пальцев, легко провёл вверх, пуская по тонкой коже мурашки, за подбородок приподнял её лицо и, не отпуская затравленный взгляд синих глаз, вкрадчиво промурлыкал: — Были и до вас, пришлось оборудовать парочку комнат для таких вот «гостей». Крысы, холод, влага, конечно, мило, но, увы, доставляют гораздо больше проблем хозяевам, нежели

постояльцам. Так что, устроили твоих... приятелей с комфортом, относительно, конечно... Фингал тебе тоже поклонник поставил? — внезапно резко сменил тон чёрный, склонив голову к плечу.

Мишель вздрогнула, недоумённо моргнула, разрывая зрительный контакт. Вопрос достиг сознания не сразу, привычка колдуна скакать с темы на тему здорово сбивала с толку. — Какая...

— ... тебе разница? — перебил девушку Себастиан. — Уже поздно, так что внимательно слушай, повторять не буду, но в случае чего накажу. Сбежать не получится, попытаешься — отправишься к приятелям... в лучшем случае. Слишком уж явного хамства не потерплю, рукоприкладства тоже. Хочется подгадить — изворачивайся так, чтобы мне не захотелось тебя выпороть. Имущество не портить, персоналу не грубить, им же мозги не засорять — влетит всем, — колдун, полуприкрыв глаза, ненадолго задумался, — да вроде б всё. Всё понятно, цыплёнок?

И Мишель действительно стало страшно, и хотя голос и взгляд чёрного были вполне доброжелательны, а на тонких губах гулял призрак лёгкой улыбки, виделось сейчас в нём что-то тёмное. В лёгком наклоне головы — хищное, в блеске чуть прищуренных глаз — нехорошее, расчётливо-холодное — в медленно скользящих по её колену пальцах. По коже побежали крупные мурашки, воровка вздрогнула, резко качнула головой, вырывая подбородок из пальцев колдуна. Перебирая ногами, вжалась в угол между спинкой и подлокотника кресла.

— Да, — кое-как выдавила сквозь зубы Мишель, — не боишься, что меня искать будут?

— Не-а, такая глушь... — Себастиан усмехнулся, облизнул тонкие губы. — Здесь же даже мобильной связи нет, разве что рация, как на ваших игрушках, — усмешка стала шире, — была. К тому же, не вижу я никого рядом с тобой. Так что... кто искать-то будет?

— Из детдома, — немного стушевалась девушка, отведя глаза.

— Не особо им это и надо, цыплёнок. Нашли — хорошо, не нашли — ещё лучше.

Это действительно, как не печально, было так. Девушка пусто посмотрела на пол — влипла так влипла. Уж лучше бы стайка озлобленных малолеток, чем колдун этот с его снисходительно-ласковым «цыплёнком».

— У меня имя есть, — тихо, в сторону, крайне обиженно буркнула Мишель.

— Ты не представилась, — к досаде воровки расслышал и, даже насмешливо, монотонно поглаживая её по колену, ответил Себастиан.

— Мишель, — взвесив все за и против (последнего, кстати, было гораздо больше), всё-таки известила чёрного девушка.

— Как шоколадка, — смешливо фыркнул, тепло улыбнувшись, колдун.

— Чего?! — Мишель даже встрепенулась, оскорблённая до глубины души.

Себе она шоколадку ну ни в коем случае не напоминала.

— Имя, — насмешливо пояснил Себастиан и мягко потянул, — Мише-е-ель. Горькая с первого кусочка, но сладкая на последнем, чуть подтаявшая шоколадка.

«Извращенец», — мрачно пробормотала про себя девушка, выгнув тонкую бровь.

— Странные ассоциации, — буркнула уже вслух.

Вмиг навалилась вся усталость прошедшего дня, спорить совершенно расхотелось. Надоело. Воровка коротко зажмурилась, едва подавила зевок.

— Ничуть. Пойдёшь спать? — мигом заметил перемену в настроении собеседницы Себастиан.

— Угу, — коротко, не открывая рот, согласилась Мишель.

Напряжение потихоньку отпускало воровку, глаза начинали слипаться. По опыту она уже знала, что ещё пару минут, и её будет уже не поднять из этого кресла... Добровольно, по крайней мере.

— Ну, пошли, — Себастиан легко поднялся, вытянул за правый локоть из кресла вялую девушку.

Мишель поморщилась, но от помощи отбиваться не стала — от долгого сидения в неудобной позе ноги затекли, при выпрямлении же мигом занемев, а затем и заколов. Воровка качнулась, пару мгновений, нарочно не поднимая глаз на чёрного, потопталась на месте, восстанавливая кровообращение. Нехотя сунула голые ноги в тапочки. Колдун понимающе не вмешивался, всё также продолжая легко сжимать руку воровке. Мишель качнулась уже намеренно вперёд, сделала мелкий шаг, выражая готовность идти.

Смотреть на чёрного не хотелось.

Себастиан фыркнул и повёл.

Ещё привыкнет.

Уже через минуту Мишель оказалась в дверях той же «голубой» комнаты. Колдун, обходительно поцеловав запястье, пожелал покойной ночи и тут же удалился. Щёлкнул замок. А девушка, застыв напротив закрытой двери, расфокусированным взглядом вперившись в ручку, приводила мысли в порядок. Наконец, относительно разложи всё по полочкам, зевнула, воспитанно прикрыв рот ладошкой и глубоко вздохнув, пошла умываться и спать.

И уже лёжа в кровати, от чего порядком уже успела отвыкнуть за полторы недели своих «странствий», на грани сна и яви, в голове воровки всплыло несколько занятных деталей:

Порезанную ладонь чёрный так и не прокомментировал.

... а глаза у него медовые — сразу пришло сравнение к Мишель. Насыщенно золотые, тёплые, со светлыми, вызывающе яркими прожилками, тянущимися от самой радужки к зрачку, окаймлённому неровной, тонкой полосой, кое-где отливающей тёмно-зелёным, а то и синим. Красиво, необычно.

... и руки тёплые, даже горячие.

... пахнет чем-то терпко-сладким, живо напомнив воровке бабушкину выпечку с черёмухой. Интересно, это парфюм или собственный запах?

«Золотистый, горячий и сладкий, — проскочила мимолётная мысль, заставив уже почти заснувшую девушку тихо фыркнуть, — вылитый пирожок... поганка с сахаром».

«Какого чёрта?!»

Именно с этим вопросом резко села в кровати Мишель, когда мгновение назад рядом приземлилось нечто тяжёлое... причём приземлилось так, что девушку аж подкинуло на матрасе! Воровка порывистым злым движением откинула с лица нависшие волосы и тут же благоразумно прикусила язык, удерживая рвущиеся ругательства — нечто оказалось довольным до безобразья колдуном.

Цветущий вид чёрного раздражал, девушка прикрыла глаза, прижав к вискам прохладные кончики пальцев. Нет, не раздражал... бесил до потери пульса! Мишель глубоко вздохнула, унимая злость, порелаксировав с минуту, наконец подняла веки, абсолютно спокойно склонила голову к правому плечу, безмятежно улыбаясь на хитрый испытующий

взгляд:

— Сколько времени? — почти что пропела, шурясь.

— Пол одиннадцатого, — всё также легко улыбаясь, покосился на наручные часы

Себастиан.

— Так рано? — тем же тоном неприятно удивилась Мишель, едва сдерживая раздражение.

— Рано?! Солнце давно встало, самый разгар дня! — изобразил на лице возмущение, напололам с недоумением колдун.

Девушка, закатив глаза, упала обратно на подушку. Закрыла лицо ладонями, простонала:

— Да что ж такое... Вот теперь я верю, что тебе двести лет!

— Пф, — чёрный перевернулся на спину, вперил взгляд в потолок, — просто кто-то чересчур ленив.

— Кто бы это мог быть? — тихо буркнула девушка и, отняв ладони от лица, требовательно скосила глаза на Себастиана. С намёком потянула, ибо притворятся как-то уже надоело: — Доброе утро.

— Доброе! — ярко, солнечно улыбнулся колдун. — А у нас сегодня шопинг! Ты рада?

— Безумно, — уныло сказала воровка, закатив глаза.

— Что за неправильная женщина? — Себастиан деланно огорчился, покачал головой, не увидев на лице Мишель и тени радости. Воровка благоразумно промолчала. — Итак, на сборы полчаса. Постарайся вложиться.

И, послав воздушный поцелуй, удалился. Девушка едва дождалась, пока тихо стукнет, закрываясь, дверь. Зло стукнула кулаком по подушке, таки прошипев сквозь зубы ругательство. Полегчало. Совсем немного, правда.

Закалённая в условиях общежития воровка уложилась в пятнадцать минут и то, не особо торопясь. Вещи свои она обнаружила на краю матраса, ботинки рядом на полу, куртку, к сожалению, обнаружить не удалось. Оставшееся же время девушка предпочла провести с пользой, а конкретнее: пыталась достучаться до дара.

О чём горько жалела уже спустя десять минут, свернувшись клубочком на развороченной после ночи кровати. Нет, сначала вроде бы даже получалось — сосредоточившись, Мишель вновь почувствовала тот неприятный холодок вокруг солнечного сплетения. А вот попытка прорвать его, пожалуй, и стала роковой. Шар некогда бывший просто раздражающе холодным, нагрелся — радовалась девушка лишь первые секунды, ровно до того момента пока не поняла, что накаливание останавливаться на достигнутом не собирается. И вот, вцепившись зубами в одеяло (кажется, так было легче) и тихо поскуливая от кошмарной боли, она лежит, свернувшись клубочком. Лежит, прижав ладони к груди, предельно ясно осознавая, что когда медленно, миллиметр за миллиметр растущий, кипящий шар достигнет сердца, она умрёт. Умрёт, не имея сил даже позвать на помощь, ведь для этого нужно хотя бы разжать зубы.

Облегчение пришло неожиданно, просто в какой-то момент Мишель поняла, что сидит на ком-то спасительно холодном, прохладные ладони лежат у неё на животе, даруя долгожданное облегчение, а она сама, уткнувшись лицом в мужскую грудь, ревёт.

Себастиан, отняв руки от груди глухо всхлипывающей девчонки, обнял трясущееся тельце, с удобством устроив подбородок на тёмной макушке. Бестолочь, даже наказывать её не хотелось.

— Итак, неуч, — произнёс чёрный, выждав с десятков минут, Мишель в его руках напряглась, поморщилась, — осознаёшь косяк?

— Честно? — девушка подняла голову, встречаясь с ироничным взглядом колдуна. — Нет.

— Даже так? — светлые брови удивлённо приподнялись. — Сколько тебе было, когда умер твой Старший?

— Э, — недоумённо моргнула воровка, неловко пожала плечами. — Старший?

— Тот, что опекал, может быть, учил, — закатив глаза, поясни колдун и тут же в сторону мрачно буркнул: — Что очень сомнительно.

— Н-ну, — потянула Мишель с некоторым сомнением, дипломатично сделав вид, что не расслышала последнюю фразу.

Оспаривать правду смысла не было, она действительно знала мало, а умела ещё меньше. Но себе она этого не скажет. Никогда.

— Хорошо, — тихо вздохнул Себастиан, — с кем ты жила до детдома?

— Лет до двух-трёх с матерью, пока... — девушка несколько смущённо отвела взгляд, поёрзала, пытаясь ненавязчиво сползти с колен чёрного, поморщилась, когда рука на поясице сжалась сильнее, нехотя буркнула, — она не спилась, отец ушёл, я переехала к бабушке. Мне было лет пять-пять с половиной, когда она заболела и умерла, потом (с месяцок) непутёвую мамашу лишили родительских прав и здравствуй детдом. Как-то так.

— Расскажи мне про бабушку, — колдун поудобней прижал к себе воровку, пресекая всякие попытки отстраниться, нагло ухмыльнулся на возмущённый взгляд.

— Зачем? — неприязненно буркнула надувшаяся девушка, поёрзала, упершись ладонью в грудь Себастиана.

— Мишель, — тихо позвал чёрный, да таким тоном, что у Мишель мигом пропало всякое желание спорить и дуться.

Девушка тяжело вздохнула, искренне пытаясь припомнить что-нибудь кроме ласковых рук, запаха черёмухи и свежего хлеба. Не получилось, слишком мала она была.

— Около восьмидесяти лет, жила в деревне, — выдала общие сведения Мишель, чтобы хоть что-то сказать.

— А выглядела на сколько? — моментально осознав затруднение, задал наводящий вопрос чёрный.

— Да то ли я помню — десять лет прошло! — повысила голос воровка, нервно передёргивая плечами. Вновь попыталась отстраниться.

— А ты вспомни, — с нажимом произнёс Себастиан, напрягаясь и почти без усилий удерживая её на месте.

— Может, — Мишель раздражённо фыркнула, прикрыла глаза, смутно воскрешая в памяти черты родного лица, — чуть помоложе. Но когда заболела, мигом нагнала, а то и перегнала.

— Ладно, колдовала?

— Колдуешь ты, — недовольно буркнула девушка, всё также не открывая глаз, — а она, не знаю... скорей, ворожила, заговаривала. К лесу обращаться меня научила, травы различать, в общих чертах о таких, как ты рассказывала... Ещё что-то было, наверно... не помню, в общем.

— Понятно, ты, действительно, полнейший неуч. Более того, не знаешь и основ, — и, пресекая, распахнувшую глаза и было уже открывшую рот Мишель, качнул головой, — придётся разъяснять прописные истины мне. Постараюсь покороче и попонятней: в отличие от тебя, изначально таких, как я, не предусмотрено, поэтому ты, Мишель, такой родилась, а я в ходе некоторых манипуляций стал. При должном обучении ты способна была бы черпать энергию отовсюду: от природы (того же леса), людей (вернее их эмоций), секса, — хитрая улыбка, румянец на щеках воровки, — переваривать под себя и использовать. И в этом наше главное различие — я не настолько всеяден, и усваиваю лишь строго определённый вид энергии. Да и то, в определённом количестве, это как при обжорстве, ты отделаешься тяжестью в желудке, а меня вывернет. Но из каждого правила есть исключение, а из каждого тупика выход — в качестве доноров вы, цыплятки (особенно столь юные), подходите идеально КАЖДОМУ. Рано или поздно ты всё равно попала бы в руки кому-нибудь из моих коллег. Как я уже упомянул, усваивать ты можешь любую энергию и всегда есть исключение, есть оно и тут. Никогда петарды не взрывала?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Нет, — брезгливо поморщилась девушка.

Что в этом находили прочие дети из детдома, она никогда не понимала: громко, опасно, глупо.

— Ути, какие мы серьёзные. Ну, видела же? — и сразу же не давая собеседнице ответить, иронично добавил. — Не могла не видеть. У тебя вот здесь — длинная ладонь легла на живот вздрогнувшей воровки, — килограмм динамита, мой блок стал огоньком, твоя боль — следствие той химической реакции, которую я, вовремя явившись, благополучно предотвратил. Реакция эта поэтапна, «взрыв» происходит волнами, уничтожая ауру слой за слоем. Опоздай я на полминуты, ты надолго бы лишилась связи с телом, на минуту — дара, на полторы — жизни. Так что тебе сегодня крупно повезло — я сохранил почти весь твой, цыплёнок, резерв, который, кстати, сегодня тебе ещё понадобится. Слабость чувствуешь?

Девушка поёжилась, подавленно кивнула. Она и в самом деле чувствовала всё нарастающую слабость, а кое-где и онемение... у солнечного сплетения, к примеру. Слова чёрного немного подбодрили, но некоторое беспокойство всё же осталось. О всех последствиях своего любопытства Мишель думать и вовсе не хотелось.

— Ты ослабила связь души (та же аура) с телом, а местами и надорвала, — чёрный запнулся, фыркнул, — бестолочь малолетняя. Ближайшие сутки будешь восстанавливаться, при этом минимум полдня обязательно физическое движение (подсказка энергии, где работать — организм изначально стремиться к целостности). Так что поход по магазинам никто не отменял, — язвительно усмехнулся, легко скользнул рукой по тонкой спинке девушки.

Мишель скривилась, передёрнула плечами в тщетной попытке сбросить чужую конечность с лопаток. Ей и вставать-то не хотелось — хотелось упасть замертво и уснуть. На неделю. Воровка украдкой зевнула и, мысленно плюнув на всё (и на мнение некоторых в частности), упёрлась холодным лбом в плечо Себастиана. Стало немного легче.

— Сама виновата, — тихо пробормотал Себастиан, с тёплой усмешкой в голосе, мягко погладил Мишель по голове. — Дар опять заблокировать не стану, всё равно ты и пользоваться-то им не умеешь. Восстановишься, браслет одену, уж больно прыткая, он притупит и ограничит. Дилетанты — бич любой профессии, — неожиданно обиженно попенял колдун. — Сколько не просчитывай, а всё равно влезть и нагадить умудряетесь.

Девушка тихо, но крайне злорадно фыркнула.

— Н-ну, да, — приглушённо буркнула, вновь уткнувшись в грудь чёрного — немилосердно кружилась голова, — а вот если б они на алтарь ложились.

— Было б прелестно. Вижу, ты уже готова, — колдун встал, придерживая шатающуюся Мишель. — Завтрак не предлагаю — будет ещё хуже.

Воровка крепко, аки клещ, вцепилась в тёмно-бордовый свитер Себастиана. Пол качался, и были здравые подозрение у девушки, что далеко не из-за движения тектонических плит. Над её головой злорадно хмыкнули, но за плечи придерживали и, переждав с полминуты, повели. В куртку, прислонив к стене, запихнули, обули, а дальше чёрные точки в глазах Мишель слились в абсолютный узор, тело налилось свинцом, и, хотя она всё ещё была в сознании, подвижность была окончательно потеряна.

Как будто сквозь толщу воды девушка почувствовала, как её сноровисто подхватили. Услышала металлический стук захлопнувшейся двери, ощутила холодный ветер, пробирающий до костей и прохладу поверхности, на которую её положили. А затем мир сосредоточился на тёплой, даже горячей ладони на лбу и вкрадчивом голосе:

— Сейчас в некоторых местах будет покалывать, твоя задача сосредоточится на них. Представь, к примеру, что м-м-м... — колдун замялся, фыркнул, — висишь на надорванном канате над пропастью. Свой дар хорошо чувствуешь? Так вот, позови его, представь чем-то материальным и преобразуй в нити да переплети с этим самым канатом. Если получится, покалывание в этом месте пропадёт. Надрывов не много, около семи — пока к городу подъедем, должны управиться. Я начинаю.

И действительно начал: ладонь на лбу заледенела, по телу пронеслась прохладная ладонь, кое-где рассыпавшаяся десятком колючих искр. Причём, закололо даже не кожу, а где-то глубже, у самых костей, распространяясь эхом противнейшего зуда по всему телу. Девушка поморщилась, вяло поёрзала, хотя и пришлось вложить в это едва ли не все силы — где-то под правой лопаткой кололо острее всего, страшно неприятно, почти больно.

— Мишель, я что сказал делать?! — прошипел откуда-то сверху Себастиан, кончиками пальцев недовольно постучав её по виску.

Воришка последний раз дёрнулась, так и не добившись результата, повела лопатками, глубоко вздохнула. И послушно замерла, по возможности стараясь игнорировать зуд. Сосредоточилась на почти незаметном в палитре остальных ощущений тепле.

И спустя с десяток минут у неё получилось — перед глазами разлилось знакомое золото, тело наполнила эфемерная лёгкость, слегка омрачённая всё тем же зудом. А вот на следующем этапе девушка застопорилась. Вот он, казалось бы, бери и делай, а с какой стороны подобраться? Да и боязно Мишель было, после последнего-то «эксперимента».

— Какого он цвета? — мягко спросил колдун, заметив запинку.

— Золотого, — тихо отозвалась девушка, с трудом разомкнув губы.

Тело ощущалось как-то сторонне, далеко. Только холодная ладонь на лбу чувствовалась чётко и остро, на ней-то воровка и сосредоточилась.

— Как золото или мёд? — всё той же интонацией умудрённой бабушки уточнил

чёрный.

— Скорей мёд, — прикинув про себя, неуверенно пробормотала она.

— Хорошо. То, что ты видишь, это лишь запах, густой, насыщенный, но запах. А ниже, глубже, тягуче переливается мёд, отбрасывая эти самые золотые блики. Приблизься, но не трожь, — голос Себастиана зазвучал тихо, тягуче-монотонно.

— Горячо... — заслушавшись, почти и не заметила, как выполнила указания Мишель.

— Не бойся, он — твой и никогда не причинит тебе вреда. Подцепи кончиком пальца, твой, дар густой и липкий, потянется за рукой... Молодец, не отпускай, колет больше всего на лопатке, да? Медленно потяни... всё достаточно. Теперь нить должна оторваться, просто представь, что она истончается... да, вот так, — едва ли не мурлыкнул чёрный, — постарайся не уронить и не зацепиться, перетащи к надрыву. Угу, прекрасно, а теперь оберни вокруг каната свою нить... а-а-га, немного коряво. Ну, да ладно, ты ещё не забыла, что это именно мёд? А он, знаешь ли имеет некоторые свойства, к примеру, подтаивать... сообразительная девочка, — в интонации колдуна послышалась улыбка, — больше там не больно?

Девушка молча качнула головой, покалывание в том месте действительно исчезло, развеванное секундной вспышкой тепла.

— Нет? И хорошо, значит всё. А теперь сама, — решил Себастиан.

Мишель вздрогнула, попыталась приподнять веки, было как-то страшновато, без чёрного-то.

— А-а, — растерянно потянула, не зная, как попросить его помочь.

— Чш-ш, не стоит, — потеплевшая ладонь опустилась воровке на глаза, — не пугайся ты так, цыплёнок, если что — поправлю.

Мишель уложилась в час, лишь однажды уронив нить, но, как успокоил колдун, в этом страшного ничего не было. Ненавистный зуд наконец-то исчез, ладонь Себастиана вновь потеплела. Девушка немного полежала, наслаждаясь отдыхом, и вернулась, собственно, к насущему. А насущее было неутешительно, в принципе, воришка уже догадалась, на чём, вернее, на ком она лежит. И ничего страшного в этом не было, но с поправкой — для среднестатистического подростка.

Мишель таковым не являлась, и для неё это было как-то диковато. Особенно в отношении к вредному колдуну. В детдоме воровка предпочитала держать дистанцию, так что ни друзей, ни парней у неё никогда не было. Не особо она, кстати, об этом и жалела, насмотрелась на затасканных «зажигалочек».

Мишель с лёгким, тщательно скрытым (очень скрытым!) сожалением сбросила ладонь со лба и поднялась на сиденье. Стало как-то прохладнее, но спокойнее. Впереди водитель (один из двух в гостиной), рядом чёрный — как и ожидалось.

— Долго ещё? — буркнула девушка, нарочно угрюмо, чтобы скрыть неловкость.

— Не терпится? — Себастиан снисходительно улыбнулся, взглядом дав понять, что разгадал манёвр. — Четверть часа.

Девушка едва заметно покраснела, отвернувшись, потянулась, разминая затёкшие мышцы, и откинулась на спинку, повернулась к окну. Всяко лучше мины колдуна. Только...

— Спасибо, — тихо, втайне желая не быть услышанной, прошептала Мишель.

— Очень хочется сказать что-нибудь нехорошее, — фыркнул Себастиан, так же отвернувшись к окну.

— Терпение, только терпение, — проворчала воришка, уже капитально краснея.

— Ладно. Надеюсь, удрать не попытаешься? — колдун расстегнул свою лёгкую куртку, указательным пальцем за цепочку вытянув небольшой, круглый, с пятак золотой кулон. — Прядь волос и я знаю, где ты, что с тобой, кого касаешься, твоё отношение к этому.

Мишель вздрогнула, широко распахнув глаза, автоматически подняла руку к волосам, пропустив пару прядок между пальцами. Резко развернулась лицом к чёрному.

— Когда успел?! — в голосе девушки прозвучало возмущение напололам с недоумением.

— Ещё вчера, — Себастиан нагло усмехнулся.

— Э? — воровка прищурила левый глаз, пытаясь вспомнить, наиболее удобный для этого момент.

— Ловкость рук и ничего более, — уже более ласково приподнял проколотый уголок губ колдун.

— И я не заметила, — искренне расстроилась Мишель в своём непрофессионализме.

— У меня было время потренироваться.

— Да уж, — мрачно буркнула девушка, вновь отворачиваясь к окну.

Оставшееся время в салоне царила тишина, воровка судорожно пыталась отыскать выход из захлопнувшейся ловушки, о чём думал чёрный неизвестно. Так или иначе, что-нибудь, хоть отдалённо напоминающее план или хотя бы идею спасения, Мишель найдено не было. А потом уже и не до этого стало — машина остановилась.

Мишель, вынырнув с затихнувшим мотором из безрадостных мыслей, с удивлением бегло осмотрела едва ли не самый большой гипермаркет в городе... но самый дорогой, по крайней мере, точно. Девушку до сих пор покусывали жадность и возмущение — подумать только, простенькое серебряное колечко, хоть и симпатичное, но даже без камушка и полторы тыщи?! А босоножки — две полоски резины полсантиметра шириной, целлофан сверху и четыре косаря?! И охранники там уж больно подозрительно и пристально на покупателей тарашатся. Бр-р, девушку передёрнуло.

— А-а, — только собралась возмутиться и пожаловаться воровка, как её за предплечье дёрнули назад, разворачивая лицом к себе.

Мишель повела плечами, стукнула по запястью колдуна пальцами. Тот фыркнул и убрал руку, с решительным видом скомандовал:

— Закрой глаза.

— 3-зачем? — дрожаще пробормотала девушка, испуганно отклоняясь назад.

Перепады настроения чёрного пугали, непредсказуемость вселяла панику. Чего удумал? Мишель прищурилась, требовательно поджала губы, пристально глядя на усмехающегося колдуна.

— Подкрашу малость, — наконец, хмыкнув, вытащил из-за пазухи небольшую косметичку Себастиан.

— Эм... ты очень странное создание, — недоумённо моргнув, доверительно поделилась Мишель, всё же опуская веки, на последок приметив незамеченные ранее тени вокруг глаз чёрного, — даже чудное.

Чёрт с ним, не отстанет же. Хотя и не красилась никогда воровка, но раз уж ему очень хочется... ругаться по пустякам не хотелось. А уж произведение она его как-нибудь потом смоем.

— Ты чудных ещё не видела, — кисточка умело запорхала по коже, девушка мысленно

начала считать, порой слегка морща нос — с непривычки хотелось чесаться. — Всё, цыплёнок, — на сорока шести прозвучал довольный голос колдуна.

Мишель тут же распахнула глаза, провела указательным пальцем по правой брови. Тяжело вздохнула.

— Зеркало дашь?

— На, — Себастиан оторвался на пару секунд от любования трудами, вынув кругляш диаметром сантиметров в десять откуда-то из бокового кармана.

Воровка прищурилась, отобрала зеркало, недоумённо приподняла брови, прищурила левый глаз и вслух удивилась:

— Почему тёмно-синий?

— У тебя цвет глаз необычный, как сапфиры, — девушка фыркнула, в корне не согласная со сравнением, чёрный улыбнулся и расслабленно добавил, — окунутые в ртуть. Насыщенный, яркий ультрамарин с полупрозрачной, серебристой плёнкой сверху. Красивый, холодный цвет, я лишь слегка подчеркнул.

— Грязно синий, проще говоря. А «подчеркнул» ты далеко не слегка, но до лампочки, — грубо ответила воровка, внутренне растерявшись от столь неприкрытого комплемента, взялась за ручку. — Пошли?

Себастиан обиженно фыркнул, в самую душу сражённый такой неблагодарностью. И уже было открыл дверь, как его нагнал вопрос доселе молчавшего охранника-водителя.

— Можно я, это, отлучусь? — бас молодого парня звучал несколько сконфуженно и просительно, что немного не вязалось ни с самым голосом, ни с шкафоподобной внешностью.

— Надолго? — поймав его взгляд в зеркале, выразительно выгнул бровь колдун.

— Ну-у...

— Позвоню, и через полчаса чтоб был кровь из носа, — закатив глаза, перебил тугой мыслительный процесс Себастиан. — Машину можешь забрать. И не опаздывай!

Бросил напутствие чёрный, таки распахнув дверь. Парень радостно улыбнулся и, повернув ключ, вновь завёл машину. Затарахтел мотор.

— Не опаздывай, — тихо, но крайне мерзко потянула Мишель, передразнивая мужчину.

Фыркнула и толкнула дверь, нехотя вылезла, чуть покачнувшись. Поёжилась, оглянулась на вытянувшегося в струнку чёрного. Тот игриво подмигнул, одёрнул куртку и, поманив девушку пальцем, бодро потрусил к входу.

Мишель медленно, но верно зверела. Чёрный носился по гипермаркету вот уже третий час, накупив кучу всего совершенно бесполезного, сомнительной ценности и красоты барахла. А девушке, между прочем, есть хотелось, да и подустала она. Противная слабость плюс занывшая лодыжка окончательно забили под плинтус итак паршивенькое настроение. Она даже дёргаться и шипеть при виде цен перестала.

А ещё воровка окончательно положила большой и толстый на мнение расфуфыренных фиф и, кинув сумки на пол, приземлилась на них у ближайшей витрины, в которую в очередной раз бодренько заскочил колдун. Фифы фыркали, проходя мимо, Мишель про себя посылала их на хуй, Себастиан носился по бутику.

— Цыплёнок, айда-ка сюда, — раздался неподалёку ненавистный баритон.

— Изверг! — мученически простонала Мишель, невероятной силой воли поднимая уставшее тело на гудящие ноги. И, подхватив накануне отобранный пакет, неспеша

поплелась к нетерпеливо выглядывающему из-за толстого стекла колдуну.

— Думаешь, тебе пойдёт? — задумчиво спросила девушка, только заметив, возле какого манекена застыл чёрный.

— Вряд ли, а вот тебе да, — склонил голову к плечу колдун, кивнул куда-то вправо, — особенно вон то, второе справа.

— Э... белое? — пробормотала девушка, переведя взгляд.

Пристально осмотрела комплект, затравленно оглянулась на выход. Себастиан хмыкнул и собственнически притянул вздрогнувшую и сжавшуюся девушку к себе за талию. Та поёжилась, покраснела, попыталась вывернуться, но в итоге оказалась ещё ближе прижата к тёплому боку.

— Угу, ты юна, а красный хоть и симпатичен, но смотреться будет пошло, — ладонь Себастиана скользнула по макушке ворожки, залитой по самые уши румянцем, — а, учитывая твою бледность да его яркость, ещё и жутковато. Белый же подчеркнёт невинность.

— Меня пугает такой ход мыслей, — откровенно пожаловалась Мишель, не поднимая головы, аккуратно подёргала Себастиана за рукав расстёгнутого пальто. — Пошли дальше, а?

— Не-е, — чёрный потянул упирающуюся девчонку к продавцам. — Я же обещал тебе нормального белья.

— Ничего, — заверила его воришка, бросив пакет, упёрлась ногами в пол, — обойдусь.

— Ну, что ты. Это не стоит таких жертв, — колдун резко дёрнул Мишель за талию, подтолкнул вперёд, томно мурлыкнул. — Ты будешь самой красивой.

Девушка испуганно вздохнула, отступив назад, попыталась удрать, но была ловко перехвачена и впихнута назад. Сердце забилось с удвоенной силой, руки задрожали, краской залило, кажется, до пяток. Стало жутко и стыдно, а ещё досадно на равнодушно глазающих на сцену продавщиц. Себастиан усмехнулся, встал в позу, расставив ноги на ширину плеч, надёжно преграждая дорогу назад.

Как девушка ни сопротивлялась, царапалась и ругалась, но в белый комплект её обрядили. Услужливые продавщицы закрыли магазин, прикрыв прозрачные витрины, а затем под давлением чёрного и вовсе выпихнули её из кабинки пред довольными глазами Себастиана.

ТАК воровка не краснела никогда, казалось, полыхала даже шея, что уж говорить о щеках и ушах. Стыд затопил удушливой волной, подгоняемый несвойственным Мишель смущением. Какая скромность может быть в интернате с его общими спальнями, столовыми, душевыми и даже туалетами? Не раз ей самой приходилось прогуливаться в одном полотенце, а то и нижнем белье мимо пацанов, причём на комментарии те не скупилась. А тут... стоит, опустив глаза к полу, краснеет.

Кожа под тёплым, почти ласкающим взглядом покрывается крупными мурашками, девушка, поёжившись, плотнее скрестила руки под грудью, ссутулившись. Продавщицы что-то зашебетали, побежали за очередным комплектом.

А колдун молчит, молчит и смотрит. Мишель тихо вздохнула, поспешно отступила в кабинку для переодевания, задёрнула штору. Тварь черномордая.

Себастиан, облокотившись о стену, улыбался. Улыбался тихой ругани в примерочной, где одевалась девчонка, улыбался приятным моментам сегодняшнего дня. Особенно выделились последние полчаса, пожалуй, он бы с удовольствием протащил своё маленькое приобретение по всем бутикам нижнего белья в городе, лишь бы ещё увидеть яркий румянец на бледных щеках.

Не сказать, что Мишель краснела эталонно или хотя бы красиво. Алые пятна румянца придавали бледной большеглазой мордашке какой-то даже чуть болезненный вид. И это было... мило. Чего не скажешь о ней в обычном состоянии, большую часть времени вызывавшей жаркие порывы припугнуть колючую заразу.

Нынче же: хрупкое тело, облачённое в красное кружево, с остро выпирающими ключицами и рёбрами, ровные худенькие ножки, небольшая грудь и маленькая округлая попа. Красива. Глаза потемнели, став ещё глубже. Итак полные розовые губки покраснели, приобретая тёмно-малиновый оттенок и от постоянных покусываний ещё и распухнув. Чёрные волосы окончательно запутались от непрерывных «одень-сними», разметавшись по голове, будто только с постели. Старинный оберег в манящей ложбинке, мягко светящийся едва заметным голубоватым светом, оттеняя тёмно-алое кружево, завораживающе сочетался с сапфирами глаз. Будь у колдуна возможность, он бы с удовольствием разложил мелкую заразу прямо там, на полу. Не смутили бы и зрители.

Себастиан не лгал, когда говорил, что этот комплект смотрелся бы на Мишель пошло и жутко. Маленькая запуганная жертва. Вот только, кажется, забыл уточнить, что ничего против ни того, ни другого не имеет.

Мишель, одевшись, обессилено опустилась на пол примерочной — что ни говори, а это был самый утомительный день за последний месяц. И едва ли не самый богатейший на эмоции, с коим мог соперничать лишь вчерашний.

Страх, изумление, шок, интерес и, наконец, стыд.

Такой разнообразной палитры чувств не вызывал в девушке ещё никто. И да, отчаяние. Сколько ни пыталась сегодня воровка «случайно» отстать, потеряться, даже спотыкалась около охранников в надежде, что подхватит кто-нибудь именно из их числа. Но нет, чёрный успел и там.

Легко подхватил, одарив лёгкой улыбкой, в которой, однако, Мишель почудилась угроза. Да ещё до кучи послышался одобрительный гул от тех самых охранников, на которых девушка так надеялась. Так что пришлось воровке криво ухмыльнуться и вновь следовать за колдуном унылым хвостиком, послушно примерять выбранное им... А параллельно изо всех сил подавлять рвущиеся наружу слёзы. Нельзя. Нельзя показывать перед врагом слабость, да и проблем он ей потом за такую «демонстрацию» устроит по самое небалуй.

Прямо же просить помощи Мишель не решилась — была абсолютно уверена, что уж этот-то выкрутится. А потом накажет, в лучшем случае запрет в подвале, что автоматически исключит даже те ничтожные шансы удрать, что ещё остались.

Девушка тряхнула головой, аккуратно вытирая глаза кончиками пальцев, стараясь не задеть макияж — заметит. Нельзя. Ведь ещё не всё потерянно, да? Мишель на пробу улыбнулась в висевшее слева зеркало: получилось откровенно жалко.

Сделав пару глубоких вдохов-выдохов, девушка поднялась и, не давая себе время на раздумья, откинула шторку. Чёрный стоял напротив, едва заметно чему-то улыбаясь.

— Пошли? — еле сдерживая нетерпение бегом убраться из опостылевшего бутика, спросила Мишель, дёрнув колдуна за рукав.

— Ой, уже? — тут же защебетали консультантки. — А у нас ещё и чулки есть.

— Да ну? Какие? — с энтузиазмом откликнулся Себастиан, мягко отцепив пальцы воровки от своего пальто, поспешил к указанной витрине.

Девушка прикрыла глаза, сжав кулаки. Внутри кипело от бешенства. Воровка мрачно хмыкнула и, резко развернувшись, направилась к стоящему в углу стулу. Подводит в последнее время ее выдержка. После четырёх часов на ногах даже табуретка казалась манной небесной. Мишель отвернулась, вперив взгляд в розовый, необъятных размеров лифчик. В стразах. Воровка склонила голову к плечу, недоумевая: КЕМ надо быть, чтобы купить подобное? Перед глазами в полный рост встала заведующая, девушку передёрнуло.

— О чём задумалась? — ладонь незаметно подошедшего колдуна ласково скользнула по макушке Мишель.

— Ни о чём. Всё? — девушка, испуганно вздрогнув, рукой сбросила чужую конечность с волос, раздражённо прищурившись, задрала голову.

— Угу, — едва заметно улыбнувшись, чёрный кивнул.

— Спасибо за покупки, — радужно улыбнулась одна из продавщиц, — мы надеемся, вам понравилось.

И дружно посмотрели на Себастиана. Мишель как никогда ясно почувствовала себя мебелью, кольнуло яростью и презрением к себе, ему и миру в целом.

— Нет! — резко всплыла до предела разозлившаяся девушка, дёрнув колдуна за локоть. — А вот вам, судя по всему, понравилось! Особенно выставлять полуголую малолетку перед неизвестно кем.

Напоследок одарив растерявшихся и даже, кажется, чуть смутившихся консультанток яростным взглядом, Мишель уцепилась за рукав ухмыляющегося Себастиана, настойчиво потянув его к выходу. Колдун, озорно подмигнув девушкам, охотно поддался, предварительно подхватив многочисленные пакеты.

На пару минут повисла тишина; воровка злилась, чёрный забавлялся, цепко скользя взглядом по блестящим витринам.

— Ну и зачем ты так? — подал голос, только девушка чуть остыла, Себастиан.

— А что, — с вызовом вскинулась Мишель, гордо вздёрнув подбородок, — считаешь, не заслужили?

— Нет, конечно, — тихо засмеялся чёрный, — заслужили, равнодушные — паралич души, они ведь видели, по большей части даже поняли. Не беспокойся, цистит лечить они будут не один месяц.

— Цистит? — резко остановившись и округлив глаза, переспросила девушка.

— Ага, — охотно подтвердил колдун, перебрасывая пакеты в одну руку и обнимая с опаской покосившуюся на него Мишель второй. — Считаешь, не заслужили?

Воровка тихо фыркнула, отведя глаза и без труда узнав собственные слова. Было как-то не по себе, но врать себе Мишель не видела смысла, даже немного приятно. Консультантки заслужили, точно заслужили, и совесть её не трогала. А вот своеобразная мораль Себастиана неприятно удивила: значит, охотно попользуюсь и прокляну? Последнюю мысль девушка с некоторым возмущением озвучила вслух.

В ответ колдун, улыбаясь, лишь фыркнул и полез во внутренний карман пальто, вытаскивая тонкий, модный нынче айфон. Быстрым движением большого пальца разблокировал, открыл последние звонки и, нажав вызов, поднёс к уху.

— Приезжай, полчаса, — убрал назад и обратился уже к Мишель с теплом и некоторой иронией в голосе. — Голодная, да? Пошли, цыплёнок, будет тебе целый тазик овса.

— А тебе целое поле ромашек, — беззвучно съязвила воровка... правда, ей всё же показалось, что чёрный услышал. Тонкие губы едва заметно поджалась.

Спустя десять минут девушка уже с аппетитом запихивала в рот сладкое воздушное пирожное, запивая его молочным коктейлем. Было вкусно, очень, особенно на пустой желудок.

Случится это событие могло и раньше, если б не привередливость Себастиана: тут воняет, там персонал подозрительный, здесь людно чересчур. В конце концов, психанув, Мишель упёрлась в очередном кофе, отказавшись сдвинуться и на метр. Колдун, глядя в упёртые синие глазищи, вынужден был уступить, тем более не так уж тут было и плохо, не чета, по крайней мере, предыдущим.

Чёрный же рассеянно крутил белую кружку в руках, отчего какао внутри омывало едва ли не до краёв то левую, то правую стенку. Взад-вперёд ему, видно, не нравилось. Спустя пару минут Себастиан встрепенулся, выплывая из мыслей, и нацелил нечитаемый взгляд на тут же едва не подавившуюся девушку.

— Я не совсем понял про поле ромашек, цыплёнок, — обманчиво мягким тоном, вроде бы мирно и между делом, спросил он, однако в голове Мишель тут же всплыли его давешние слова: «уж явного хамства не потерплю». Стало как-то не по себе.

— М-м-м, — воришка, покраснев и стушевавшись, отложила ложку, — ну-у-у.

— Му-у-у. Что ты имела в виду? — колдун приторно-ласково улыбнувшись, склонил голову к плечу.

— Я? — девушка изобразила удивление и поспешно реализовала только пришедшую идею. — В туалет хочу!

— Иди, — с лёгкой ехидцей великодушно разрешил чёрный.

Воровка, неловко ухмыльнувшись, поспешно сорвалась с места.

Мишель, подержав руку под краном, провела ледяной влажной ладонью по горящему лбу. Кончики пальцев онемели, кожа покалывала. Мишель тяжело вздохнула, утомлённо помассировала виски.

«Ну, не говорить же ему правду! Или разозлится или, что вероятней, засмеёт. А всего-то и надо было, что держать язык за зубами, сколько уже неприятностей из-за этого словила. А мало, епт!» — девушка с досадой на себя закатила глаза, болезненно прикусила нижнюю губу, отметив безобразно алые пятна на щеках, — «... а ведь некоторые ещё и истерить красиво умеют...»

Воровка ещё немного постояла, облокотившись о раковину и только добившись относительного спокойствия и обречённо наморщив нос, отправилась на «эшафот» — в туалете вечность не просидишь.

— Быстро ты, — иронично выгнул бровь Себастиан, лениво отхлебнул из стакана.

— Угу, — девушка, плюхнувшись на стул, быстро, в две ложки запихнула, остатки пирожного в рот, чёрный лишь покачал головой на такое бескультурье, усмехнулся на столь наивную уловку.

— Вернёмся к ромашкам, — мягко напомнил, облокотившись о стол локтем.

— А, может, не надо? — дожевав, тихо спросила девушка.

— Надо, — ободряюще улыбнувшись, заверил колдун.

— Не хочу.

— Мише-е-ель.

— Ну, ты мне пчёлку напоминаешь, — застенчиво отведя глаза, призналась воровка, за игрой скрывая неподдельное смущение, всё-таки свои мысли она предпочитала держать при себе. Особенно такие.

— Кого?! — чёрный был по-настоящему удивлён, даже стакан оставил в покое, опустив его на столешницу.

— Пчёлку, — Мишель пожалла плечами, нехотя перевела взгляд на Себастиана. — Чёрно-жёлтый. Мёдом пахнешь, глаза золотые. И жалишь, когда чего не нравится.

Колдун положил руки на стол и, мелко трясясь, уронил на них блондинистую голову. Девушка тоскливо оглянулась на выход, с некоторой надеждой уточнила:

— Плачешь?

— Р-ры-д-даю, — прозаикался Себастиан и, не выдержав, засмеялся вслух.

Воровке стало немного стыдно и досадно. А ещё странно — смех у колдуна был красивый, чистый, низкий. Она даже чуть заслушалась.

— Откровение на откровение. М? — предложила Мишель, пару минут погодя, дождавшись, пока чёрный успокоится.

— Что ты хочешь знать? — Себастиан, фыркнув, откинулся на спинку стула, уголки тонких губ так и ползли вверх. Настроение у него явно зашкаливало.

— Почему «цыплёнок»? — начала с малого девушка.

Колдун с некоторой ностальгией улыбнулся:

— Одна небезызвестная тебе троица в первую нашу встречу страшно напомнила мне курей. Два петуха и курица-наседка. Гордые, суетливые, побитые короли в своём курятнике. Изменились, конечно, гонора поменьше, но смысл тот же. А так, как пришла ты с ними, прозвище прилипло и к тебе, Мишель. Цыплёнок. Нечто маленькое, неуклюжее, такое хрупкое, но очень яркое, тёплое, пушистое. Никого не напоминает?

— Нет, — тихо буркнула девушка, роль домашней птицы её как-то не прельщала.

— Из пипетки уже кормить не надо, на лапки поднялась, но ещё слишком слабая. Трудно сказать, что хуже. Я или скажем кто-то из твоих взрослых коллег, — Себастиан пожал плечами, откинулся на спинку стула, смерив взглядом напрягшуюся Мишель. — И, не дай Бог, родственники — согласно законам одарённых, до совершеннолетия никаких прав ты не имеешь. А это, кстати, пятьдесят лет. Ты очень сильна, необразованна, наивна и, главное, ничего общего, кроме парочки хромосом, с ними не имеешь — значит, не жалко.

Девушка отвела взгляд в сторону, пусто уставившись в пол. Верить колдуну не хотелось, особенно насчёт предполагаемых родственников, но с другой стороны... Они ни разу даже не побеспокоились ни о ней, ни о матери, ни о бабушке. Бабушка, насколько Мишель смутно помнила, знала много и, кажется, чего-то боялась. По крайней мере, в ближайший город за покупками она ездила обвешавшись амулетами и по самые пятки измазавшись гримом. Та самая сбежавшая овечка? Тогда почему?

— То есть, даже если я избавлюсь от тебя, — в тоне воровки скользнули унылые нотки, — то неизбежно наткнушь на такого же? И слава средиземным пиявкам, если это будет именно такой, как ты?

— Как-то так, — чёрный потянулся за стаканом, — только, скорее, он натолкнётся — у тебя на шее амулет. Защитит, но лишь на расстоянии, в паре метрах шансов остаться инкогнито нет. А насчёт второго... в каждом положении есть плюсы и минусы. Я, по крайней мере, не заставлю тебя рожать целый выводок в надежде получить сильного наследника — нафиг надо? А вот одарённый «коллега», — Себастиан издевательски потянул последнее слово, — очень даже может быть.

— И что нужно именно тебе?

— Не буду пугать. Скажу лишь — останешься жива.

— Утешение, — в сторону фыркнула немного расслабившаяся Мишель.

— Лучше чем ничего. И да, выбирай дар или свобода, у тебя две недели. Не дашь ответ в срок, решу сам.

Девушка поморщилась, неприязненно поджала губы. Повисла неуютная тишина, разбавляемая лишь тихим, невнятным гулом чужих голосов.

— Что будет, если я выберу свободу? — спустя пару минут ровно, почти равнодушно спросила воровка.

— Вышью и отпущу, — легко, будто разговор шёл о погоде, отозвался чёрный.

Мишель это пренебрежение здорово покорило. Уже почти не надеясь на счастливый финал, она глубоко вздохнула и обречённо поинтересовалась:

— А дар?

— А вот здесь уже лучше, ты будешь привязана ко мне, скорее всего навечно, но не в качестве домашней зверюшки, а в качестве сперва ученицы, а потом, может быть, и равной. И, кто знает, может рано или поздно ты даже превзойдёшь меня? — колдун искушающе улыбнулся.

— И как пройдёт эта... — девушка замялась, но поморщившись, таки выдавила, — «привязка»?

— Н-ну, — повременил чёрный с ответом, глотая из полупустой кружки, — если вкратце: я лишу тебя девственности.

Мишель вздрогнула, широко раскрытыми глазами на него глядя. Этого она как-то не ожидала. На бледных щеках появился румянец, девушка отвела взгляд, заморгала, прогоняя

слёзы, тихо пробормотала:

— Это обязательно?

— Угу. Мишель, — внезапно мягко начал Себастиан, перегнувшись через стол и поймав холодную ладошку воровки, — один раз, больно не будет, и ты сможешь забыть об этом как о страшном сне.

Мишель вздрогнула, затравленно, сквозь слёзы на него покосившись. Вытянула руку из тёплой ладони, обиженно отвернулась, откинувшись на спинку стула и скрестив руки под грудью. Вопросы задавать больше не хотелось, а вот успокоиться, унять истерично бьющееся сердце и обдумать узнанное стоило.

Возвращались в тишине. Себастиан задумчиво молчал, воровка с поистине мазохистским удовольствием придавалась унынию, в итоге сумев накрутить себя так, что, в конце концов, решила, что никакая реальность и рядом не валялась с такими фантазиями. Заранее планировать девушка тоже ничего не стала, понадеявшись на «авось». А толку? Сейчас ни единой возможности избежать ультиматума она не видела.

Оставшееся время же Мишель целиком посвятила навязанной дилемме: дар или свобода? Посвятить-то посвятила, да только ответ был так и не найден. Пришлось менять и мнение об утреннем «эксперименте», ибо он наглядно показал — она способна не только на болтовню с лесом. На душе повисла неподъёмная тяжесть. Нужно было решать, ведь именно от этого зависит её дальнейшая жизнь, а в голове пусто, только ветер тоскливо воет.

Девушка устало прислонилось виском к стеклу. Это всё равно, что найти в любимой, зачитанной уже до дыр книге новую главу. Волнующе приятно, едва сдерживая нетерпение, дрожащими руками открыть новую страницу, прочитать название... а затем поверх заветных строк ляжет ладонь, причём так, что отдельные фразы проглядываются, но в единую картину уже не складываются. Поднять горящие непониманием и обидой глаза, чтобы наткнуться на заявление, что прочитать не получится. Бесплатно.

Мишель вздохнула — умудрилась же.

Остаток дня прошёл тихо; едва подъехав, чёрный куда-то умчался, оставив Мишель на попечение вчерашним молодцам. Ну, а те заморачиваться не стали и, вручив воровке толстую книжку древне-японских мифов, заперли в комнате.

Вымотанная за день девушка, полистав ту с часок, как-то незаметно для себя задремала. Благо, читать воришка любила лёжа, и боль в спине ей с утра не грозила.

Время летело быстро. Мишель почти не вылезала из огромной библиотеки колдуна, на что тот смотрел сквозь пальцы, временами балуя девушку своим присутствием. А вот спустя полторы недели особняк неожиданно наводнили странные личности, и раздолье, хоть и относительное, конечно, кончилось. Себастиан поджал губы и запер воровку в комнате, строго-настрого запретив из неё выходить.

А Мишель и не хотелось. Тем более единственный раз, когда она едва не поддалась любопытству, медальон обжёг таким жаром, что девушке стало по-настоящему страшно. Были у неё проблемы и без этого — отведённые чёрным две недели подходили к концу. Шанса сбежать так и не представилось, более того, воровка окончательно убедилась в его полном отсутствии, так что выбор, хотя он ей и не нравился, Мишель сделала. С тех пор внутри поселилось то неприятное ожидание чего-то нехорошего, которое с одной стороны "побыстрее бы", а с другой — не хочется и всё тут. Да и вообще, был ли этот самый выбор? На этот счёт у Мишель появились некоторые мысли, которыми она просто жаждала поделиться с мерзопакостным колдуном.

Одно было хорошо — порез на ладони затянулся. Наконец-то.

В ожидании прошло ещё два дня, а на вечер третьего неожиданно явился чёрный. Усмехнулся на чуть удивлённый взгляд, захлопнул дверь ногой и, поставив поднос на тумбочку, расслабленно плюхнулся в единственное в комнате кресло. Девушка вздохнула, потёрла лоб, закрыла рот и, скрестив ноги, ловко перетасила ужин на покрывало. Фыркнула, непринуждённо сообщила, проигнорировав недовольный взгляд:

— Я почти рада тебя видеть.

— Ч дно, — слабо улыбнулся колдун. — Маешься со скуки?

Воровка молча пожала плечами, убрала крышку с тарелки, облизнулась, чувствуя пряно-сладкий аромат. Покосилась на непривычно серьёзного, какого-то холодного и далёкого Себастиана.

— Сейчас гадость скажешь, да? — сморщила она нос в плохом предчувствии.

— Угу, — уголки тонких губ едва заметно приподнялись, — хотел, но передумал. Ты всегда ешь на кровати?

— Ага, — девушка немного расслабилась, глядя, как подтаивает лёд в медовых глазах. — В этом есть определённая пикантность, не думаешь? Завтрак, обед и ужин в постель.

— Не думаю, — колдун повёл плечами, фыркнул, — свинство в чистом виде.

— Сдох в тебе романтик, — воровка надула губы, — зануда.

— Неряха, — ехидно вернул «комплемент» Себастиан.

Мишель склонила голову к плечу, прищурив глаза, медленно осмотрела колдуна с головы до пяток, пытаясь уловить, что же в нём так изменилось. Поняла не сразу.

— Знаешь, — интригуяюще начала воровка, аккуратно отодвигая поднос и подползая почти к краю кровати, ложась на живот и подпирая голову рукой, — при нашей первой встрече я дала бы тебе лет тридцать, сейчас же на десяток больше. Почему?

Чёрный невесело улыбнулся, откинулся затылком на спинку кресла, негромко, отстранённо, как будто ни к кому конкретно не обращаясь, ответил:

— Мне двести семьдесят четыре, в скором времени настолько я и буду выглядеть.

— Эм, — с некоторым непониманием потянула Мишель, потёрла лоб. — В смысле?

— В прямом, — Себастиан пожал плечами.

— Столько не живут.

— Вот именно, — снисходительно улыбнулся колдун.

— Ты же говорил, есть и старше... — нахмурилась девушка, кольнуло лёгким беспокойством и подозрением. С одной стороны — к чёрному она уже слегка привязалась и смерти, несмотря на мерзопакостный характер, ему не желала, с другой — себя она любила гораздо больше.

— Ага, есть, — фыркнул, видно что-то припомнив, Себастиан. — А ещё я говорил: система не совершенна. И раз в несколько сотен приходится поддерживать своё существование.

— Я кажется, догадалась... — уныло буркнула враз скисшая и надувшаяся воровка. — Батарейкой буду я, да?

— Догадливая ты моя. Имеешь что-то против?

— Да! — Мишель аж на кровати подскочила, возмущённая до глубины души.

— Жаль, но не очень, — он насмешливо усмехнулся, прищурил медовые глазищи. — Знаешь, я солгал — живой ты от меня не уйдёшь.

Девушка зло фыркнула, резко перевернулась на спину. Смотреть на эту сволочь больше не хотелось, тошно. А ещё тошнее было осознать, что на его месте она поступила бы также. Но то, что он тварь, этого не отменяло.

— Я знаю, — спустя минутную паузу буркнула воровка, — ты своего не упустишь. Ритуал... Не будь у меня дара, ты забрал бы невинность и жизнь, так? Тем самым продлив свою.

— Верно, — спокойно подтвердил колдун, сквозь светлые ресницы посматривая на Мишель.

— Но он есть. Можно было бы и его забрать, но обожрёшься, — продолжила развивать мысль девушка, немного приободрённая подтверждением своей правоты. — А вот если трахнуть и привязать к себе, получится самозаряжающаяся батарейка под боком. Ультиматум же... Как он по-настоящему звучал-то?

— А что ты выбрала? — с лёгким любопытством поинтересовался чёрный, проигнорировав вопрос.

Воровка недовольно поджала губы.

— Какая разница?

— Что? — упрямо переспросил Себастиан.

Она закатила глаза и нехотя, тихо и мрачно ответила:

— Дар.

— Молодец, — Себастиан, немного расслабившись, довольно ухмыльнулся, — небольшая проверка на благоразумность. А по настоящему — оставлять ли тебе волю? Мне это надо? Сбежишь, гоняйся потом за тобой по миру, лови. А так... тихая, послушная и скуучная.

— Скучная? — хрипло съязвила Мишель, нервно, дергано садясь.

Поёжилась под внимательным, оценивающим взглядом, в бессознательном защитном жесте скрестила руки под грудью. С явным волнением перевела взгляд на тихо усмехающегося колдуна.

— Посмотрим, — медленно, явно наслаждаясь моментом, потянул тот, поймав

испуганный взгляд синих глаз, усмехнулся и добавил. — Пока оставлю.

— Какая щедрость, — выдохнула воровка, на мгновение опуская веки, пряча затопившее глаза облегчение. Но тут же встрепенулась, припомнив кое-что.

— Вот именно. Цени, — не дав девушке времени вновь открыв рот, усмехнулся Себастиан, поднимаясь. — До завтра, цыплёнок.

— Постой, Себастиан! — вскрикнула Мишель, от волнения даже приподнимаясь на кровати и вытягиваясь в струнку, чёрный вопросительно выгнул бровь, в упор на неё посмотрев. — Я спросить хотела, почему именно девственность?

— А-а, — понимающе потянул, усмехнувшись, колдун, — хороший вопрос. Это энергия, цыплёнок, она копится от рождения и высвобождается в момент первого оргазма с партнёром.

— Только оргазма и только с партнёром? — слегка покраснев, с любопытством выгнула тонкую бровку девушка.

— Ага, причём сильнейшая её волна приходится именно на первый секс, — Себастиан вздохнул, лениво потянулся, продемонстрировав хоть и не особо выдающиеся, но хорошо развитые мышцы. Едва заметно усмехнулся, перехватив оценивающий взгляд покрасневшей воровки, интимно, проникновенно глядя в синие глазки, муркнул:

— До встречи.

Мишель ещё пуще покраснела и, уткнувшись взглядом в собственные ладони и кое-как совладав с перехваченным горлом, хрипло просипела:

— Пока.

Тихо хлопнула дверь. Воровка облегчённо вздохнула, потёрла пылающее лицо холодными ладонями, истерично хихикнула, с размаху откинувшись на кровать. Пусто вперила взгляд в потолок, прислушиваясь к истерично бьющемуся у самого горла сердцу.

На то, чтобы окончательно успокоиться, у Мишель ушло ещё минут двадцать. Откатом стала головная боль и противной дрожью разлившаяся по телу слабость, поэтому анализировать разговор "вот-прямо-зас" девушка не стала, предпочтя без особого аппетита поковыряться в уже остывшем ужине, а после просто лечь спать. Сон, несмотря на тяжёлые мысли и отвратное настроение, пришёл быстро.

День не задался с самого утра. Во-первых, начался рано. Во-вторых, Мишель ещё с детства ненавидела манную кашу. В-третьих, все взятые книги были уже прочитаны, а попросить взять новых было некого. И сидела девушка до самого обеда невыспавшаяся, голодная и злая. После обеда же, объевшись до треска в пузе, раздосадованная провалом вербовки служанки воровка завалилась спать. На полный желудок заснуть оказалось плёвым делом.

Проснулась Мишель от мягких поглаживаний по голове, спросонья тихо вздохнула, было приятно и как-то... необычно(?). Девушка нехотя открыла глаза, подслеповато прищурилась, машинально стараясь защититься от яркого света прикроватного торшера. Как и ожидалось, это был колдун. Воровка едва заметно нахмурилась, приподнялась на руках, вопросительно приподняв брови. Себастиан ласково улыбнулся и, напоследок скользнув пальцами по её щеке, убрал ладонь. Подхватил стоящий на тумбочке кубок, поднёс к губам Мишель.

Воровка отклонилась назад, в затуманенных глазах мелькнуло недоверие. Тогда колдун, укоряюще покачав головой, обхватил свободной рукой затылок девушки и вновь настойчиво

прижал металл к её губам, уже не позволяя отклониться. Мишель упёрлась ладонью в его руку, испуганно посмотрев в как будто выцветшие глаза. На что Себастиан лишь вновь покачал головой и наклонил кубок, девушке осталось лишь приоткрыть губы.

Это было вино. Крепкое. Оно обожгло рот, горячей волной спустилось по пищеводу, осев в желудке колючим теплом. С третьего глотка сладкое. С шестого пряное. В восьмого Мишель почудилась некоторая горечь. Но последний был также сладко-пряный.

Девушка глубоко вздохнула, кубок исчез из её поля зрения, а саму её, ласково поцеловав в висок, попытались уложить обратно на подушку. Воровка не поддалась, нахмурилась, пытаясь поймать ускользающую мысль, синие глаза немного прояснились. Она облизнулась, щурясь, перевела расплывающийся взгляд на колдуна, обиженно, хрипло, то ли ото сна, то ли от вина, спросила:

— Зачем ты меня спаиваешь?

— Не вкусно? — тихо отозвался чёрный, склонив голову к плечу.

Черты лица Мишель разгладились, она моргнула, вновь облизнулась, из последних сил неразборчиво прошелестела:

— Вку-у-усно.

Голову воровки всё плотнее окутывал тяжёлый, вязкий туман, наполняя тело негой, со страшной силой прижимая к земле. Руки девушки подломились, она тяжело упала на покрывало, веки опустились уже сами, без участия почти отключившегося сознания. Дальнейшее Мишель слышала и осознавала будто сквозь толстую перину — далеко, тускло и глухо.

Вот Себастиан перевернул её на спину, пальцами ласково провёл по влажным губам, тонкой шее. Цепочка едва уловимо врезалась и тут же исчезла, щекотно скользнув по коже. Прозвучал тихий звук разъезжающейся молнии, и аккуратно приподняв, с неё стаскивают кофту, попутно расстегнув сзади лиф. Пара мгновений, и прохладный воздух касается обнажённой груди. Ладонь скользит вдоль изгиба талии, задерживается у ремня. Те же руки стаскивают джинсы, носки и, дразняще проведя пальцем вдоль линии белья, тянут кружевные полоски вниз.

Прикосновения исчезают, над ухом что-то негромко звенит. Лёгкое, холодное касание к животу заставляют воровку вздрогнуть, кожа покрывается мурашками, соски напрягаются. Тем временем нечто тонкое выводит замысловатые, тут же высыхающие узоры. Они же в скором времени украшают внутреннюю часть бёдер и гладкий лобок. Напоследок мазнув пару линий на лбу, кисточка исчезает.

Шорох. Девушку бережно берут на руки, непослушное тело прогибается. Сверху ложится прохладная ткань. Лёгкое покачивание; стук; по коже скользит лёгкий ветерок, отчего Мишель вновь покрывается мурашками.

Вновь покачивание, долгое, девушка даже успевает задремать, пригревшись. Но вот рядом звучат голоса: мужские, женские, но во всех звучит зависть. Прикрытая злостью, весельем, чем угодно, но зависть, горечью оседающая на корне языка.

Мишель тихо вздыхает, когда её аккуратно опускают на твёрдый холод, бессознательно ёжится. Горячие руки исчезают, чтобы вновь появиться, мягко разводя её ноги в стороны. Внизу живота разливается вязкое, навязчивое тепло.

Себастиан бережно уложил девчонку на центральный алтарь, нехотя стянул с неё ткань, отбросив её за чуть мерцающий контур звезды. Привычным движением кисти убрал за ухо

лезшую в глаза прядь, немного тоскливо покосился на им же только что откинутое покрывало — увы, ритуал не допускал присутствие постороннего в круге, будь это хоть человеком, хоть крысой или тканью. Впрочем, смущение таким, как он, было не свойственно, а вот собственничество — очень даже. Колдуна кольнуло лёгкой ревностью, СВОЁ он столь подробно демонстрировать не любил. Очень не любил.

До полночи оставалось около трёх минут, Себастиан оглянулся. То и дело бросая на его Мишель жадные взгляды, на концах большей Эрцгаммы устраивались остальные. Колдун усмехнулся, опустил слегка ироничный взгляд на ровные линии, проверяя их целостность: удивительно, насколько пара деталей могут извратить первоначальный смысл. Знак, означающий совершенство, исцеляющий душу и тело, вписанный один в один с тринадцатью алтарями внутри, хоть и станет исцелением для одних, да только будет стоять жизни другим. В этот раз вёл ритуал Себастиан, на правах главного расположившись на центральном алтаре, одном из тринадцати — точкой пересечения всех энергетических каналов. Коллеги же его встали у основания конечных алтарей, расположенных строго по центру углов малой звезды, верхней частью направленных к центральному, а нижней касающихся линий большой Эрцгаммы.

Чёрный поднял голову, привлечённый шумом, тихо фыркнул, подавил ухмылку, из полуприкрытых век наблюдая, как хрупкая на вид блондинка, под нос себе ругаясь, пытается правильно разложить своего хоть и вяло, но сопротивляющегося донора. Рыжая девчонка, едва ли не крупнее своей противницы, даже опоённая, хоть и в большинстве своём мимо, но пиналась и дёргалась, медленно выводя Марго из себя. А ведь, колдун всё же не удержался и ехидно улыбнулся — ей ещё свою жертву девственности лишать, до оргазма доводить. Этими самыми наманикюренными, изнеженными пальчиками.

— Чего лыбитесь? — мрачно покосилась на него Марго, парой точных движений таки обездвижив донора.

Себастиан мигом изобразил святую невинность — с этой только начни спорить, все мозги чайной ложкой выест. Да и не хотелось ему сейчас с кем-то гавкаться, настроение не то, Мишель под боком.

— Письками гордятся, — язвительно отозвалась Жанна, девчонка которой тоже начинала приходить в себя. В отличие от Марго проблем с донором у неё не было — высокий рост, тучное телосложение и немалая сила в руках на раз-два лишали её подобных проблем.

— Так это легко исправить, — насмешливо, слегка растягивая гласные, пропела Мариша, единственная жертва которой ещё лежала без малейших движений. Даже его цыплёнок зашевелился, пытаясь свести ножки.

Себастиан молча закатил глаза: хуже чёрного колдуна может быть только чёрная колдунья — у них характер ещё поганей. Внутри уже знакомо потянуло, чёрный быстро переглянулся с Михаилом, коротко провёл ладонями по мягкой коже Мишель, настраиваясь на нужный лад.

— Да ты... — не удержался Кайл, об импульсивности которого едва ли не легенды слагали.

— Полночь, — раздражённо оборвал намечающуюся грызню Себастиан.

Все подобрались, как по команде посмотрели вниз, проверяя, не задевают ли голыми ступнями линии малой Эрцгаммы — сгореть в потоке высвобожденной энергии никому не хотелось. Себастиан глубоко вздохнул: пожалуй, можно начинать.

И да, кажись, с дозировкой он всё же переборщил. Вон, как его цыплёнка плющит.

Дурман медленно испарялся, Мишель потихоньку приходила в себя и первое, что она осознала — это то, что лежит голая, да ещё и с раздвинутыми ногами, между которыми полыхает довольно специфический жар. Воровка вздохнула, чувствуя, как приливает к щекам кровь. Сознание ещё немного прояснилось, будто сквозь толстую вату до неё донеслись голоса, в основном женские, но были среди них и пара мужских, в том числе и её чёрного. Мишель ещё сильнее покраснела, поняв, чьи горячие руки лежат у неё на бедрах, дёрнулась, пытаясь свести ноги, но не преуспела, наткнувшись на сопротивление всё тех же ладоней.

Жар разрастался, волнами расходясь по всему телу, выступая на слегка зарумянившейся коже испариной, до предела обостряя чувствительность. Девушка слегка прогнулась, морщась и бросая всякие попытки сдвинуть ноги — камень под спиною всё сильнее раздражал, впиваясь в лопатки колючим песком. Почти больно.

Между ног стало настолько горячо, что всё тело начал бить мелкий озноб. Сознание Мишель опять затуманилось, восприятие сузилось на пылающих огнём руках у неё на бёдрах. Она вновь прогнулась, почти бессознательно шире разводя ноги то ли в попытке сбросить обжигающие ладони, то ли подтолкнуть их выше. Разомкнула губы, жадно глотая прохладный воздух. Внизу живота уже не просто потягивало, а буквально скручивало спиралью, и... Мишель не выдержала, прогнулась сильнее, влекомая жаждой стать ближе, царапая спину о камень, умоляюще прошептала: «Пожалуйста».

Внезапно прошедший по полыхающему телу холодок не только не остудил желание, но и почти оглушил остротой ощущений. Мишель тихо застонала, захлёбываясь дыханием, когда одна из ладоней колдуна внезапно, едва касаясь кончиками пальцев, быстро соскользнула вниз, даря ласку там, где хотелось больше всего. На пару мгновений воровка застыла, оглушённая ощущениями, но потом вновь захлебнулась тихим, едва слышным стоном, когда влажные пальцы задели горошинку клитора. С громадным усилием, по слогам выдохнула: «Па-жа-лу-ста...». Попыталась открыть глаза, но не смогла.

В ту же секунду чёрный, наконец, сжалившись, прижался ближе, Мишель тут же забыла об этом и поспешно обхватила его бёдра ногами, пылая просто от контакта кожи к коже. Слегка поморщилась, ощутив внизу ноющее давление, и звонко вскрикнула, когда с резким рывком бёдер колдуна пришла обжигающе острая боль, на пару секунд притушившая желание. Воровка всхлипнув, зажмурилась, на ресницах выступили слёзы. Сверху тяжело вздохнули, по бокам девушки мягко, лаская, скользнули горячие ладони, и ей, кажется, немного полегчало. Мишель облизнула сухие губы, на пробу качнулась навстречу. Внизу живота слегка потянуло ноющей болью и чем-то щекотно-приятным, совсем незнакомым. Почти приятно.

Себастиан улыбнулся, обхватив ладонями талию девушки, поставил колено на алтарь и, перекинув стройную ножку через своё бедро да приподняв таз Мишель, начал нарочно медленно, глубоко проникая, скользить в узком лоне.

Воровка охотно выгнулась, предоставляя более удачный угол проникновения, глубоко задышала, вздрагивая с каждым мягким, плавным толчком. Вскоре боль совсем исчезла, смытая вязким потоком неги. Девушка облизнулась, выгнулась сильнее, недовольно кривя полные губы, жар, всё так же огнём пылавший между ног требовал большего: сильнее, резче, быстрее. Колдун же, проигнорировав посыл, темп не увеличил.

Тогда Мишель, с трудом согнув руку, на ощупь нашарила запястье чёрного, резко дёрнула, вынуждая опереться ладонью на алтарь, и практически полностью на неё лечь. Тяжесть чужого тела оказалась столь неожиданно приятной, что девушка непроизвольно прогнулась, опираясь на лопатки, вжимаясь в мужчину ещё сильнее. Тихо, но крайне довольно простонала, дёрнулась навстречу, смазав очередной толчок. Колдун раздражённо фыркнул, сжал ладони на талии воровки сильнее, затем как-то иронично усмехнулся и выдохнув: «Вот же настырное создание», резко толкнулся вперёд.

Девушка захлебнулась вздохом, забросив руку ему за шею, прогнулась. Стало хорошо, остро, резко, как ей и хотелось. Искры внизу начали вспыхивать всё чаще, шипяще-щекотным эхом отдаваясь во всём теле. Дыхание Мишель окончательно сбилось, под закрытыми веками затанцевали чёрные мушки.

Резкая вспышка ослепляющего удовольствия стала оглушающей неожиданностью. Девушка откинула голову, приоткрыв губы в беззвучном крике. В сознании взорвался фейерверк, воровка до предела выгнулась в руках колдуна, прижимаясь к его груди животом и, в последний раз содрогнувшись, безвольно обмякла, то ли засыпая, то ли теряя сознание.

Себастиан же, сделав ещё пару фрикций, тоже кончил.

Девушка рывком вынырнула из тёмного, вязкого омута сна. Приподнялась на дрожащих руках, подслеповато щурясь. Медленно, вязко облизнула потрескавшиеся губы — невыносимо хотелось пить. И тут же, как по мановению волшебной палочки, перед носом Мишель материализовалась полная кружка воды. Воровка, вздрогнув, судорожно вцепилась в неё и, не чувствуя вкуса, принялась жадно глотать, быстро, то и дело давясь, до тошноты и занемевшего горла.

Когда бокал опустел, лежащий рядом колдун мягко, но настойчиво отняв его, поставил обратно. Девушка разочарованно вздохнула, проводив ёмкость мутным взглядом, провела языком по ледяным губам и, зевнув, опустилась обратно на подушку, тотчас вновь засыпая.

Себастиан приподнявшись на локте, задумчиво скользнул большим пальцем вдоль линии губ Мишель. Во сне девушка слегка улыбалась, чего, как припомнил колдун, на яву никогда при нём не делала. Правда, тут же с досадой признал, что и повода-то почти не давал.

Девчонка действительно оказалась очень сильна, настолько, что там, в круге, он едва удержал потоки хлеставшей из неё энергии. Усвоить смог лишь треть, ещё примерно столько же ушло на самую прочную привязку, которую колдун только знал. Оставшееся пришлось отдать, по поводу чего, кстати, Себастиана до сих пор душила жаба. А на довольные рожи «коллег» и вовсе смотреть тошно было. Чёрный поморщился, устало помассировал виски: и как их выдворять теперь? Они ж в надежде на халяву теперь месяц за его счёт жрать будут, а в перерывах к Мишель клинья подбивать. Дармоеды чёртовы.

Себастиан глубоко вздохнул, положил голову на согнутый локоть, мягко притянул девчонку ближе, по-хозяйски приобняв. Сна ему ещё дня два не видать, под кожей бурлила отобранная энергия, порой омывая удушливо горячей волной внутренности, в такие минуты всё более молодевший чёрный морщился... Что поделать, красота требует жертв. Тем более, рядом с Мишель, донором, подобные приступы должны пройти гораздо безболезненнее и быстрее. В теории. На практике же Себастиану доселе этого проверить как-то не удалось: одарённых было много, да только все они состояли в кланах, если и поймаешь, проблем не оберёшь — родную кровь выследить на раз плюнуть, а укукошить «паразита» едва ли не подвиг.

У Мишель метки принадлежности не было, он проверил это ещё в сторожке, зато был старинный артефакт, с характерным для одного из самых сильнейших кланов вкусом. Любопытная вещичка, кстати, чёрный за цепочку вытянул из-под подушки святящийся кулон — душа рано ушедшей матери, оставшейся оберегать дитя и за порогом смерти. Спустя века личность женщины стёрлась, а вот любовь осталась, сама не зная, его девочка получила мощнейшую защиту, которую, правда, ещё разбудить надо. Колдун всё так же, за цепочку, запихнул кулон под подушку Мишель — колется, зараза.

Себастиан фыркнул, медленно лизнул нюющие кончики большого и указательного пальца. Силён артефакт, воспринимай маленький хранитель его в качестве врага, обжог бы даже сквозь двадцать сантиметров серебряных звеньев. А так неприязнь выразил и затих.

Колдун прижал к себе безвольное тельце поплотнее — девчонку морозило, задумчиво улыбнулся, зарывшись носом в спутанные, мягкие волосы. Пахло зелёным чаем — вкусно,

свежо. Глядишь, и его жизнь смысл обретёт, чёрный хитро ухмыльнулся, главное, что бы этот самый «смысл» раньше времени не удрал.

Просьпалась Мишель с трудом, несколько раз, рывками. Снова хотелось пить, хотелось настолько, что она таки вынырнула из липкого, как смола сна, с трудом заставив себя облизнуть губы и, не открывая глаз, приподняться на локтях. Поперёк спины лежала чья-то рука, Мишель даже фыркать не стала, а лишь гибко извернувшись с живота на бок, потянулась к кружке.

Ещё никогда вода не казалась ей НАСТОЛЬКО вкусной. И опять быстро кончилась. Мишель разочарованно вздохнула, опрокинула бокал, ловя языком последние капли. Поставила ёмкость обратно...

... и тихо пискнула, когда чужая конечность резко дёрнула её назад, прижимая к худощавому, твёрдому телу. Девушка поморщилась и перевернулась на спину, устало покосилась на лицо лежащего рядом колдуна. Скандальничать не хотелось, вообще ничего не хотелось... разве что спать и пить. Даже тот факт, что вчера её прилюдно трахнули, разложив на алтаре, воспринимался как-то отстранённо и напоминал о себе лишь ноющей болью между ног.

Так полновесно апатия наваливалась на неё до этого лишь раз — семь лет назад, когда бездетная пара, приходившая в интернат каждые выходные, в конце концов, забрала мальчишку-хулигана (вместо неё! хотя девочка так старалась понравиться) только потому, что он на год младше. Помнится, слёз не было и в тот раз, лишь мгновенная вспышка боли и затопившее душу равнодушие. В тупом безразличии прошли следующие полгода, а потом её группа пополнилась новыми «членами», так что пришлось в срочном порядке «проснуться», дабы не остаться, в конце концов, с голой жопой — новички оказались чересчур боевыми и наглыми. О семье с тех пор себе мечтать Мишель запрещала.

Вот и сейчас вместо того, чтобы сожалеть о насильно отобранной невинности, воровка несколько заторможено обвела взглядом комнату. На чёрного смотреть больше не хотелось, сквозь равнодушие порой пробивалась острая неприязнь, едва ли не брезгливость. И горькая обида. Пожалуй, даже в большей степени, чем неприязнь.

Комната была не «её»: тёмная, большая, уголок губ Мишель саркастически приподнялся, как спортзал. Высокий потолок, то ли обитые деревом, то ли обклеенные коричневыми обоями стены, ламинат на полу, из достоинств только камин, и тот не зажжён. В общем, помещение девушке не понравилось. Она предпочла бы вернуться в свою комнату, а лучше вообще в интернат — оказалось, всё познаётся в сравнении. Отбилась бы, наябедничала кому-нибудь, вариантов в сущности была масса.

А теперь? Себастиан не дурак — Мишель уяснила это давно. Долгожданная свобода откладывается. Надолго. Очень надолго. Если не навсегда. Кто в здравом уме упустит такой подарок? Самозаряжающаяся батарейка, постельная грелка и ещё хрен знает кто в одном флаконе.

— Ты можешь зажечь камин? — тихо спросила девушка, ёжась.

— М-м? Зачем? — лениво муркнул чёрный, вздыхая и ближе прижимаясь к воровке.

— Холодно, — поджав губы, буркнула Мишель, ёрзая в попытке ненавязчиво от него отодвинуться.

— Даже со мной? — разгадав манёвр, крепче обнял её за талию колдун.

— С тобой особенно.

Отвечать на колкость чёрный не стал, в камине наконец вспыхнул огонёк. Маленький, но шустрый, быстро расползшийся на заранее приготовленное дерево. Мишель села, сбросив руку задумчиво рассматривающего её Себастиана и, подтянув одеяло на грудь, поползла к концу широченной кровати. Встала, окончательно сдёрнув одеяло с обиженно фыркнувшего чёрного, пошлёпала босыми ногами по холодному ламинату к огню. Восхитительно тёплому и яркому в стылом мраке спальни колдуна.

Сзади послышался шорох, девушка с наслаждением протянула руки вперёд, отогревая замёрзшие пальцы. Села на пол, скрестив ноги, завернувшись в одеяло, как в кокон (помыть её, судя по всему, помыли, а вот одевать не стали), и заморожено уставилась на оранжевые язычки пламени — хоть что-то в этом странном мире неизменно.

Себастиан натянул штаны и, прищурившись, изучал девчонку. Он был готов к истерике, но не столь... тупому безразличию. Казалось, тот огонёк, что ещё недавно горел в сапфировых глазах, потух, оставив после себя лишь сизый дымок. И колдуну это не понравилось, очень.

Чёрный, беспокойно прикусив нижнюю губу, покачал головой — нужно побыстрее вывести цыплёнка из этого коматозного состояния. Вытянул из-под кровати толстый свёрток с полтора метра длиной и, подхватив его за край поудобнее, направился к камину. Бухнул ношу параллельно стены, Мишель даже не повернула голову, лишь слегка вздрогнув от неожиданности. Себастиан вздохнул и аккуратно поднял недовольную переменной местопребывания девушку на руки, босой ногой раскатал ковёр — не дело на холодном полу сидеть.

Мишель провела ладонью по пушистому, длинному и поразительно мягкому ворсу. В свете огня вообще-то молочного цвета ковёр приобретал персиковый оттенок, очень красивый и тёплый. Сейчас возле камина, когда в голове блаженная тишина, воровка была почти счастлива. Не было бы рядом ещё чёрного, и не ныло бы ещё между ног...

— Мишель... — колдун медленно опустился рядом, странно фыркнул. — Мои «гости» ещё не уехали. И вряд ли уедут в ближайшую неделю.

— Почему? — девушка, нахмурившись, повернулась к Себастиану.

Новость ей не понравилась, если одного такого она ещё могла терпеть, то уж целую толпу, нет уж, увольте, особенно после... Бледные щёки «украсил» ляпистый румянец. Мишель подтянула одеяло повыше, опустила голову, пытаясь скрыть стыд.

— Ты, — колдун пожал плечами, вытянув длинные ноги. — Они все хотят тебя.

— Ну да, — воровка почти пофигистично хмыкнула, вновь вернувшись взглядом к огню.

— Попытаются переманить, — коротко, с непонятым выражением покосился на неё чёрный, — или, на худой конец, урвать побольше. Ты так спокойна... Не боишься?

— Нет, — Мишель пожала плечами. — Ты защитишь.

— Это верно, — тихо засмеялся Себастиан, — начинаешь проникаться новым положением?

— Изыди, — мрачно буркнула воровка, отвернувшись.

Колдун только усмехнулся и на пару минут замолчал, вместе с девушкой глядя в огонь.

— Мишель, — как-то тяжело начал, Мишель напряглась в предчувствии плохих новостей, — по натуре мы довольно мстительны, и, думаю, сразу после их отъезда сюда заваяются представители всех кланов одарённых.

— Оу, — с некоторым замешательством потянула девушка, коротко на него

покосилась. — Боишься, что отберут?

— Да, — не стал таить очевидного Себастиан, — но есть один нюанс: для этого им понадобится твоё согласие.

Воровка фыркнула, вяло усмехнулась, новость у неё вызвала довольно смешанные чувства. С одной стороны — чёрный, с которым всё уже более-менее ясно, с другой — призрачная надежда от него удрать. Но до того хрупкая и непредсказуемая, что "вот-прямо-счас" девушка за неё цепляться бы не решилась.

— И почему же я не должна его давать? Назови хоть одну причину.

— Так как тебе лет-то всего ничего, ты тут же перейдёшь под «опеку» Главы.

Тот же в свою очередь попытается тебя как можно эффективнее использовать. И не факт, что тебе, мой цыплёнок, это придётся по вкусу. А возразить низ-з-зя: я уже говорил, до пятидесяти ты никто и звать тебя никак. Всё решает опекун, — колдун как-то невесело усмехнулся, — а потом и муж, которому к этому времени ты успеешь нарожать парочку милых, крайне одарённых ребятишек. Да вот незадача: долго после этого не проживёшь.

— Почему? — Мишель плотнее закуталась в одеяло, стало как-то очень не по себе, ибо о замужестве она никогда и не мечтала, а о роли свиноматки — тем более.

— Беременность даже простой женщины довольно выматывающая для её организма и ауры. А уж такой как ты, — Себастиан печально взмахнул кистью. — Она просто перекорёжит тебе все каналы, к тому же, одарённые никогда не донашивают своих детей, провоцируют роды месяце на седьмом, так как дальше младенец начинает тянуть дар и жизнь у матери.

— И ты думаешь, у меня не... — подавленно запнулась девушка, на мгновение даже позабыв, как недавно с ней обошёлся сам чёрный.

— Ты непредсказуема, неуправляема, неудобна. Твои дети и так станут обладателями дара, а уж если и твой высосут... их можно воспитать так, как удобно Главе, клану — та-а-акой огромный плюс, от которого он вряд ли откажется.

— И никто даже не пискнет? — несколько обиженно спросила Мишель.

Семья всегда была, в её понимании, заботой, причём не только со стороны родителей, но и прочих родственников: дядь, тётъ, сестёр, братьев, пусть даже не совсем прямых. И неужели никто не заступится, видя, как её медленно убивают?!

— Так не принято, цыплёнок, всем заправляет Глава, — чёрный тяжело вздохнул. — Ещё один плюс статуса изгоя — подчиняешься только себе. Конечно, ради репутации могут и на меня вину спереть: скажем, наложил я, такой бяка, долгосрочное проклятие. Может, даже попытаются убить. Точно попытаются — не любят они меня, — Себастиан деланно грустно надул губы.

— Неудивительно, — фыркнула девушка, коротко на него покосившись. — Я подумаю об этом.

— Хорошо, цыплёнок, — колдун неожиданно светло улыбнулся, — у нас около недели.

На этой ноте разговор окончательно затих. Девушка обдумывала слова чёрного и, к своему неудовлетворению, находила их довольно здравыми. Но! У неё же ещё есть время, да? Вариантов развития событий, собственно, при этом было пять. Первый — она уходит к родичам, приобретает семью. Второй — она уходит к родичам, умирает, перед этим нарожав кучу спиногрызов от выбранного ими насильника. Третий — она остаётся у чёрного, налаживает с ним отношения. Четвёртый — она остаётся у чёрного, становится безвольной куклой. И, наконец, пятый, почти не реальный, в какой-то мере наивный и глупый — она

посылает обоих нахер и отправляется на вольные хлеба. А потом её ловят и всё становится ещё хуже.

Мишель кисло ухмыльнулась — как ни поверни, а вторую часть она узнает только постфактум. Единственное, что она сейчас может — попытаться найти предпосылки того или иного варианта. Сейчас девушка склонялась к третьему, но очень надеялась на первый.

Воровка из-под полуопущенных ресниц покосилась на Себастиана. Колдун сидел, чуть склонив голову к плечу, задумчиво глядя в огонь, вытянув ноги, опираясь ладонями о пол. Расслабленный, почти уютный, с яркими отблесками в медовых глазах, задумчивый и непривычно тихий. Раньше Мишель была уверена, что хорошо разбирается в людях, сейчас же эта уверенность дала основательную такую трещину. Тем не менее ей всё же казалось, что чёрный не склонен к жестокости, скорее, к контролю.

В любом случае, решение принимать ещё было рано, и время, пусть даже такое мизерное, у неё есть. А в случае, если сбудется-таки вариант три, то и отыгаться на колдуне за это почти изнасилование тоже возможность будет.

За тяжёлыми мыслями стыд и обида за недавнее немного отошли назад, затаившись где-то внутри колючим, холодным клубком. Равнодушие, так уютно сковавшее её по пробуждению, развеялось лёгкой дымкой, девушку вновь активно беспокоила её судьба. Однако... Воровка зевнула, прикрыв рот ладонью, глаза опять слипались, виски ныли начинающейся мигренью. Мишель вздохнула, мысли её замедлились, со страшной силой потянуло к полу. Сопротивляться она этому не стала, свернувшись клубочком на ковре и положив руку под голову, благо, чёрный разместился с самого края и почти не мешал.

Следующее пробуждение Мишель состоялось часа через четыре. Угли в камине уже едва тлели, на талии воровки снова расположилась рука колдуна. При этом сам Себастиан, уткнувшись носом в растрёпанную чёрную макушку, прижимался к девушке сзади и, кажется, спал.

Спокойно спал! Мишель, закусив нижнюю губу, подтянула колени к груди, глаза заволокли слёзы. Обида накатила со страшной силой: уж не так она себе первый раз представляла, да и вообще всю жизнь... не так. А тут, нате! Получите, распишитесь. Знала б заранее, ни в жизнь к этому мерзкому Сергею на километр не приблизилась. И воровать бы бросила и вообще в детдом вернулась!

Минут через пять у Мишель жутко разболелась голова, да так, что слёзы уже наворачивались отнюдь не от жалости к себе. Воровка поморщилась и прижала прохладные кончики указательных пальцев к вискам. Спустя несколько минут немного полегчало, причём и физически, и душевно, перегорело, впоследствии залитое слезами. Даже сердце почти перестало болезненно колоть, снизив пульс. Воровка на пробу сделала пару глубоких вдохов — грудная клетка хоть и ныла, но уже терпимо.

Кстати... Девушка ладошкой вытерла глаза: а что там с её «соучастниками»? И какое сейчас число? Почему-то Мишель казалось, что в постели она валялась отнюдь не один день. И хотя именно это беспокойное трио втянуло воровку в это дерьмо, зла она им не желала, особенно Ирине. Хотя сломать Сергею пару косточек девушка бы не отказалась. Чисто в профилактических целях.

Мишель зевнула, поморщилась, когда кольнуло в висках. И стоило просыпаться? Чисто пореветь? Потянулась, перевернулась на спину, минут десять упрямо разглядывала потолок. И со вздохом поражения перевела взгляд на чёрного. И как к нему относиться?

Таким уж ударом ритуал для воровки не стал, колдун ясно дал подать, что хочет она, не хочет, а секс будет. А вот наличие зрителей девушку напрягало. Нет, она, конечно, знала, ничего принципиально нового они не увидели, но... Стыдно. Больно. Обидно.

В любом случае колдун ей и раньше в этом смысле не особо нравился, а теперь и подавно — в постель добровольно с ним она не ляжет. Ни-ко-гда. Приняв решение и намереваясь твёрдо ему следовать, воровка чуть-чуть успокоилась. Осталось только самого колдуна об этом уведомить, да и проверка неплохая на реакцию будет — та самая предпосылка, в котором она так нуждается. И, будто подкараулив, высунуло из-под тревог острую мордочку любопытство: ей показалось или Себастиан изменился?

«Изменился, — констатировала девушка некоторое время спустя и мысленно же съязвила, — качественная я, однако, батарейка, дюрасел турбо макс прям».

Колдун определённо помолодел, даже не так, исчезли морщины — мальчиком или даже парнем его назвать всё равно язык бы не повернулся. Те же острые черты или даже острее (хотя это скорее от недостатка света), короткие, но пушистые светлые ресницы, бросающие широкие тени на впалые, чисто выбритые щёки.

Мишель аккуратно сняла руку со своей талии и попой вперёд отползла на пару шагов, зорко следя, чтобы придавленное и поэтому ограниченное в передвижении одеяло не обнажило чего лишнего.

Что-то блеснуло на груди чёрного, воровка прищурилась и тут же возвела глаза к потолку — человеку триста лет, а он соски прокалывает. Нет, золотое колечко в левом соске, конечно, круто, но уж больно слабо у девушки подобное ассоциировалось с серьёзным чело-орным колдуном. Хотя... Мишель с макушки до пяток осмотрела Себастиана — за две недели она как-то уже привыкла к обилию золота на шее и руках колдуна и чисто машинально не обращала внимания на его блеск. И на боку у него ещё чёта темнеет. Интересненько.

Девушка привстала, подалась вперёд. Как ни старалась, но рассмотреть в таком освещении что там темнеет, Мишель так и не смогла. Не получилось у неё даже одеяло из-под чёрного выдернуть, но и вновь ложиться фактически голой ей тоже не хотелось. Взгляд воровки метнулся к шкафу колдуна, не будет ведь он скелеты в спальне хранить, да? Воришка, прикусив в волнение губу, посмотрела на чёрного — спит? Спит, чему-то едва улыбаясь, и, кажется, даже немного ехидно. Гадость.

Девушка выпустила из пальцев многострадальное одеяло и, нерешительно оглядываясь, бегом бросилась к шкафу. Скелет в шкафу был, воришка обалдела икнула и, схватив первую попавшуюся футболку, захлопнула дверце. Извращенец.

Натягивая вещь через голову, Мишель размышляла. Над чем? Над скелетами в шкафу... искусственными (слишком уж белоснежны и неправдоподобно ровны были кости), слава Ктулху. Девушка переступила с ноги на ногу — пол был холоден, а выбор непрост. Кровать или ковёр?

На ковре спит Себастиан, на кровать не хочется — слишком уж неуютно она выглядит. Воровка представила, как медленно ползёт к центру и, натянув одеяло на голову, сворачивается клубком на гладких, холодных простынях, одна, среди тёмной, большой, чужой комнаты. В последний раз бросив взгляд на неприветливую поверхность, девушка передёрнула плечами и отправилась к коврику. Теплее, в конце концов, будет. Отодвинуться не проблема.

И уже на грани сна и яви Мишель вновь почувствовала тёплые руки и прижавшееся

сзади тело, а затем и губы, ласково скользнувшие по шее. Стало досадно и слегка неприятно, воровка мысленно фыркнула и таки позволила сознанию соскользнуть в уютную тьму сна. Ну его, гадость хитрожопую.

Проснулась Мишель на кровати, в кои-то веки в одиночестве. Тихо вздохнула, лениво потянулась, натянув одеяло повыше и приоткрыв глаза, осмотрелась. В первую очередь в глаза бросилась тощая стопка белой одежды, предусмотрительно возложенная на другой конец огромного ложа. Воровка хмуро прищурилась и села. В комнате по-прежнему было темно, холодно и неуютно, лишь небольшой торшер у шкафа тусклыми куполом света разгонял мрак. В этот купол, размером полтора на полтора метра, как раз таки и входила половина кровати да пара дверей.

Мишель переползла на освещённую часть, ёжась от прикосновений холодной простыни, спустила ноги на пол, зябко кутаясь в одеяло. Прикрыла глаза ладонью, щурясь на торшер, вернее, на столик под ним, на глянцевой поверхности которого лежал... её фонарик?

Девушка вздрогнула, широко распахнув глаза и окончательно проснувшись, вскочила с постели и, не обращая внимание на холод ламината под ногами, подлетела к столику.

«Да, — рассеянно вертя в руках пластмассовый продолговатый предмет, констатировала воровка, — мой. Вернул, гад».

Мишель усмехнулась — весточка из прошлого. Того прошлого, где проворонить выдачу одежды казалось трагедией, конфликт с парой не особо умных девиц — смертью тысяч нервных клеток, а пальцы на запястье — личным Армагеддоном. Ндя, а прошло только три недели, что ж дальше-то будет?

Девушка оглянулась, а спустя пару минут поняла, для чего ей, собственно, выдан фонарик. В покоях (а другим словом эти хоромы назвать у воришки язык бы не повернулся) чёрного света не было. Вообще не было, ни выключателей, ни люстр, да даже банальной груши под потолком Мишель найти не удалось. Воровка тяжело вздохнула, закатила глаза, одёрнула футболку и, пританцовывая от холода, вновь оглянулась. Зато были двери.

Целых пять штук. За первой оказалось ванная необъятных размеров. За второй... кажется, это называется горячим источником, по крайней мере, вода бурлила очень достоверно. За третьей гардеробная, полная мужских шмоток. Ещё две были заперты. Мишель мысленно пообещала себе поискать спицу или что-нибудь подобное на досуге — эти замки просто оскорбляли её как очень любопытного вора. Ишь ты — воровка передёрнула плечами — запирает он что-то от неё вздумал.

— Итак, — спустя пару минут вполголоса буркнула девушка, вытирая лицо после умывания, — что мы имеем? Полный дом гадов, неопределённое количество свободного времени и минимум пять необследованных комнат. Вывод? — она широко ухмыльнулась взъерошенному отражению. — Очевиден.

Первым делом Мишель переделалась. Одеждой, к её огромному сожалению, оказалась белая вязаная туника, вязаные чулки в цвет, три тонкие полоски, чисто номинально изображающие нижнее бельё и пояс, к которому подвязками и крепились эти самые чулки. Последние две вещи вызвали особенно сильное отторжение, но скрипя зубами, девушка натянула и их. Увы, туника оказалась короткая (выше середины бедра, что для Мишель, которая и вовсе носила только штаны, являлось чем-то из раздела порнографической фантастики), а чулки лишь сантиметров на пятнадцать выше.

«Но хоть что-то, — попыталась успокоиться кипящая от злости девушка, — лифчика вон вообще нет».

Впрочем, попыталась неудачно — дикое желание стукнуть колдуна чем-нибудь тяжёлым даже и не думало исчезать. Воровка глубоко вздохнула, загоня ярость и стеснение поглубже.

Отвлечься помог сбор информации, то бишь бессовестное лазание по шкафам. А начала Мишель с логова скелета. Ну да, в потёмках ей не показалась — в шкафу действительно был гипсовый скелет, ноги-косточки упираются в нижние углы шкафа, руки — в верхние, череп, кажется, то ли прибит, то ли приклеен к верху, по самую шею завален одеждой.

— Извращенец, — тихо буркнула девушка и, подавив желание переодеться, захлопнула большую дверцу.

Передёрнула плечами и, удобнее перехватив фонарик, полезла в боковую секцию шкафа, где все шесть квадратных полочек были завалены всякой фигнёй, к коим воровка причисляла всякие резиночки-заколочки. С горем пополам отрыла железную невидимку. Довольно усмехнулась и, вооружившись самодельной «отмычкой», наугад выбрала дверь.

Возилась Мишель с замком недолго — сказывался опыт, а после, оглянувшись, осторожно повернула ручку, боязливо отворяя дверь. Узкий луч света скользнул по заваленному книгами полу, заставленному пыльными склянками стола, выхватил огромный книжный шкаф на всю стену, несколько канделябров с полусожженными свечами и небольшим круглым каменным постаментом с раскатанным по нему жёлтым пергаментом.

Именно к нему, внимательно смотря под ноги, девушка и двинулась. Трогать не решилась, но с интересом поглазела на непонятные закорючки. Чуть не поломав ноги и не навернувшись только чудом, добралась до стола, где протерев ладонью гладкую деревянную поверхность, осторожно присела полубоком, зажав фонарик между коленями.

Вдохнула чуть пыльный, затхлый воздух и робко, опасливо коснулась серебряной рукояти подушечкой указательного пальца. Холодное оружие, чей стальной блеск привлёк воровку ещё у самой двери, лежало рядом, в каких-то десяти сантиметрах, на «постаменте» в виде стопки книг. С наскака брать его в руки девушка не решилась, прекрасно помня, где находится, а вот от соблазна хотя бы полапать не удержалась.

Рукоять оказалась очень холодной и фактурной, Мишель прищурилась, склонилось ниже в попытке усмотреть хоть какую-то логику в извилистых тёмных линиях. Это оказались... руны? Воровка недоумённо потёрла лоб и перевела взгляд на широкое, клиновидной формы лезвие, в том же стиле расцарапанное. Мысленно сделала пометку: если ситуация позволит, расспросить о нём колдуна.

В сомненье прикусив нижнюю губу и опустив веки, девушка осуждающее покачала головой. Но уже спустя пару секунд распахнула полные любопытства глаза и таки потянулась к кинжалу (ну, а что? она ж пыталась быть осторожной). Он оказался неожиданно тяжёлым, воришка приглушённо ахнула, вцепившись в рукоять обеими руками. Поймала луч от фонарика на гладко отшлифованное лезвие, заморожено проследив за ровной игрой света.

— Аккуратней, цыплёнок, — раздался спокойный голос от двери, Мишель, вздрогнув, едва не выронила оружие с испугу, заполошно вскинула голову, — порежешься, заживать будет долго и больно.

Опираясь плечом о косяк, чёрный с лёгкой усмешкой разглядывал сконфузившуюся воровку. Девушка поёжилась и послушно вернула кинжал на место, хмуро уставилась на Себастиана.

— Айда сюда, — поманил её тот рукой, но, не видя реакции, снисходительно добавил:

— Я не буду ругаться и тащить тебя в постель против воли, обещаю. Мы просто поговорим, проясним ситуацию.

И Мишель заколебалась, медленно сползла со стола, одёрнула тунику, не отрывая взгляда от чёрного. Было как-то страшновато, но и стоять на месте — верх идиотизма.

— Кто тебя знает, — тихо проворчала, таки делая шаг вперёд. — Ну и бардак, — девушка запнулась, с трудом удерживая равновесие, — жу-у-уть.

— Как-нибудь поможешь прибраться, — со смешком пообещал Себастиан, ласково погладив кое-как добравшуюся до него воровку по чёрной макушке.

Прикосновение было мягкое, тёплое, почти приятное, но где-то внутри эхом отзывающееся предчувствием беды и тревоги. Мишель поёжилась и, увернувшись, запрокинула голову:

— Ты хотел что-то сказать? — в её голосе поневоле проскользнули нервные нотки.

— Угу, пошли, — колдун, развернувшись, прошёл до кровати, где, плюхнувшись на покрывало и скрестив лодыжки, поманил нерешительно замершую на полпути девушку. — Ну, неужели боишься, цыплёнок? — провокационно усмехнулся, ехидно прищурился.

— Ещё нет, — совсем не так уверенно, как хотелось бы, отозвалась воришка.

Испуганно подпрыгнула, когда сзади захлопнулась дверь кабинета. Щёлкнул замок. Поёжилась, оглянувшись, шёпотом спросила:

— Это ты, да?

— Конечно, — приглашающее похлопав рядом с собой, чёрный тонко улыбнулся.

Мишель, сглотнув, медленно приблизилась, напряжённо присела на расстоянии полуметра боком, одну ногу подобрав под себя, вторую оставив свешиваться с края. С досадой придержала так и норовившую задрагаться по самое не балуй тунику. Близость колдуна её определённо волновала, если не сказать пугала, а ещё смущала и очень напрягала. Девушка банально не знала чего от него ждать, а ещё дулась, да.

— Ты можешь дать мне нормальную одежду? — неприязненно буркнула Мишель, чтобы хоть как-то разорвать неловкое молчание, коротко покосилась на него из-под нависших на лицо прядей.

— А чем эта плоха? По-моему, ты просто очаровательна, — Себастиан усмехнулся, по достоинству оценив закрытую позу подопечной, — чертёнок.

— Мы ведь покупали и брюки, — девушка отвела глаза, поёжилась под пристальным взглядом.

— Ну да, — чёрный скопировал позу воровки, внезапно серьёзно, в полуприказной форме сказал, — Мишель, тебе придётся посидеть здесь пару дней, пока я всех не выгоню.

— Здесь? — воровка, вздрогнув, зажато отвела пальцами волосы с лица, кисло осмотрела комнату, остановив, в конце концов, взгляд на колдуне.

— Да, цыплёнок, — Себастиан почти сочувственно улыбнулся, — сюда они по любому не сунутся. И, пожалуйста, не лазь больше в кабинет, ладно?

Девушка сразу же надулась, ибо её, кажется, лишили единственного развлечения. С некоторой обидой в голосе спросила:

— Почему?

— Там много чего валяется, — медленно и вкрадчиво, как ребёнку, пояснил колдун, — и я не уверен, что для тебя это безопасно. Тот же кинжал, — он пожал плечами, наклонившись, поймал взгляд Мишель, — позже я обязательно тебе всё покажу и расскажу, а также проведу подробнейшую экскурсию по участку и познакомлю с прислугой. Только

потерпи.

— Угу. Ты обещал научить меня пользоваться даром, — прикусив губу и чуть отклонившись назад, напомнила Мишель.

— И в самое ближайшее время, скажем, завтра вечером. Я принесу тебе ноутбук, интернет здесь, конечно, не ловит, но пара игрушек есть — скоротать время самое то. Ничего, кстати, не болит?

— Нет, — покраснев и отведя взгляд, зло буркнула вмиг помрачневшая воровка, — только слабость.

Упоминание о вчерашнем больно резануло её по нервам, вновь затопил стыд и неприязнь. Чёрный только вздохнул и, покачав головой, быстро придвинулся ближе, перетащил испуганную, шарахнувшуюся назад Мишель к себе на колени. Девушка надулась и, всё также пряча глаза, упёрлась руками в грудь колдуна. Внутри как-то непонятно бухнуло у желудка, сердце забилося с удвоенной силой, кончики пальцев взволнованно задрожали. Дёргаться Мишель не стала, справедливо полагая, что силёнок у неё для серьёзного сопротивления ещё нет и пока не предвидится, а трепыхаться — только злить.

— Рано или поздно нам придётся об этом поговорить, — Себастиан бережно убрал упавшую на глаза воровке смоляную прядь, заглянул в затравленные синие глаза, — Мишель, ты ведь уже не ребёнок...

— Теперь уж точно! — не удержалась от редкой реплики воровка.

— ... и за любой поступок ответственность понесёшь сама. Нет, не пыхти так зло, я не угрожаю, просто предупреждаю. Ты сейчас с удовольствием вернула бы время на месяц назад, да? — фырканье, согласный кивок. — И я не самое худшее, что может случиться в твоей жизни. Будь благоразумна, я не буду принуждать тебя к чему-либо, унижать и тому подобное. Также не буду врать, что наша связь необратима, но скажу честно — до этих знаний тебе ещё пахать и пахать, так что это надолго.

— Насколько? — Мишель прекратила упираться и послушно села, и хотя безоговорочно верить колдуну она не могла, его заверения её всё же немного успокоили.

Третий вариант? Призрачная надежда однажды от него избавиться? Девушка поёрзала, подавив желание ближе придвинуться к чёрному — тёплый, зараза. А ещё сильный, уже привычный, хотя и вредный. Мишель мысленно вздохнула, и хотя внутри ещё гремело цепями желание свободы, она достаточно набегалась, чтобы не ценить дом. К тому же, похоже, она начинает мириться с присутствием колдуна рядом. Нет, напакостить ему в любом случае надо будет, но, пожалуй, не так уж он и плох. В родичей девушка, по мере размышлений, верила всё меньше и меньше, хотя и продолжала надеяться. И дело не столько в словах Себастиана, сколько в смутных воспоминаниях из детства — бабушка была умной женщиной и так просто бегать бы не стала.

— Десятилетие, а то и столетие, — воровка окончательно скисла. — Ты когда-нибудь была во Франции? Родине твоего имени? — внезапно сменил тему и тон чёрный.

— Нет, откуда бы мне это? — девушка, раздражённо закатив глаза, с подозрением прищурилась, удивлённо приподняв брови. — Пытаешься меня подкупить?

— Угу, получается? — колдун игриво улыбнулся, ласково погладил воровку по спине.

— Не особо, — из чистой вредности буркнула Мишель, поведя лопатками.

Себастиан усмехнулся, покачал головой:

— Ну и дитя. Есть хочешь?

— Угу, — как по заказу в животе девушки заурчало.

Она покраснела и неловко свалилась с коленей разжавшего руки чёрного, судорожно отёрнула вновь задрывшуюся тунику. Смущённо фыркнула, слегка ёжась от холода, буркнула в сторону, пряча красную мордашку:

— Точно не будешь... трогать?

— Не буду, — колдун мягко улыбнулся, вновь скользнул ладонью по макушке девушки, — цыплёнок, я не хочу тебе зла и всеми силами постараюсь стать если не другом, то хотя бы приятелем. Только прошу тебя, не пропускай мои слова мимо ушей, ладно?

Мишель облизнула губы, задумчиво сжала пальцами одеяло. Кивнула, про себя подумав, что слушать — это одно дело, а подчиняться и принимать на веру — другое.

Себастиан мысленно улыбнулся и мягко свёл на нет липкую паутину контроля поверх ауры своего неопытного цыплёнка. Пожалуй, хватит, девочка умная, догадается. Тем более — своей цели он в некоторой степени уже добился.

Скучно не было; скрестив ноги да устроив ноутбук на высокой подушке, девушка мочила зло. Нет, не так, Великое Зло. Мочила посредством брутальной тёмной эльфийки, неправдоподобно легко размахивающей двумя огромными мечами. Очень дорогими и крутыми, кстати.

Расшатанные за ночь мерзким чёрным нервы потихоньку восстанавливались, и к моменту, когда некромант был загнан в ловушку, Мишель была абсолютно спокойна и сосредоточена. Ещё бы, ведь иначе её загрызли бы ещё в склепе.

Правда, тут же вновь была выведена из равновесия, ибо уже пришипленный к стене враг принял последнюю, отчаянную попытку спастись, заведя пространственный монолог о доле своей злодейской. Мишель едва не всплакнула — она всегда больше симпатизировала злодеям — и со вздохом сожаления снесла голову харизматичному некроманту.

Что ж поделаться, добро бескомпромиссно и беспощадно. Особенно в лице тёмной эльфийки О`Ринуэль.

Концовка не порадовала. Очень. Зачем герою Войны Теней, то бишь О`Ринуэль, какой-то хлюпик-паладин? Вот так всегда. Воровка раздражённо фыркнула, подвиги кончились, начался быт. Мысли Мишель плавно соскользнули со злодея рисованного на злодея реального.

У Себастиана оказалась отвратительная привычка лезть обниматься во сне, и это притом, что накануне он сам, торжественно, с усмешкой в золотых глазах, возложил между ними подушку. На ковёр, вопреки возмущённым воплям: «Почему я должна с тобой спать?!», Мишель не пустили и, ласково уронив на пушистое покрывало, выдали недавно купленную пижаму. Подушка не спасла — уже через два часа отчаянно крутящаяся воровка оказалась в капкане из тёплых рук, слава Ктулху, одетого в пижамные штаны колдуна.

В прошлый раз девушка как-то не заострила внимание — каково это, лежать в чьих-то объятьях. А если конкретнее — в объятьях вредного чёрного. Оказалось нормально, дико, непривычно, но не противно, а ещё тепло, хотя сам мужчина, кажется, мёрз. Иначе чего это ему так прижиматься к ней? Да так, что Мишель имела сомнительное с её точки зрения удовольствие слышать мерный стук сердца под ухом. Конечно, пару раз воровка взбрыкнулась, но после того, как её ещё сильнее прижали, затихла, решив не будить колдуна... от греха подальше. А через час и сама, окончательно разомлев в тепле, задремала.

Проснувшись девушка в одиночестве, вторая половина постели уже безнадежно остыла, из чего Мишель сделала вывод, что колдун ушёл давно. Воровка глубоко, с досадой вздохнула — а она и не заметила, с её-то чутким, натренированным интернатом сном. Причём уже не в первый раз.

На соседней подушке уже лежал чёрный ноутбук, подключённый к электричеству где-то под кроватью и стопка тёплой одежды. Завтрак, как и записку «С добрым утром, засоня. Буду к ужину. Обед принесёт Яна», воровка обнаружила рядом, на тумбочке. Фыркнула и, быстро умяв кашу, засела за компьютер, по результатам обследования оказавшийся полным всякоразными игрушками, в которые, судя по сохранениям, периодически играли. Время за незамысловатой стратегией пролетело быстро. Очнувшись девушка только тогда, когда на экране появились субтитры.

Мишель уронила голову на сложенные руки, облегчённо перевела дыхание, глаза с

непривычки жгло, тело затекло от долгого лежания в одной позе, а кончики пальцев немного саднило. В целом, безвозвратно просранным днём воришка осталась очень довольна.

На то, чтобы заскучать, у Мишель ушло совсем немного времени. В монитор она смотреть уже не могла, так что...

Девушка, морщась, опустилась на колени, наклонилась, распушенными прядями касаясь пола. Довольно усмехнулась, свободной рукой подцепила край старой желтоватой тряпки и, вытащив перевязанную стопку из-под кровати, удовлетворённо плюхнулась на попу.

Это были картины. Самые разные — от портретов до пейзажей, написанные акварелью, маслом, пастелью, мелками. Объединяла всё это разнообразие лишь размашистая подпись в правом нижнем углу. В основном преобладали натюрморты: увядшие цветы в незамысловатой вазе, фарфоровая посуда на одеяле, пара старых кукол, корзина яблок на фоне опавших, по-осеннему ярких листьев.

Мазки в большинстве своём мягкие, краски приглушённые и тёплые. Мишель обвела пальчиком большой, розовато-персиковый бутон на особо понравившейся работе. Выполнена она была маслом, но как-то очень детально и аккуратно, создавая иллюзию фотографии: три тоненькие веточки с тремя огромными, немного увядшими и подсохшими бутонами, маленькими листочками и колючками на стебельках в тонкой, прозрачной вазе. Воровка уже не раз видела подобные цветы, но как они называются, узнать так и не удосужилась. О чём сейчас, кстати, очень жалела.

— И сюда добралась? — внезапно раздался сзади голос чёрного.

Девушка испуганно вздрогнула, не подпрыгнув только потому, что сидела, заполошно оглянулась и угрюмо надулась, взглядом спросив: «А что, нельзя?».

— Да почему, — меланхолично пожал плечам Себастиан, усаживаясь рядом, — можно.

— Ты рисовал? — деланно равнодушно поинтересовалась Мишель, прохладно покосившись на него.

— Угу, был и такой период лет пятнадцать назад, — колдун потянулся к стопке, наугад вынул картину где-то из середины, при этом свалив половину полотен на пол.

Девушка поморщилась, с любопытством заглянула ему в руки. Это был портрет: мужчина, лет пятидесяти, в пальто и шляпе, кажется, на автобусной остановке, позади толпятся размытые женские силуэты, моросит лёгкий дождь. Холодно, как-то уныло и безысходно.

— Кто это? — с любопытством спросила воровка, вытянув шею.

— М? Не помню, скорее всего, простой прохожий, — колдун усмехнулся, пожал плечами, перевёл взгляд на неё. — У меня была затяжная депрессия, я рисовал всё, что видел.

— Видно, — ещё раз скользнула взглядом по картине Мишель, ткнула пальцем в так понравившийся ей натюрморт, привлекая к нему внимание чёрного, — а это что за цветы?

— Розы, цыплёнок, — Себастиан тихо рассмеялся, несколько удивлённо приподнял брови, — неужели никогда не видела роз?

— Видела, — воровка немного смущённо фыркнула, — но какие-то они непохожие.

— Сорт такой, Пол'с Скарлет Клаймбер, в саду растут. Ты должна была мимо них проходить.

— Мне было как-то не до разглядываний, — мрачно буркнула Мишель, пристыжено пряча глаза.

— Ну да темно, холодно и стра-а-ашно, — глумливо протянул Себастиан, усмехаясь.

— А если серьёзно, то они поздние, пара бутонов обычно до конца октября остаётся. Будешь хорошо себя вести, на неделе выгуляю на свежем воздухе.

— Чиха-хуа себе заведи и выгуливай, — воришка оскорблено фыркнула и, заправив за ухо выбившиеся их низкого хвоста пряди, спросила:

— А откуда дырка в заборе?

Этот вопрос с самого начала не давал ей покоя — слишком нелогично это было со стороны довольно предусмотрительного колдуна, «не заметили» она даже не рассматривала.

— М-м... — чёрный провёл подушечкой указательного пальца по губам, хитро улыбнулся, — как-то мне сказали, что мой особняк слишком неприступен.

— И ты решил это исправить? — девушка удивлённо округлила глаза.

— Ну да, было скучно. Для простых людей была сделана дырка в заборе, для одарённых, неважно, природно или искусственно, в охранном контуре. С твоим появлением, я, конечно, всё исправил, — поспешно добавил Себастиан, заметив заинтересованный огонёк в синих глазах напротив.

— Ндя, — несколько разочарованно отозвалась Мишель, задумчиво повертела натюрморт с «непохожими» розами в руках. — А почему я прошла без проблем? Ведь дырку в охранному контуре, также как и дырку в заборе сначала нужно было найти. А я...

— Ничего не знаешь, — расслабленно закончил за неё колдун. — Он был отключён. И да, Мишель, — он протянув руку, скользнул большим пальцем по скуле недовольно покосившейся на его ладонь девушки, — никогда больше не режь руки в незнакомом лесу.

— Мы не знали, что ты дома, — досадливо буркнула воровка, отклоняясь.

— Даже если бы и не был, потом бы выследил.

— Да? А медальон? — удивилась Мишель, коснувшись лунного камушка на шее.

— Значительно усложнил бы задачу, но у меня была бы твоя кровь. Так что, не подставляйся более понапрасну, цыплёнок.

— Понятно, — поджала губы девушка, опуская руку. — Не буду.

— А... кстати, чего на холодном полу сидишь? Вставай, давай, — внезапно сменив тему и тряхнув головой, Себастиан гибко поднялся на ноги, приглашающе протянул ладонь замешкавшейся воровке, нетерпеливо пошевелил пальцами. — Ну, чего ты в эту картинку вцепилась? — чёрный недоумённо выгнув бровь, присел на корточки, тепло усмехнулся. — Так понравилась?

— Угу, — коротко угукнула Мишель, низко наклонив голову, тем самым пряча порозовевшие щёки за упавшими на лицо прядями.

— Хм, — немного смущённо замялся Себастиан, едва заметно улыбнулся, — но почему именно она? Почему не что-нибудь повеселее?

— А у тебя и такое есть? — воришка насмешливо скривила полные губы, покосившись на его ноги.

— Да было парочка, — колдун задумчиво посмотрел на поваленную стопку.

— Не люблю лето, — припомнила «повеселее» и девушка, — и яблоки не люблю. А кукол после ужастиков на ночь так вообще не переносю.

— Ути, кто бы мог подумать, что ты такая пугливая, — захихикал под испепеляющим взглядом чёрный, — забирай эту, хотя, по мне, она получилась не очень удачно. А теперь давай вставай, заболеешь ещё.

На этот раз Мишель встала и даже приняла протянутую ладонь. Тем более ноги слегка

затекли. Картину из рук она так и не выпустила.

— Я — рукожоп, — уже жалея, что вообще открыла рот, буркнула воровка, — так что для меня это что-то из области фантастики.

И густо покраснела, поняв, что это прозвучало, как комплемент. Чем — чего уж таить — в сущности и являлось. Что уж поделать, колдун действительно имел наглость иметь таланты. «Но то, что он — гадость, это не отменяет» — мысленно напомнила себе Мишель.

— Спасибо, цыплёнок, — Себастиан тепло улыбнулся и резко перевёл тему, перестав вгонять подопечную в краску. — Яблоки тебе не нравятся, а что нравится?

— Гранат, виноград, — девушка, немного расслабившись, когда скользкий разговор минул, аккуратно отвела закрывающие обзор волосы, боязливо подняла на чёрного глаза.

А тот проказливо усмехнувшись, игриво зарифмовал:

— Шпинат?

— Пф, гадость! — Мишель фыркнула, дёрнула плечом и направилась к кровати.

Где плюхнувшись на покрывало и прижав к груди свою прелес-с-сть, ехидно поинтересовалась:

— Чего столбом стоишь? Где мой ужин?

Спать ложились снова вместе, правда, до момента, когда чёрный вновь полез обниматься, Мишель не продержалась. Утомлённое семью часами игры и новыми впечатлениями, сознание отключилось, стоило только черноволосой головке коснуться подушки.

Себастиан задумчиво хмыкнул и, отключив торшер, без лишних прелюдий сгрёб своего маленького хранителя в охапку. Пф, ишь чего удумала: в его постели, да без него?! Так-то в руки дастся ещё не скоро, а тут такой шанс немного потискать да погреться.

Мишель поморщившись, недовольно вздохнула, зарываясь лицом глубже в подушку. Просыпаться жутко не хотелось, но, поцеплявшись за зыбкую полудрёму с полчаса, девушка со вздохом поражения отрыла глаза... Особой разницы, правда, всё равно не заметила. Темень в комнате стояла непроглядная.

Чёрный опять прижался сзади, обхватив воровку под грудью тёплой рукой. Мишель недовольно фыркнула, попыталась скинуть неудобную конечность, но, попыхтев пару минут, сдалась — колдун, з-сараза, вновь вцепился, как в родное. Более того, в ходе «боевых действий» выяснилось, что спят-то они ещё и под одним одеялом.

— Гад, — в бессильной злобе прошипела воровка и, поворочавшись ещё немного, перевернулась на спину.

Раздражено вперила взгляд в потолок. И только сейчас заметила, что в спальне не просто темень, а полноценно непроглядный мрак, тяжёлый и пугающе густой. Девушка поёжилась — не то, чтобы она боялась темноты, но в интернате в их спальне всегда горел ночник. Пожалуй, Мишель глубоко вздохнула, чувствуя непривычную, но довольно-таки приятную тяжесть на рёбрах — чёрный не так уж и плох. Только раздражает, манипулятор чёртов.

Остаток ночи прошёл смутно. Ещё часа два воровка крутилась и только потом задремала, носом уткнувшись в грудь Себастьяна.

Утро началось рано, полностью выспавшаяся Мишель вновь проснулась раньше чёрного, в крепком кольце его рук. Это начинало подбешивать. Воровка вздохнула, кое-как дотянувшись до торшера, включила свет и, подслеповато щурясь, открыла так и не

выключенный на ночь ноутбук. Семь тридцать семь.

Пора вставать. Девушка вновь вздохнула, закатила глаза и, тихо ругаясь, попыталась выбраться.

— Чего пинаешься, цыплёнок? — сонно пробормотал Себастиан, притягивая чуть откатившуюся Мишель ближе, уютно уткнулся носом в чёрную макушку.

— Отпусти, — разочарованно простонав, воровка упёрлась ладонью в руку чёрного, — чего вцепился, как в родное?!

— А мы с тобою сейчас породнее некоторых супругов, — философски заметил колдун, зевая.

— Мне в туалет надо, отпусти.

— Ну, иди, — недовольно фыркнул и нехотя ослабил объятие.

Воровка тут же радостно сбросила расслабленную руку со своей талии, живо вскочила с кровати, с удовольствием потянулась. И нащупав на тумбочке фонарик, с досадой бросила Себастиану:

— Мог бы и свет провести.

— Ну что, как насчёт парочки необременительных знакомств? — чёрный, весело скалясь, одёрнул жёлтую водолазку.

— М-м? — девушка с мрачной опаской покосилась на мужчину.

С бледных щёк последние полчаса не сходил румянец — колдун, совершенно не стесняясь, расхаживал перед воровкой в одних трусах, потягиваясь и неспешно одеваясь. Мишель на провокатора старалась не смотреть, но нет-нет да и скользил взгляд в сторону высокой, жилистой фигуры. И всё-таки Себастиан оказался красив, даже в своей излюбленной цветовой гамме... зар-раза, особенно после того, как сбросил с пару десятков лет за её счёт! А на боку темнела татуировка.

Дракон. Чёрный, объёмный, из сотни мелких замысловатых линий. Острая зубастая морда которого упиралась колдуну прямо в правое нижнее ребро, когтистая передняя лапа — в печень, нижняя левая — в тазобедренную кость, вторая передняя лапа с удобством уместилась между лопаток, а нижняя правая с хвостом скрывалась под коричневыми боксёрами. В полумраке спальни более детально девушка рассмотреть не смогла, а попросить подойти ближе постеснялась. Впрочем, воровка очень сомневалась, что шанса поглазеть на голого (а продолжение-то было на заднице) колдуна у неё больше не будет.

— Мише-ель, — позвал Себастиан, щёлкая пальцами перед лицом уставившейся в пустоту воровки.

— А? — Мишель растерянно моргнула и, увидев предмет своих мыслей так близко, почти не отдавая отчёт о своих действиях, придвинулась ближе, бесцеремонно задрала мягкую вязаную водолазку и восхищённо ахнула: — красиво.

Дракон действительно состоял из тысяч мелких, тонких закорючек, в основном — объёмных спиралей, имитирующих чешую. Девушка зачарованно очертила указательным пальцем бока татуировки и, немного придя в себя от ощущения чужой горячей кожи, смутилась, покраснев. Она мигом одёрнула руку, пристыжено отвела взгляд.

— Сделал в двухтысячном, — улыбаясь, сказал колдун и, чуть склонившись, поощрительно погладил воришку по голове.

На что та, покраснев ещё сильнее, вяло увернулась, вжав голову в плечи.

— Дай угадаю. Стало скучно? — кое-как выдавила Мишель, одним рывком вернув задранную водолазку чёрного на место.

Она тут же отвернулась, мысленно костеря себе на все лады. Дыхание девушки немного сбилось, щёки горели от прилившей к ним крови, пальцы покалывало, и самое главное — она никак не могла понять, почему у неё такая острая реакция? На Себастиана. Конкретно на Себастиана. Ибо раньше она за собою такой стеснительности не замечала.

— Ну да. Так что там со знакомствами? — сменил тему колдун, присаживаясь рядом.

— А у меня есть выбор? — коротко покосилась на него Мишель из-под ресниц и, только чтобы чем-то занять руки, разбудила заснувший ноутбук.

— Колючка, — фыркнул чёрный, легко обняв напрягшуюся подопечную, и нежно шепнул на маленькое ушко, — нет.

Воровка вздрогнула, поёжилась, краснея по самую шею. Глубоко вздохнула, пытаясь успокоить подскочившее к горлу сердце. Близость Себастиана ощущалась как никогда остро: согревающим дыханием по шее, обжигающим теплом, обволакивающим тело со спины,

терпко-сладким запахом, облаком окутавшим их двоих. Для того, чтобы придать себе хотя бы видимость спокойствия, у воровки ушло с полминуты.

— От... пусти, — голос девушки прозвучал хоть и слегка придушенно, хрипло, но достаточно уверенно, — бесишь, — доверительно сообщила она, сбрасывая руки с талии, поспешно соскочила с кровати, не поднимая на колдуна глаз, утрюмо буркнула, — пошли, раньше сядешь, раньше выйдешь.

— Ути, мой бесстрашный цыплёнок, — умилился чёрный, поднимаясь следом.

Мишель передёрнула плечами, одёрнула юбку и, не оглядываясь, поспешила к выходу из комнаты. Щёки всё так же грели, а внутри все поддрагивало от волнения и смущения.

Всё нормально, она просто не привыкла, ей просто нужно немного времени.

— Ну и с кем ты собрался меня знакомить? — воровка почти бежала за колдуном, активно вертя головой и тихо фыркая на очередную особо вычурную вазочку или картинку.

Впечатления от обстановки нового дома быстро вытеснили всякое смущение, а с ним и ложную робость. Напротив, Мишель то и дело приходилось прикусывать язык, удерживая очередную гадость, готовую слететь с губ. Хотелось уколоть побольнее, отомстить за все причинённые неприятности и утреннюю провокацию в частности.

— Помедленней! Я не ус...певаю, — прерывисто возмутилась воровка, глотая ртом воздух, и едва слышно добавила, фыркнув: — буржуй проклятый.

— О, извини, — Себастиан замедлился, дождался, пока немного запыхавшаяся девушка поравняется с ним, — я не очень пунктуален, и как-то привык, что везде опаздываю... нищеврод ты мой маленький, — с ехидным оскалом вернул шпильку.

— А я пунктуальна, — с львиной долей злорадства сообщила Мишель, упрямо повторила вопрос, — так с кем?

— Думаю, я могу назвать их друзьями... — чёрный неуверенно умолк, пожал плечами и, ухмыльнувшись, добавил, — в определённой степени.

— Они были на ритуале, да? — полуутвердительно спросила воровка, мрачно поджимая губы.

— Были, — легко согласился колдун и недоумённо покосился, — я не понимаю, Мишель. Мне кажется, что тебя коробит по большей части не сам секс, сколько его... публичность.

— Тебе правильно кажется, ненавижу выставлять на всеобщее обозрение личное, особенно такое, как лишение девственности! — рявкнула девушка, обгоняя колдуна на два шага.

Бледные щёки вновь окрасил румянец. Колдун устало вздохнул и поспешно догнал подопечную. Ох уж эти девочки.

— Постой, Мишель, — Себастиан положил ладонь на острое плечико и остановился, придерживая напряжённую, словно пружина, Мишель, — выбора не было. Да и не так уж много они увидели, не до того было. Успокойся, — обошёл неподвижно стоящую воровку, хитро улыбнулся, чуть склонившись и проникновенно заглянув в ледяные синие глаза, — больше я не позволю никому разделить и секунду нашей страсти.

— Сколько вас было, — стойко проигнорировав провокацию, холодно спросила девушка, прищурившись, — около десятка, да?

— Тринадцать, — не стал скрывать колдун.

— Зашибись, — зло вздохнула Мишель и, повернув голову к окну, немного нервно заговорила, — я знала... что вряд ли первый раз будет добровольно. В любом случае, я

надеялась... что он будет один и... наедине. У нас редко кто остаётся «непорченным» до моего возраста... уж если слишком боевые или страшные. Я была нелюдима и тиха, нигде не числилась, ни в чём не учувствовала, ни с кем не дружила, но и на меня обратили внимание...

— И ты сбежала, — утвердительно сказал колдун, обнимая своего маленького хранителя за подрагивающие плечики и уткнувшись носом в чёрную макушку, — чудо ты моё, так надо было. Я не буду требовать от тебя то, что тебе противно. Но и замкнуться не позволю, я всегда буду рядом, не предам и не брошу. Привыкай, цыплёнок.

— Пф, тоже мне, — глухо буркнула девушка, прикусив нижнюю губу и быстро смагивая слёзы, — нашёлся великий манипулятор.

И, с трудом приподняв уголки губ, Мишель всё-таки всхлипнула и нерешительно обняла Себастиана за талию, уткнувшись лбом ему в грудь. Чёрный невесело усмехнулся, крепко обнял подопечную в ответ и погладил по подрагивающей спинке. Говорить ничего не стал — она сейчас в таком состоянии, когда всё принимает в штыки, а вот на прикосновения реагирует чутко, немного испуганно, но со временем привыкнет, начнёт отзываться. Стоит лишь подождать и немного, очень осторожно, приласкать. Спустя пару минут цыплёнок затих, тяжело дыша и комкая в пальцах его водолазку, внезапно фыркнул и нервно хихикнул:

— Чем же от тебя пахнет, а?

— Гелем для душа? — неуверенно предположил чёрный, пожимая плечами.

— Ага, — вновь хихикнув, приглушённо согласилась Мишель и, ехидно подражая рекламе, пропела: — о, Пальмолив, мой нежный гель!

Себастиан усмехнулся, погладил девушку по спине обоими ладонями, остановившись на боках. Воровка поёжилась и, вытерев глаза, немного смущённо подняла голову. Ей стало стыдно за свою непредвиденную слабость. Колдун улыбался, легко и совсем не обидно.

— Маленькая язва, — напоследок чмокнув в лоб, он отстранился, оставив одну ладонь на талии девушки, и лукаво прищурился: — а меня тоже будут касаться твои собственнические замашки?

Обстановка тут же разрядилась, вернувшись в привычное русло. Мишель фыркнула, сбросила его руку с себя и отошла на пару шагов.

— Размечтался, — девушка гордо вздёрнула нос, — тебя хоть на торги... гольшом, — на последнем слове внутри что-то неприятно царапнуло.

Девушка мысленно поморщилась — вопреки словам, чёрный медленно начинал заползать в категорию «моё». А своим делиться она не любила. Никогда и никак.

— О, кто бы мог подумать, что в тебе сидит маленький работороговец! — колдун, широко улыбаясь, едва не хлопал в ладоши от преувеличенной радости.

— Он соседствует с тёмным властелином и девочкой из "Звонка", — иронично выгнув бровь, буркнула воровка и неловко пожала плечами, — пошли уже, умник.

«Друзья» ждали в уже знакомой Мишель библиотеке. Себастиан по-хозяйски распахнул дверь, неспешно прошествовал к трёхместному дивану, что стоял чуть поодаль уже знакомых воровке кресел. Девушка уместилась рядом, ёжась под двумя пристальными взглядами.

— Какая девочка! Где ж ты её нашёл, а, Сёба? — немного манерно протянул нагло лыбящийся брюнет в кресле слева. Воровке он не понравился с первого взгляда.

— Знакомься, Мишель, это Кайл, — чёрный насмешливо фыркнул, — а Несмеяна рядом — Михаил.

Девушка перевела взгляд на «Несмеяну». Мужчина лет тридцати, худой, со строгими резким чертами лица, тонкими, скривлёнными в снисходительной усмешке губами и тёмным глазами. Бледен, черноволос, толстая косища, перекинутая через плечо и достигающая пояса, в руках книга. Смотрит пристально, оценивающе, будто рентгеном просвечивает. Полная противоположность Кайла.

Тот хоть и пялится пристально, совершенно не стесняясь, да органы взглядом не пересчитывает. И выглядит совсем иначе: чёрные волнистые волосы едва достигают плеч, большие, миндалевидные глазищи хитро сощурены, полные бледно-розовые губы слегка изогнуты в ехидной ухмылке. В руках дорогой «яблочный» планшет с открытой игрушкой. Красивый, наглый, энергичный, вечно молодой, избалованный мальчишка, завидевший интересную букашку.

Воровка поёжилась и придвинулась ближе к своему колдуну — кто знает, может он зло и не самое меньшее, но определённо самое знакомое и почти уже родное. А ещё тёпленький и пахнет вкусно, да.

— Ещё раз назовёшь меня Сёбой, шею сверну, — блаженно улыбнулся Себастиан, приобнимая девушку за плечи. Уворачиваться, вопреки обычному, она не стала — напротив, прижалась ещё ближе, настороженно сверкая глазами в сторону «друзей».

— Злю-юка, — противно пискляво, явно спародировав кого-то, протянул Кайл.

— Шут, — холодно отозвался Михаил, быстро, но очень холодно на него глянув, — не боишься, Себастиан, проблем от её родичей?

— Не особо, — чёрный легкомысленно пожал плечами, — если Мишель отречётся от родства, они потеряют на неё всякое право.

Девушка недоумённо приподняла брови, задумчиво скосила на него глаза, взглядом пообещав допрос с пристрастием. Чёрный этот взгляд стойко проигнорировал.

— Запугал, значит, — спокойно констатировал «Несмеян», — ну что ж, тебе крупно повезло.

— Я знаю, — Себастиан легко согласился и вредно улыбнулся: — завидно, да?

— Ты не меняешься, — Михаил закатил глаза, — тот же, что и столетие назад.

— Пф, — колдун закатил глаза и смешливо фыркнул, — Кайл, огрей меня чем-нибудь тяжелым по башке, если я стану такой же унылой какашкой, как этот, — кивок на презрительно приподнявшего бровь «Несмеяна».

— Да с удовольствием, — с энтузиазмом откликнулся Кайл, взглядом подыскивая предмет «потяжелее», — могу прям сейчас, чисто для профилактики.

— Только если взаимно, мой милый друг, — просиял улыбкой Себастиан, — кстати.

И заговорил на какой-то тарабарщине, воровка задрала голову, взглядом выразив, что думает о его знании иностранных языков и неуместном их употреблении. Последующие полчаса прошли вполне мирно. Мишель, не понимая ни слова из оживлённой беседы, со скуки пересчитала все четыреста тридцать две полки в тридцати двух стеллажах, в наимельчайших подробностях рассмотрела библиотеку, рассчитала потребление камином дров на ближайшие три часа — и всё это не вставая с дивана — ибо было как-то страшно.

Трижды Кайл импульсивно вскакивал с кресла, нарезая перед камином круги, дважды, язвительно усмехаясь, повышал голос Михаил, и только её чёрный улыбался, как дурачок. Всё кончилось внезапно, просто в какой-то момент, в очередной раз вскочивший Кайл наткнулся взглядом на украдкой зевающую Мишель.

— Сёба, твоей девочке скучно! — хищно улыбаясь, громко заявил Кайл, едва ли

пальцем в неё тыча.

Девушка съёжилась, а её синие глаза испуганно расширились. Колдун молча, всё так же блаженно полуулыбаясь, быстро подхватил со стоящего рядом столика толстый томик и швырнул в едва увернувшегося брюнета.

— Зар-раза, я же о тебе беспокоюсь, — плавно ступая, Кайл подошёл к дивану, откровенно забавляясь реакцией Мишель, чьи глаза с каждым шагом становились всё испуганнее.

Он плюхнулся на обитое кожей сиденье в десятке сантиметров от них, и воровка с тихим писком шарахнулась вбок, плотнее прижавшись к Себастиану. Он, конечно, тоже падла, но своя же!

— Ути, какой котёнок, — умилился Кайл, потянувшись рукой к лицу девушки.

И сразу же получил по ручонкам, чёрный ловко перетащил подопечную себе на колени, по-собственнически обняв. Воровка едва подавила облегчённый вздох.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Не твоё — не трогай.

— Ндя, и в тебе собственник проснулся, — Кайл разочарованно вздохнул, откинувшись спиной на спинку. Игриво подмигнул настороженно следящей за ним Мишель.

— Кстати, о собственности, — Себастиан прижался щекой к макушке девушки и из полуприкрытых век ехидно глянул на собеседника, — вам на маршрутку одолжить, дармоеды?

— Ну, дай потрогать, — капризно потянул Кайл, подаваясь вперёд и настойчиво протягивая руку, — дай! Ты такую защиту на неё повесил, что мне совсем ничего не видно!

— И вы уберётесь? — выгнув бровь, чёрный по очереди смерил взглядом друзей.

Кайл кивнул с готовностью и нетерпением. Михаил выждал эффектную паузу, отложил книгу и чуть склонил голову влево, едва заметно обозначив своё согласие. А вот Мишель кольнула досада и злость — похоже, только что всё решили за неё. Гад!

— Мише-ель, лапку, — колдун обхватил левую ладонь девушки и, дождавшись от неё напряжённого, вынужденного кивка, протянул обе руки к Кайлу.

Тот же довольно усмехнулся и коснулся центра маленькой ладони кончиками пальцев. Мишель передёрнуло. По коже медленно пополз холод, противный и липкий, который вскоре достиг солнечного сплетения, где «благополучно» остановился. Мгновения тянулись вечность, и девушка, чтобы хоть как-то отвлечься, начала отсчитывать про себя секунды. На второй минуте экзекуции воровка таки не выдержала, тело начинало потряхивать от холода, зубы сводило от неправильности и гадости происходящего, поэтому, собрав последние силы, девушка разорвала обвившие дар тёмные нити. С тихим треском мерзкие канаты лопнули, растворившись дрожью в теле. Она облегчённо вздохнула, когда холод отступил, как сквозь вату услышала знакомый голос с мимолётно проскользнувшими нотками восхищения и тайной зависти:

— Сильна, действительно сильна... вкус какой-то знакомый.

— Дай-ка мне, — руку вновь перехватили. Девушка испуганно вздрогнула и попыталась вырвать ладонь, — щц-щ, не бойся, я буду аккуратней.

Воровка, проморгавшись, подняла голову, встретилась взглядом с тёмно-кариими глазами напротив, убийственно спокойными и уверенными, перевела дыхание и послушно замерла, позволив Михаилу обхватить свою ладонь обеими руками, и лишь сильнее

прижалась боком к своему колдуну, что успокаивающе поглаживал её по спинке.

Михаил оказался тёплый, в целом, прикосновение его дара оказалось очень похоже на первый «осмотр» Себастиана. Неприятно, но терпимо.

— Клан Чёрных воронов, — тихо констатировал «Несмеян», — как бы ты не пожалел, Себастиан.

— Это вряд ли, — вздохнув, отозвался чёрный, — в клане не состояло минимум два поколения предков Мишель, они почти не имеют на неё права.

— Почти, да? — тонкие губы Михаила скривила горькая усмешка.

— Что за «Чёрные вороны»? — нагло влезла немного очухавшаяся воровка.

— Один из трёх ведущих кланов одарённых нашей страны, — ответил Себастиан, ласково чмокнув девушку в макушку, — постепенно выходит на первое место.

— Понятно, — коротко буркнула девушка, недовольно морщась. Она покосилась на любопытно глазающего на неё Кайла, смерила недовольство и вжалась в своего чёрного сильнее.

— В любом случае аккуратнее, Себастиан, не хотелось бы мне потерять старого союзника, — Михаил плавно поднялся с подлокотника дивана, где с удобством разместился ещё пять минут назад, — можешь не провожать.

— Да не, я, пожалуй, всё же провожу, — колдуна насмешливо усмехнулся, поставил девушку на ноги, поднялся сам.

— Боишься, сопрём чего? — Кайл наигранно оскорбленно надул губы, легко вскочил, растопыренной пятернёй зачесал назад упавшие на лицо пряди.

— Боюсь, как бы ты не заблудился, мой дорогой друг, — Себастиан «любезно» оскалился и намекаяще указал ладонью на дверь, другой рукой притянув к себе Мишель.

А воровка была и не против, а очень даже за — «друзья» стояли слишком близко, нервируя размерами и как бы случайными, но цепкими взглядами. Бр-р, гадость. Девушка едва заметно передёрнула плечами и сама вжалась в тёплый бок.

— Ну, что, — не отрывая взгляд от удаляющейся машины, обратился чёрный к Мишель, — как насчёт обещанной экскурсии?

Воровка коротко покосилась на него, поёжилась от продувающего тело сквозняка и перевела взгляд на небо. Внутри всё ещё потягивало напряжением. Девушка задумчиво осмотрелась, кивнула, решив, что это самое то, чтобы немного успокоиться:

— А начнём с улицы.

— Хорошо, — слабо улыбнулся Себастиан, кончиками пальцев коснувшись плеч подопечной, — только давай за курткой зайдём, простынешь ещё.

— Неохота с сопливой малолеткой возиться? — не приминала съязвить воровка, сбрасывая его руку. Мишель резко развернулась к двери, крутой дугой обогнув чёрного. Одеться действительно бы не помешало — не май месяц, в конце концов.

— Злишься, — щёлкнул языком колдун, глядя ей в след, — ну и характер.

Мишель поёжилась и накинула капюшон на голову. Холодный, пронизывающий ветер на огороженном с трёх сторон крыльце не чувствовался, но стоило только выйти, как дрожь пробежала по телу, а зубы застучали бодрю чечётку.

— Куда м-мы идём? — активно вертя головой, спросила девушка, семена за колдуном.

— К розочкам, — Себастиан пожал плечами, с досадой хмыкнул, опять заметив за собой скороходство, и сбавил скорость, равняясь с подопечной. Воришка коротко, с непонятым выражением на него покосилась и вновь уткнулась подмерзающим носом в ворот куртки.

Особнячок оказался не так уж мрачен и огромен, даже немного уютен. Особенно Мишель понравился сад — чуть неухоженный, чуть заброшенный, с отголоском дикой природы в хаотично перевивших прутья решётки виноградных лоз.

— Разве его не пора убирать? — пропыхтела девушка, стоя на носочках и протягивая руки к маленькой, прикрытой вялыми жёлтыми листьями фиолетовой грозди.

— Пора, — согласился чёрный и, придвинувшись к ней вплотную, сорвал кисть, которую тут же передал обиженно вскинувшей глаза воровке, и ухмыльнулся.

Мишель закрыла рот, криво усмехнулась и, протерев пальцами холодную упругую кожуру, закинула первую виноградину в рот. Прикусила, и ягода тут же взорвалась холодным, кисловато-сладким соком. Девушка на секунду зажмурилась и вздрогнула, когда колдун отодвинулся, и спину обдул ледяной ветер. Оглянулась и, развернувшись, вновь побежала за тронувшимся с места чёрным.

— О, — немного удивлённо улыбнулась Мишель спустя пару минут ходьбы и, обогнув Себастиана, ускорила шаг, потирая замёрзший нос да дуя на окоченевшие пальцы, после чего присела перед колючими кустами.

Так, чтобы уже начинавшая подмерзать розочка оказалась перед самые её носом. Большая, с чайно-розовыми лепестками, толстым, шипастым стебельком и маленькими, тёмно-зелёными, почти круглыми листочками.

— Красивая, — искренне протянула воровка, как только хруст засохших листьев остановился в полуметре от её спины.

— Мне тоже так кажется, — с улыбкой в голосе отозвался Себастиан. — На участке ещё есть колодец, беседка да небольшая рощица яблонь. Пойдём, быстро пробежимся — и

домой, холодно.

Девушка молча, с лёгкой досадой на лице встала, кинула в рот очередную виноградину и вновь подула на замёрзшие пальцы. Действительно холодно: Мишель уже всерьёз трясло. Холодная ягода во рту тоже тепла не добавляла, но и отказаться от последней летней радости воровка не смогла: чай не каждый день виноград ест. Вкусно.

— Пошли, — согласилась она, устроившись по правую руку колдуна, активно вертя головой и придерживая спадающий капюшон. Интересно же.

В целом участок Мишель понравился. Девушка даже немного поостыла, нехотя признав, что колдун был почти прав — «друзья» его, как-никак, убрались, хотя воспоминание до сих пор корбило и отзывалось внутри едким привкусом беспомощности и раздражения. Воровка мысленно себе напомнила, что нужно немного потерпеть и привыкнуть, что отныне она не одна, и этот кто-то рядом гораздо старше и сильнее её.

Мишель вздохнула, медленно потянула язычок молнии вниз, нехотя стянула тёплую куртку, которую в следующую секунду у неё аккуратно отобрали и повесили на крючок. Девушка зябко обхватила себя руками. Себастиан ласково скользнул ладонью по её макушке и, подхватив под локоток, куда-то повёл.

Как оказалось, на кухню — горячим чаем поить и со здешними обитателями знакомить. Комната оказалась просторная, квадратов пятнадцать. По одной с половиной стене шёл кухонный гарнитур — тёплый, салатный, с вставками рифленого стекла. Обои были двухцветные, светло-зелёные и золотисто-жёлтые, первый цвет шёл по двум стенам за гарнитуром, второй — по свободным, ближе к которым стоял большой круглый стол.

А за столом, уминая конфеты, сидели уже знакомые Мишель «молодцы» и служанка Яна. Воровка поёжилась под тремя любопытными взглядами, как бы невзначай прячась за спиной колдуна. Тот же, насмешливо фыркнув, вытянул её за руку из-за спины и подтолкнул к столу.

Девушка вздрогнула, мимолётно оглянувшись, одарила его испепеляющим взглядом и несмело шагнула вперёд, слегка краснея. Гадать, что о ней они подумали, Мишель нужды не было, всё отражалось в оценивающих, а потом и недоумённых взглядах домашних колдуна.

— Ну не покусают же они тебя, цыплёнок, — ехидно шепнул ей на ухо Себастиан и, положив руку на талию, уже громче, намекаясь позвал: — Ян?

— А? — служанка вздрогнула, перевела взгляд на хозяина, досадливо стукнула костяшками себе по лбу и подорвалась с места. — Как обычно, с мятой и мёдом? Девушке так же?

— Агу, — согласился колдун, подталкивая воровку к столу, после чего отодвинул стул, надавив ей на плечо, усадил и присел рядом, — только девушке мёд отдельно.

Мишель поёрзала, коротко, но очень недовольно на него покосившись. Чёрный усмехнулся, откинувшись на спинку стула, и с лёгкой иронией в голосе мурлыкнул:

— Ну, раз уж девушка молчит... это, — кивок на воровку, — Мишель, она будет жить с нами. Долго, очень. И нет, мы не любовники, а, скорее, опекун и ученица.

— А сколько лет? — спросила Яна, ставя перед ними кружки, и, глянув на недовольно поджавшую губы воровку, тут же затараторила, с извинениями улыбаясь.

— Извини, ты просто очень молодо выглядишь, а я уже пару раз ошиблась с возрастом хозяйских гм... ты конечно, не из таких, но всё равно интересно и...

— Много, — резко перебила её Мишель, — и скоро ещё днюха будет.

— Ага, почти через две недели, — согласился Себастиан.

Мишель удивлённо моргнула и, мимолётно отметив задумчивый взгляд, который бросила на неё служанка, прежде чем вернуться к столешнице за мёдом, резко повернулась к чёрному:

— А ты-то откуда знаешь?!

— А с чего мне не знать? — в тон ей мурлыкнул Себастиан. — Ты пей-пей, цыплёнок, — он кивнул в сторону дымящейся кружки, а сам потянулся к чаю, — я ещё пару дней назад отправил документы на твоё удочерение, — колдун ухмыльнулся и сделал маленький глоток, — с некой суммой, так что три недели — и ты официально моя.

Мишель нам мгновение замерла, переваривая новость. Через мгновение девушка устало потёрла лоб и без особого восторга буркнула:

— Вау, а почему я об этом узнаю только сейчас? Кстати, не опекунство, а именно усыновление?

— А ты не спрашивала, — чёрный, ехидно щурясь, усмехнулся, — и да, жилья тебе от государства не будет. Мишель! — внезапно колдун недовольно повысил голос, заметив, что воровка ещё ёжится, потирая бледные пальчики. — Пей чай!

— Да пью я, пью, — вздрогнув, девушка недовольно на него покосилась, осторожно взяла горячую кружку в ладони, принялась, несмело отпила, удивлённо приподняла брови и отхлебнула уже смелее, — вку-усно.

На пару минут в комнате воцарилась тишина. Воровка, щурясь, медленно пила восхитительно вкусный чай, чутко прислушиваясь к разливающемуся по телу теплу. В какой-то момент она перехватила замороженный взгляд одного из молодцев на своём лице: того, что подвозил их в гипермаркет. Парень вздрогнул, поняв, что его заметили, и тут же уткнулся в почти пустую кружку, трогательно покраснев. Девушка едва подавила улыбку — до того забавно смотрелся румянец на типично боксёрской физиономии... и тут же почувствовав неладное, после чего перевела взгляд на Себастиана.

Мишель вздрогнула: колдун улыбался, хотя скорее усмехался — нехорошо, темно, глядя куда-то вверх головы стеснительного «молодца». Наклонил голову к плечу, он бросил короткий взгляд на тут же поёжившуюся воровку и мягко, нараспев потянул:

— И не вздумай, Александр.

— Но... — попробовал было вякнуть стушевавшийся парень, но тут же замолк под ледяным взглядом колдуна, бледнея.

Мишель перемена в настроении Себастиана не понравилась, пусть даже она была, как девушка подозревала, наигранная. Ну не верилось ей, что чёрного так просто вывести из себя. Скорее границы проясняет, гадость расчётливая.

— Себ... — позвала его девушка, но запнулась, как и Александр, наткнувшись на холодный взгляд. Она фыркнула и, задрав нос, таки закончила: — ... бастиан. Прекрати, мы прониклись!

— Ну и замечательно, а то чё? — вызывающе ухмыльнулся колдун, щуря ехидные глазищи, косвенно подтверждая этим самым подозрения воровки.

— Покусаю, — иронично выгнула бровь Мишель, — за сонную артерию, сильно и больно.

Уголки тонких губ едва заметно дрогнули. Чёрный, тихо фыркнув, опустил голову, скрывая усмешку, но уже спустя пару секунд тихо захихикал.

— А может пониже и понежнее? — выдохнул между смешками.

Обстановка в комнате ощутимо потеплела, парни усмехнулись, Яна покачала головой.

Девушка закатила глаза:

— Шуточки за триста?

Себастиан только усмехнулся на подколку, вновь уткнувшись в кружку.

— А меня, если кому ещё интересно, Алексеем зовут, — глядя куда-то поверх головы воровки, протянул второй парень, доселе молчавший.

Мишель приподняла бровки и отпила уже поостывший чай, выдерживая эффектную паузу. Она прищурилась, прямо глядя в полные смешинок глаза Алексея, и, вздохнув, с придыханием преувеличенно манерно мурлыкнула:

— Очень приятно.

Алексей фыркнул, улыбнулся и поднял обе ладони, признавая поражение.

— Ну, а меня ты, наверное, уже знаешь, — подала голос служанка, касаясь своей груди, — Яна.

Девушка кивнула, усмехаясь:

— Надо же, со мною разговаривают, — протянула она, с лёгким ехидством шурясь.

— Ну, — Яна слегка покраснела и смущённо потупила глаза.

— Я знаю, — с примирением улыбнулась воровка, — Себастиан запретил.

— Ага, — согласилась, расслабляясь, служанка, коротко покосившись на безмятежного хозяина. — Спрашивать, что это было, полагаю, не стоит?

— Правильно полагаешь, — согласился колдун, — скоро к нам вновь пожалуют гости, на глаза к ним не попадаться, не заговаривать, доложить желательно ещё при подъезде.

— А ворота открывать? — подобравшись, спросил мигом посерьёзневший Алексей.

— Да, одной рукой кнопку жать, другой мой номер набирать и сидеть тихо, как мышки, — Себастиан обвёл строгим взглядом все троих, — очень тихие, дохлые мышки. Что бы ни случилось, понятно?

Три разрозненных кивка, немного тревожный взгляд от воровки.

— Ну и хорошо, что понятно. Мишель, ты допила? — обратился уже к подопечной колдун.

Девушка молча кивнула, поставила почти пустую кружку на стол рядом с так и не тронутым мёдом.

— Хорошо, — Себастиан коротко улыбнулся, встал и галантно подал руку Мишель, — пошли, учить тебя буду.

Воровка заинтересованно подобралась, нехотя приняла руку, напоследок едва заметно улыбнувшись «новым» знакомым, и вышла вслед за чёрным из кухни.

— Себастиан? — несколько нерешительно, спустя полминуты пути к библиотеке, начала Мишель.

— М? — колдун повернул голову, вопросительно посмотрел на неё, замедлив шаг.

Девушка облизнула губы и решила:

— Что с Ириной, Сергеем?

— А, — чёрный понятиливо усмехнулся, — пока ничего.

— Отпусти их, — прямо попросила Мишель.

Себастиан резко остановился. Не успевшая затормозить девушка сделала рефлекторный шаг вперёд, но тут же развернулась, оказавшись с ним лицом к лицу. Она задрала голову, взволнованно прикусив щёку изнутри.

— С какой стати? — колдун в деланном недоумении приподнял брови и медленно, будто разъясняя прописную истину ребёнку, произнёс: — Они должны мне.

— Ты получил меня. Волей-неволей, но получил, — воровка шагнула вперёд, с внутренней дрожью положила руки чёрному на живот и умоляюще заглянула в золотые глаза, — отпусти их, пожалуйста. Пусть это будет подарком на мой день рождения.

— Как это... — Себастиан отстранённо усмехнулся, глядя куда-то мимо неё, — ... невесело. Такое не дарят. Давай сделаем по-другому, — предложил он, прямо взглянув в глаза воровки, — ты переезжаешь ко мне в спальню — я отпускаю их, а девятого подарю полноценный подарок.

Девушка замерла, обеспокоенно нахмутив брови и недоуменно приоткрыв рот.

— Не бойсь так, цыплёнок, — чёрный, усмехнувшись, легко раскусил её сомнения и ласково погладил Мишель по голове, — приставать не буду.

Воровка слегка покраснела, на мгновение прикрыв глаза, и решительно кивнула. Ну что ж, не такая уж и большая цена, почти пустяк, а к объятиям колдуна она рано или поздно привыкнет.

— Тогда давай сейчас и... будь человеком, проведи электричество, а? — уже несколько уныло закончила Мишель, приподняв уголок губ в кривой улыбке.

— Сейчас, так сейчас, — легко согласился Себастиан, большими пальцами поглаживая запястья девушки, — может быть, и проведу. Когда-нибудь, — с лёгкой ехидцей усмехнулся в ответ.

— Спасибо, — слабо, но искренне улыбнулась воровка и нерешительно обняла колдуна за талию, щекой прижавшись к его груди. Только после этого она позволила себе облегчённо прикрыть глаза и заметила, как полегчало на душе. Как же она всё-таки боялась отказа.

— Пожалуйста, — тихо улыбнулся чёрный, обнимая её в ответ, и, неловко вывернув руку, вытащил мобильник из кармана джинсов, — Алексей, Александр, помните наших гостей, что сейчас в подвале сидят? Через полчаса приведите их в гостиную, ту, где в первый раз мы с ними встретились, — из трубки прозвучало искажённое угуканье, а затем пиликанье оборвавшегося вызова. Колдун, фыркнув, сунул мобильник обратно в карман, ласково скользнул ладонью по макушке девушки и легко потянул за чёрные пряди, запрокидывая её голову и проникновенно заглядывая в синие глаза, — только без глупостей, ладно, цыплёнок?

Мишель деланно оскорблено надула губы:

— Само собой.

Мишель, напряжённо выпрямившись и пуритански сведя колени вместе, нервно комкала в руках края длинного свитера, посекудно вскидывая глаза на дверь. Вскоре (минуты через две) Себастиану это надоело, и он, легко шлёпнув воришку по ладошке, перетащил возмущённо зашипевшую девушку на колени. Мишель густо покраснела, дёрнулась, почти безнадёжно и вяло, низко опустила голову, пряча румянец за упавшими на лицо прядями. Чёрный фыркнул, слабо улыбнувшись, и вольготно откинулся назад, похозяйски закинув свободную руку на спинку дивана. Мишель раздражённо на него покосилась и испуганно замерла, расслышав эхо далёких шагов.

— Может, отпустишь? — тихо попросила девушка, не поднимая взгляд.

Появляться перед Сергеем и особенно Ириной в таком виде было стыдно. Внутри неприятно потягивало, отдаваясь дрожью где-то под рёбрами, у желудка. Злиться на колдуна смысла не было, и воровка это прекрасно понимала, хотя постучать ему по белобрысой башке всё равно очень и очень хотелось. Девушка мысленно себе пообещала, что когда-

нибудь обязательно постучит. Как сил и знаний наберётся.

— Неа. Привыкай, цыплёнок, — деланно участливо посоветовал чёрный.

Мишель мрачно поджала губы, напряжённо выпрямилась, впившись взглядом в дверь. Шаги звучали всё громче и ближе... Раз... Два... Три...

Позолоченная ручка повернулась, медленно отворилась дверь. И тут же, резко и неожиданно, заставив воровку крупно вздрогнуть, в комнату влетел Сергей, явно кем-то грубо впихнутый. Блондин, врезавшись плечом в косяк, поморщился, потёр плечо и, подняв голову, шагнул было вперёд, но застыл столбом, наткнувшись взглядом на Мишель. Девушка, покраснев, отвела глаза.

Сергея вновь пихнули сзади, и тот, очнувшись, поспешно отступил, пропуская в комнату Ирину. Хлопнула, закрываясь, дверь. В целом, оба выглядели неплохо, но бледновато и очень взволнованно. Повисло неловкое молчание.

— Мишель? — тихо, растерянно развеяла тишину Ирина.

Воришка слабо улыбнулась, зябко повела плечами и, избегая прямого взгляда, рассеянно поинтересовалась:

— С вами всё в порядке?

Сзади громко фыркнул Себастиан. Девушка хило ткнула его острым локтем в живот.

— Ну да, — женщина невесело усмехнулась, — что с нами будет. А у тебя, чудо?

В голосе рыжей слышалось тщательно замаскированное, но всё же всё равно сильное беспокойство. Она, не скрываясь, осматривала Мишель, особое внимание уделив пришибленному виду девочки, руке Себастиана на её талии и яркому румянцу, алеющему на обычно бледных щеках. Ирина тихо вздохнула, сжала ладони в кулаки, одарив довольного колдуна полным ярости взглядом. Тот лишь прямо усмехнулся и вновь отсутствующим взглядом уставился в потолок.

— Ну, — воришка неловко пожалала плечами, зачем-то провела тонкими пальчиками по коленке, вдоль крупной вязки синего свитера, — это смотря с какой стороны посмотреть. Но, в общем, нормально, — Мишель впервые подняла взгляд выше груди Ирины, прямо посмотрев ей в глаза, — Себастиан согласился вас отпустить.

— А ты? — резко вставил молчавший доселе Сергей.

— А я останусь, — девушка хмыкнула, резко махнула рукой, пресекая было открывших рот бывших соучастников, — в любом случае. Просто уезжайте, я не хочу больше просить.

— А мне понравилось, — тихо мурлыкнул чёрный, погладив воришку по боку.

Мишель недовольно фыркнула, поёжилась. Отчётливо шепнула: «Злыдень ехидный».

— Мише-ель, — с нажимом позвала Ирина, хмурясь.

Сергей мрачно поджал губы и неловко переступил с ноги на ногу.

— Ирина, — в тон ей отозвалась воровка, вздохнула и искренне попросила, — я прошу вас, просто уезжайте, без скандалов и спасательных операций. Всем же лучше будет, вы освобождены от долга.

— Мишель, — уже не так твёрдо повторила Ирина, — а ты?

Воровка пожалала плечами.

— Сёба в данный момент — наименьшее зло.

Себастиан вздрогнул, напрягся, крайне возмущённо фыркнул и, аккуратно ухватив Мишель за прядь волос, потянул её. Он склонил голову к плечу и заглянул в бесстыжие синие глаза, обиженно надул губы и, отпустив прядку, отвернулся, всем своим видом пародируя оскорблённую невинность. Девушка поневоле улыбнулась, перевела взгляд на

хмурую Ирину.

— Всё нормально, правда, — воровка неловко усмехнулась, — у меня есть... — она запнулась, глубоко вздохнула и продолжила: — тоже некоторые способности, немного, однако, иного характера. И пусть он, чем кто иной.

— Иной? — рыжая вопросительно выгнула бровь, прищурившись, с возросшим интересом и подозрением осмотрела цветущего и помолодевшего (?) Себастиана.

— У меня тут семья объявиться может, — Мишель поморщилась и нервно одёрнула свитер, передёрнув плечами.

— Так это же хорошо! — искренне порадовалась за неё Ирина, делая шаг вперёд.

— С нехорошими планами в перспективе, — поспешила притушить радость рыжей девушка. — Лучше пусть использует один, осторожно, обучая в процессе, чем целая орава, в моём благополучие как-то не очень заинтересованная.

— Это он тебе сказал? — неожиданно подал голос Сергей.

— Ну да, — согласилась Мишель, не видя смысла скрывать очевидного, — он. А, — девушка внезапно оглянулась, — они смогут меня силой забрать?

— Неа. Ты уже можешь решать сама. Впрочем, хватит болтовни, вы вроде домой собирались? — насмешливо выгнув бровь, спросил колдун, прямо глядя на Сергея. — Так пошустрее. Алексей, Александр!

Дверь приоткрылась, выглянули «молодцы».

— К выходу их, — бросил, поднимаясь и ставя Мишель на ноги, чёрный, — куртки выдать не забудьте.

— Себ... — вновь попыталась обратиться к колдуну уже у самой двери Ирина.

— Хватит! — резко оборвал её чёрный, кинул недовольный взгляд на своих «молодцев». — Шустрее и машину выгоните, отвезёте их к ближайшей автобусной остановке.

Ирину и Сергея вывели. Хлопнула, закрываясь, дверь. Мишель проводила то и дело беспокойно оглядывающихся «соучастников» взглядом и, тяжело вздохнув, развернулась лицом к чёрному.

— Себастиан, — девушка подёрнула колдуна за свитер, — я ещё спросить хотела: ты знаешь, почему Ирина бесплодна?

Себастиан закатил глаза, запрокинув голову, качнулся с носка на пятку, фыркнул и прямо посмотрел на глупую подопечную. Ну и как можно быть такой?

— Мише-е-ель, — укоряюще протянул он, аккуратно отцепляя тонкие пальчики, — ты ещё помнишь, кто втянул тебя во всё это?

— Помню, — воровка передёрнула плечами, упрямо прищурилась, — так знаешь?

— Предположим, знаю, и что?

— А помочь сможешь?

— Мишель! — уже раздражённо повысил голос колдун, грубо, но осторожно дёрнув подопечную за запястье.

— Да, не первый год уже Мишель, — поджав губы и качнувшись, огрызнулась девушка и, вздёрнув нос, повторила, — сможешь? Она удочерить меня хотела и с самого начала была против этого всего. Я ХОЧУ помочь!

— Смогу, — отпустив руку девушки, устало хмыкнул чёрный, сдаваясь, — но нужна основа, скажем, — его взгляд опустился ниже, на кулон, — твоя охраночка. Готова отдать?

— Ну, — воровка тоже посмотрела на кулон, пожалала плечами, перекрутила цепочку

замком вперёд, — да.

— Ладно, — Себастиан почти зло усмехнулся, сделал шаг вперёд, вплотную подойдя к подопечной, — вот только что мне за это будет?

— А... что ты хочешь? — девушка замерла, настороженно подняла на него взгляд.

— Немного близости и терпения.

— В смысле? — вздрогнув на слове «близость» нервно спросила Мишель, едва подавив порыв отвернуться и отойти. Стало как-то очень неудобно, и она искренне понадеялась, что ошиблась в подозрениях.

— Ничего страшного. Просто чуть-чуть прикосновений, наподобие, — поспешил развеять её страх колдун, легко приобнял напрягшуюся девушка за талию, заглянул в настороженные синие глаза, — тех же объятий. Как я уже говорил, насиловать я тебя в любом случае не буду.

— Хорошо, — выдохнула немного расслабившаяся воровка, с трудом улыбаясь, расстегнула цепочку и протянула кулон, — это надолго?

— Пару минут, — усмехнувшись, отозвался Себастиан, принимая его и плюхаясь обратно в кресло.

— Вот, — неловко улыбаясь, девушка протянула кулон стоящей на пару ступенек ниже рыжей, — тебе нужнее.

— А, — машинально взяв, Ирина недоумённо, с каким-то жалобным выражением посмотрела на воровку.

— Поможет родить, — Мишель с трудом усмехнулась, краем глаза заметив поражённый и очень пришибленный взгляд Сергея, — потом можешь вернуть, я против не буду.

— Мишель, — кое-как выдавила рыжая сквозь сведённое судорогой горло, быстро заморгала, смаргивая слёзы, сжала ладонь с кулоном в кулак. — Я...

— Расслабься, всё нормально, — искренне посоветовала воровка, чувствуя себя неудобно под двумя виноватыми взглядами, и мимолётно оглянулась на недовольного Себастиана, — кажется, вам пора.

Алексей и Александр, переглянувшись, подтолкнули «соучастников» к машине. Ирина, сильно прикусив губу, нехотя развернулась и, то и дело безнадёжно оглядываясь, под конвоем поплелась к машине, спотыкаясь и судорожно сжимая кулак с кулоном. Сергей выглядел чуть бодрее, но гораздо напряжённее: движения его были дёрганные и резкие, а лицо казалось застывшей бесстрастной маской, и лишь в глазах порою мелькала боль и вина. Оба, перед тем как сесть в салон, потерянно оглянулись на Мишель. Глаза Ирины подозрительно ярко блестели.

Расслабиться, сгорбившись и прикрыв лицо ладонями, девушка себе позволила только когда машина, выехав через ворота, полностью скрылась. На грудь изнутри давили подступившие слёзы, а сердце билось неровно, быстро, с какой-то щемящей болью. Да и в целом состояние у Мишель было... паршивое. Себастиан, вздохнув, прижался сзади, приобняв девушку под грудью одной рукой. Тёплый. Воровка жалко улыбнулась, заморгала, смаргивая слёзы, подалась назад, прижимаясь плотнее, откинула голову на его плечо, глубоко вздыхая. Немного полегчало.

— Ну чего ты, — тихо пробормотал Себастиан, ласково скользнув холодными пальцами по её лбу, — разве не этого ты хотела?

— Этого, — так же шёпотом согласилась Мишель, — просто... тяжело.

Колдун только вновь вздохнул и потянул подопечную в дом. Вот же дитя, глупое, впечатлительное, слишком доброе. "Но, — Себастиан хмыкнул про себя, — «кур-рочкам» сейчас не лучше, такой груз, вина... отходить они будут долго и в следующий раз десять раз подумают, прежде чем перекладывать свои проблемы на кого-то стороннего. Одно дело своя жизнь, другое — чужая". Думать надо было, прежде чем ребёнка во взрослые игры втягивать.

— Н-ну? — оперевшись о стену, спросил Себастиан, на пару минут выйдя из второй гостиной, где, жуя попкорн, смотрела фильм немного повеселевшая и отошедшая от тяжёлого прощания Мишель.

Алексей пожал плечами, поморщился:

— Доехали тихо и спокойно, видок у обоих был убитый, рыжая редела всю дорогу. Высадил у остановки у начала леса, долго таращились вслед.

— Понятно, предсказуемо, — со вздохом бросил колдун, отталкиваясь от стены, — свободен. Мишель об этом ничего не говори.

Мишель, нервно прикусив губу, приподнялась на руках, напряжённо поджав пальцы. Фильм стремительно приближался к развязке, радуя захватывающим сюжетом и анимацией. Воровка на секунду оторвавшись, тряхнула головой, вновь впиалась взглядом в экран, где головокружительно крутясь, левитировал между астероидов шустрый космический крейсер. А на этом головокружительном фоне, под светом миллиардов звёзд, эпично бились генерал Айкиил и благородный пират Гизо. Победила правда — то бишь пират. Довольно предсказуемо.

Девушка облегчённо вздохнула, вмиг обмякая, когда противный блондинистый генерал, получив особо мощный хук справа, отлетел к стене, где благополучно поймал обломок трубы в лёгкое. Жалко не было, ибо нефиг целые планеты распылять!

Ещё пара минут на счастливое «последующее», и на большом жидкокристаллическом экране замелькали титры. Воровка вздохнула, перевернулась с бока на бок, лениво шурясь в потолок. Медленно, со вкусом потянулась, кончиками пальцев ног коснувшись подлокотника дивана, приподнявшись, выглянула из-за второго. Себастиан, подняв глаза от книги, рассеянно улыбнулся.

Мишель перевернулась на живот, подпёрла подбородок ладонями:

— Что дальше? — отстранённо спросила, глядя куда-то поверх его головы.

— А что ты хочешь? — спросил в ответ чёрный, перекладывая алуу, кажется, обшитую шёлком, закладку и закрывая книгу.

— М-м, — задумчиво потянула девушка, прикусив нижнюю губу, — есть, и ты так и не показал мне дом.

Дом Мишель действительно интересовал, ибо на этот момент она видела лишь кухню, голубую спальню, покои колдуна, две гостиные, кухню, библиотеку и множество закрытых дверей. А судя по тому же кабинету в особняке было много интересного и увлекательного, а ещё характерного, памятного, раскрывающего норы владельца.

— О-о, разведываешь территорию? — уже оживлённее улыбнулся Себастиан, поднимаясь с кресла и лениво потягиваясь. — Интересный фильм?

— А ты не смотрел? — удивлённо моргнула воровка, садясь и одёргивая свитер.

— Неа, не мой жанр, — усмехнулся колдун, — предпочитаю что-нибудь более правдоподобное и наполненное смыслом.

— Это ты меня так завуалировано дурой обозвал? — вмиг помрачнев, пождала губы девушка.

Напряглась, выпрямилась, гордо вздёрнув подбородок, строго сведя колени и скрестив руки под грудью. Прищурившись, смерила чёрного недружелюбным взглядом.

— Цыплёнок, — несколько прибалдело моргнул Себастиан, на секунду застыв, — чего ж ты такая ершистая?

Мишель молча выгнула бровь, чёрный раздражённо фыркнул, закатил глаза:

— Судя по тому, что я всё же увидел, фильм был красочен, эффектен и динамичен. Хотя сюжет я понял с первой же сцены, держать зрителя в напряжении до самого конца тоже искусство... н-но! — чёрный почти виновато пожал плечами. — Рассчитанное всё же на определённую аудиторию, а я давно научен поменьше обращать внимание на яркую обёртку. Такие среди нас долго не живут, — и поспешно добавил, почти оправдываясь, видя всё более

леденеющий взгляд подопечной.

— То есть, мало того, что тупая, так ещё и уродина?! — сквозь зубы процедила девушка, резко поднимаясь на ноги, чувствуя, как отливает от щёк кровь и белеют от злости напряжённые губы.

— Мишель! — уже несколько резковато рявкнул Себастиан. — Прекрати, ты красива, относительно умна... но характер очень так себе.

— Углядеть в твоих словах ещё одно оскорбление или не стоит? — девушка, вмиг расслабившись, деланно задумчиво возвела глаза к потолку, отпуская неприятное воспоминание.

Повисла короткая тишина, чёрный переваривал произошедшее, Мишель тихо злорадствовала, от души наслаждаясь моментом.

— А... — коротко потянул колдун, только в медовых глазах мелькнуло понимание, — ты заставила меня оправдываться... — он фыркнул, передёрнул плечами, тонкие губы растянулись в едкой, немного злой ухмылке, затем были два быстрых, широких шага и Себастиан, пихнув девушку обратно на диван, склонился на съёжившейся, но всё ещё довольной подопечной, прошептал в полные приоткрытые губы, — хорошо, этот раунд за тобой, мелкий мстительный кактус.

Мишель быстро облизнула губы, прогнав малодушное желание вжать голову в плечи, но вместо этого выпрямилась, изобразила такую же ухмылку:

— Ты обещал мне стать другом, о ядовитый лютик жёлтый, жгучий. Так прекрати же изображать из себя владельца, ты уже не барин.

— Вообще-то, я был маркизом, — несколько обиженно просветил воровку о своём титулованным прошлом колдун и, внезапно улыбнувшись, умилился: — Ути, у цыплёнка прорезались зубки!

— Щас за нос цапну, — уже привычно с ходу поймав перемену настроения, придушенно пообещала Мишель, отклоняясь назад и затылком почти касаясь спинки дивана.

Колдун заливисто рассмеялся и протянул девушке руку. Воровка нерешительно коснулась её кончиками пальцев, ахнула, когда сжав ладонь, её мигом подняли, заботливо придержав за талию. Девушка поёжилась и решила не вырываться, задрала голову.

— Эмоции были настоящие, что-то вспомнила? — внезапно отбросив всякое веселье, серьёзно спросил Себастиан.

Мишель молча кивнула, ибо говорить об этом она не собиралась. Никогда.

Для начала они заглянули в кухню, на этот раз пустую. Чёрный фыркнул и полез в холодильник, вынул кастрюлю, разлил какой-то суп по тарелкам и запихнул одну из них в микроволновку, убрал кастрюлю, достал сметану. Насмешливо покосился на неловко мнущуюся у двери воровку:

— Чего стоишь как не родная? Садись за стол.

Пиликнула микроволновка, девушка тихо вздохнула и послушно присела, действительно чувствуя себя чужой. Послушался упругий звук открывающийся дверцы, тихий дзыньк, стук и вновь натужное гудение. Мишель на пару мгновений утомлённо прикрыла глаза, вздрогнув, когда перед ней опустилась тарелка и банка сметаны, вскинула голову, наткнувшись на тот же насмешливый взгляд золотых глаз.

— Это солянка, — пояснил колдун, не спеша отходить, — естся со сметаной или майонезом, но так как майонез я не переношу, в доме его нет. Ешь, цыплёнок, — ухмылка,

провоцирующий огонёк в глазах, — не стесняйся.

Цели Себастиан добился — с воровки мигом слетела вся неловкость, она смерила его мрачным взглядом, развернулась на стуле, взяла ложку в руки. Микроволновка вновь дзынькнула, колдун отошёл и вернулся через пару секунд, присел напротив. Отобрал у вяло мутившей суп подопечной ложку, открыл сметану, зачерпнул, вернул.

Девушка, вздрогнув, когда тёплые пальцы коснулись её, вечно холодных, поджала губы, поболтала, зачерпнув, попробовала. Вкусно, съедобно, кажется, с копчёной колбасой и солёными огурцами. Коротко покосившись на колдуна, она фыркнула про себя (ну да, манеры не пропьёшь, ар-р-ристократ) и наконец сосредоточилась на еде.

После обеда Себастиан скоро сполоснул тарелки и, взяв девушку под локоток, вывел в холл. Девушка для порядка оглянулась, так ничего нового и не заметив — та же лестница, одна арка, ведущая в гостиную, четыре двери, в кухню, гардеробную и... Мишель нахмурилась, прищурившись, посмотрела на ранее как-то игнорируемую ею дверь. Дёрнула колдуна, указала пальчиком:

— А это что?

— А... — чёрный обернулся, хмыкнул, — раньше был зимний сад. Но сейчас комната закрыта на ключ, а растения, если и остались, засохли да обсыпались.

Воровка покосилась на Себастиана, коротко облизнула губы.

— Почему?

— А зачем? — колдун остановился, притянул к себе подопечную, приобняв сзади за талию. Устроил подбородок на тёмной макушке. — Я тогда сутками пялился в потолок, дворецкий, живший со мной на тот момент вот уже двадцать лет, так не вовремя склеил ласты, а за растениями нужен уход, ежедневный, кропотливый. Мне было лениво паутину над кроватью убрать, не то что цветочки поливать.

— А Яна?

— Она появилась только около пяти лет назад, вместе с Алексеем; кстати, они двоюродные брат и сестра. Александр появился только в этом марте, то есть чуть больше полугодом назад.

— И их ничего не напрягает? — с некоторым ехидством спросила воровка.

— Нет, Яна не в курсе, у Алексея весьма... гибкая мораль.

— А Александр?

— Слишком впечатлительный, не будем портить мальчику мировоззрение, да? — Себастиан, ладонью мягко приподняв голову Мишель, оголив тем самым её незащищенную шею, легко коснулся губами учащённо бившейся жилки за маленьким ушком, тихо выдохнул, прижимаясь плотнее: — Цыплёнок?

— Себастиан, — с невольной взволнованной хрипотцой позвала его девушка.

— М?

— Как думаешь, если я со всей силы сюда укушу, — чёрный приглушённо фыркнув, вновь поцеловал её в то же место, — ага, именно сюда, как думаешь, долго ты ещё проживёшь?

— Совсем ты меня не любишь, — трагично вздохнул колдун.

Мишель раздражённо вздохнула, попыталась расцепить руки на талии, но, не достигнув успеха, просто перекрутилась так, чтобы оказаться с чёрным лицом к лицу. Задрала голову, прищурилась:

— Часто тебя так заносит?

— Бывает, — легко признал Себастиан, немного ослабляя хватку.

— Отпусти, — девушка сделала шаг назад, руками упершись в грудь колдуна.

Себастиан недовольно дёрнул уголком губ и нехотя отпустил. Мишель про себя облегчённо вздохнула, передёрнула плечами, маскируя за раздражением дрожь и смятение. Отступила на пару шагов, не сводя с колдуна глаза.

— Ты покажешь мне сегодня дом или нет?

Чёрный, как-то тоскливо на неё глядя, хмыкнул, развернулся в сторону четвёртой двери, которая, насколько воровка помнила, вела во вторую часть первого этажа. Обернулся, поманил за собою, Мишель, прикусив губу, последовала за ним, впрочем, стараясь не приближаться ближе метра (ибо ну его, озабоченного, у неё до сих пор руки трясутся и как-то непонятно сосёт в животе).

Первой же комнатой оказалась небольшая, метра три на три, комната, полная выключенных мониторов, с парой полноценных компьютеров и консолей управления. Девушка потопталась у порога, передёрнула плечами (с некоторых пор она такое очень недолюбливала) и утянула чёрного за рукав дальше. Потом была уже знакомая ей библиотека, гостиная и три закрытые комнаты, как объяснил Себастиан — кабинет, большая столовая и прилегающая к ней ванная. Почему закрытые? Гостей он уже давно не принимал, а если и принимал, то быстро выгонял, а это всё убирать надо.

Воровка мысленно согласилась, пожала плечами, припомнила закрытую дверь и на кухне. Чёрный ухмыльнулся и поведал ей, что раньше прислуга готовила и ела отдельно от господ, особняк был построен два века назад, и на месте сегодняшней кухни была домашняя, неформальная столовая, а за стеною располагались, собственно, сами печи и тому подобное. Мишель фыркнула, обозвала его «аристократишкой» и поплелась на второй этаж, тихо ворча на отсутствие лифта. Себастиан, посмеиваясь, пошёл за ней.

Сразу по левую сторону от лестницы располагался спортзал, двери которого перед Мишель любезно распахнул чёрный. Зал был занят. Девушка, слегка смутившись, неловко улыбнулась оторвавшемуся от гантель Алексею, отступила назад, упершись спиной в чёрного. Выглянувший откуда-то из-за перегородки между тренажёрами Александр, весь мокрый и запыхавшийся, едва заметно покраснев и криво усмехнувшись, поспешно нырнул обратно. Алесей, опустив голову, приглушённо фыркнул и вновь потянулся к гантелям, более не обращая на гостей внимания.

Мишель аккуратно затворила дверь, коротко покосилась на насмешливо усмехающегося колдуна и, вредно пихнув его локтем в бок, пошла к следующей двери. А оказавшись в самой комнате, удивлённо приподняла брови, застыв у самого входа, так и не решившись ступить на светлый ковёр. Оглянулась через плечо:

— Любишь бильярд?

Себастиан пожал плечами, приобнял воровку за плечи, тесно прижавшись сзади:

— Не сказать, что люблю, но умею и даже очень неплохо.

— И... — девушка замялась, нахмутив брови, посмотрела на бело-алую, с золотыми прожилками мишень, — как это называется? Забыла.

— А-а, дартс, — проследив направление взгляда подопечной, отозвался колдун, — его я люблю больше. Знаешь, цыплёнок, — Себастиан развернул девушку к себе лицом, легко, с нотками любования скользнул ладонью по изгибу тонкой талии, — я ведь и из лука стрелять умею, и из арбалета.

— Гм, — Мишель поёжилась, положив локоть на руку чёрного, облизнула губы, —

похвастаться хотел? Поздравляю, получилось, мне завидно.

Себастиан хмыкнул, неожиданно поцеловал воровку в лоб, и пока она обалдело хлопала глазами, подтолкнул её назад, к столу. Девушка тряхнула головой, только почувствовав мягкую поверхность под ногами, мимолётно оглянулась вниз и таки сбросила тапочки, послушно отступая назад, прямо глядя в золотые глаза, до тех пор, пока не почувствовала поясицей край бильярдного стола. Колдун довольно усмехнулся, посадил пискнувшую и упёршуюся ему в плечи воровку на деревянный край, разведя её ноги, устроился между. Мишель покраснела, неловко одёрнула подол, оглянулась на зелёное полотно, на тёмно-вишнёвое дерево, на котором сидела:

— Не сломается?

Себастиан фыркнул, положив ладони на девичьи бёдра, коротко рассмеялся, видимо, что-то припомнив.

— Неа, мы вчетвером на нём валялись.

Девушка приподняла брови, повернула голову влево, к длинному в тон столу, бару, поблёскивающему стеклом и металлом, явно дорогому и по-современному оборудованному.

— Алкоголики.

— Не исключено, — чёрный вновь улыбнулся, склонившись, вновь мимолётно прижался губами ко лбу Мишель, зашептал на маленькое ушко, — но ты-то у меня порядочная девочка? Хоть раз напивалась? А курила? Хотя бы табак?

Воровка отклонилась назад, держась за плечо колдуна, неволью сжав ногами его бёдра. Передёрнула плечами, фыркнула:

— Нет, не напивалась и даже курить не пробовала, но дыма надыхаться успела. Ты имеешь в виду травку? — прищурившись, кривила губы. — Ты и наркотой балуешься?

— Было время, — легко признался Себастиан, — если не ошибаюсь, ещё до твоего рождения.

— Обнадёжил, — деланно пренебрежительно фыркнула Мишель, внутренне, однако, порадовавшись, ибо наркоманов она недолюбливала, очень недолюбливала.

Чёрный только улыбнулся, с лёгким разочарованием отстранился, девушка понятливо прыгнула со стола, одёрнула тунику, ногами утонув в пушистом ворсе ковра, и только сейчас обратила внимание, что колдун тоже босиком. Выглянула из-за него, ну да, жёлтые тапки рядом с её, белыми и пушистыми. Себастиан отступил назад, развернувшись, неспешно пошёл к двери, девушка облизнулась и поспешила за ним.

Следующими комнатами оказались спальни Алексея и Александра, расположенные в коридоре за бильярдной, открывать их по понятным причинам чёрный не стал, лишь головой указав на сливающиеся с обоями двери. Затем была ещё одна закрытая комната, по словам колдуна — большая спальня, чуть дальше прилегающий к ней кабинет, уже знакомый Мишель коридор, со знакомой голубой, «морозной» спальней в конце, ещё одна спальня, отвратительно жизнерадостно-жёлтая, и Янина, располагающаяся в пяти метрах от лестницы.

Девушка оглянулась на колдуна:

— А подвал покажешь?

— А надо? — вопросом на вопрос ответил Себастиан, склонив голову к плечу.

— Ты обещал, — просто заметила Мишель.

— Покажу, — улыбнувшись, согласился чёрный, — но завтра. Сейчас около двух часов дня, ещё часок повалеешься и за гранит науки. Надо будет поменьше обещать, кстати.

— А? — переспросила воровка, удивлённо моргая, наморщила носик. — Прямо сейчас?

— Да-да, — колдун усмехнулся, положил ладонь на плечо девушки, чуть наклонился, заглядывая в синие глаза, — времени у нас мало, эта неделя будет насыщенной на открытия.

— Звучит как угроза, — буркнула Мишель, скидывая руку с плеча и отступая назад.

Как и пообещал колдун, гранит науки девушке сунули в зубы уже через час. Мишель упиралась, морщилась, пыталась перенести урок ещё на часок, но в спальню её таки затащили и, раскатав ковёр да растопив камин, усадили напротив себя. Настроение у воровки было совсем не рабочее, ей больше хотелось развалиться на диване и продолжить смотреть «Ледниковый период», чем внимать подозрительно бодрому Себастиану. Мирила с судьбой лишь мысль, что время то не резиновое, неблагоприятные родственнички ждать не будут.

Девушка, вздрогнув, проводила взглядом внезапно подорвавшегося в сторону кабинета колдуна, уныло подпёрла подбородок рукой. Жалеть себя как-то уже и расхотелось, хотелось с одной стороны — спать, а с другой её уже медленно, сладко покусывало любопытство. Предстоящая возможность узнать что-то новое будоражила — Мишель ещё помнила то пьянящее ощущение силы, когда вода под руками начинает сначала теплеть, а потом и кипеть, не причиняя вреда, слегка светясь вылитой в неё силой.

Бабушка, помнится, так делать больше не рекомендовала, посетовав на столь бесполезную и быструю трату энергии. Девушка, проникнувшись последующей головной болью, длившейся почти сутки, с охотой последовала её совету, однако, хорошо запомнив этот урок. Увы, толком обучить Святослава Борисовна её не успела, дав заглянуть в замочную щель, но ключ не оставив. Мишель закусил губу, обернувшись, посмотрела на приоткрытую дверь кабинета. Ну, и чего он там шарится? Да и в темноте к тому же.

Вернулся чёрный уже через полминуты, с пинка распахнув дверь и ногой же её захлопнув, в руках держа какую-то книгу и хитро улыбаясь. Плюхнулся напротив, сантиметрах в десяти, тонкий томик бросил рядом, у правого бедра, протянул ладонь. Воровка смерила её подозрительным взглядом и несмело вложила в неё собственную холодную и слегка подрагивающую ладонь. Внутри уже покалывал пузырьками шампанского адреналин, волнением отражаясь в глубине глаз.

— В первую очередь, цыплёнок, я хочу, чтобы ты поняла, что и зачем мы делаем, — чёрный успокаивающе улыбнулся, ласково скользнул большим пальцем по центру ладони подопечной. — В первую очередь я научу тебя чувствовать эмоции и намеренья, обходить защиту и различать фальшивку. Это поможет тебе при первой встрече с родичами и в наших отношениях в частности. Подопытной мышкой за отсутствием иных кандидатур сегодня буду я. Айда сюда, — поманил, хлопнув по колену, — на первое время нужен физический контакт.

Девушка приподняла брови, поколебалась с пару мгновений и нехотя подползла к колдуну, где её, подняв за талию, усадили на колени лицом к себе. Она поёрзала, демонстративно повздыхала и уже почти привычно положила руки ему на плечи. Чёрный едва заметно улыбнулся, обнял Мишель за талию.

— Цыплёнок... — Себастиан запнулся, странно хмыкнул, — веришь мне? Хотя бы в этот момент? Это важно.

Мишель было открыла рот, но тут же закрыла, смешавшись. Она колебалась; колдуну воровка всё также не верила, но потихоньку начала расслабляться.

— Ты... — девушка осеклась, не зная, как выразить мысль.

— Эта не та сфера, Мишель, в которой можно обмануть, — чёрный медленно скользнул ладонями вдоль боков напряжённой подопечной, — я могу лишь подсказать, предупредить. Силу я свою сегодня использовать не буду, а себе навредить надо умудриться.

— Точно не будешь? — поёжившись и прищурившись, спросила Мишель.

— Точно, — насмешливо улыбнувшись, твёрдо заверил Себастиан.

Воровка облизнулась, задумчиво прикусила губу. Это было похоже на правду, не трогает — не вредит. Логично? Логично. Главное, возможную подлянку не проглядеть.

— Ну, — девушка пожалала плечами, прямо посмотрела в золотые глаза, — чего делать тогда?

— Закрой глазки, — едва заметно улыбнувшись, мурлыкнул Себастиан, — визуально будет проще. Тебе удобно? Сидеть долго.

Мишель фыркнула, повела плечами:

— Сидеть на тебе обязательно?

— Неа, но ты должна быть близко. Очень.

Воровка молча приподняла брови, изогнувшись, заглянула за спину, ладонью пихнула бедро колдуна. Тот понятливо раздвинул ноги, придерживая девушку под поясницей, аккуратно опустил. Мишель поёрзала, перекинула ноги через бёдра чёрного, согнув их в коленях, оказавшись тем самым попой на полу, сантиметрах в тридцати от него, подняла голову, выгнула бровь. Чёрный только усмехнулся, опустил ладонь на глаза вздрогнувшей и машинально подавшейся назад девушки. Мишель нервно сглотнула, сама зажмурилась.

— Хорошо, — тихо, плавно протянул Себастиан, — для начала расслабься, хоть немного, плохого я ничего тебе не сделаю. Небольшой ликбез: аура состоит из трёх слоёв, верхний — эмоции, ниже — дар, последний — жизнь. Первый отвечает за общее эмоциональное состояние и естественную защиту; второй — талант, у одарённых он более подвижен, ярк и послушен; третий — энергетическая составляющая жизни, экстренная регенерация органов. Помнишь прошлый урок? Чем спокойнее будет первый слой, тем легче ты через него проникнешь, можно, конечно, и с обратной стороны, но тебе пока туда соваться не стоит, накосячишь ещё. Со вторым слоем работать легче, он более осязаем в этой плоскости, н-но... мы будем работать с первым, ибо иначе у тебя нет и десятой доли шанса. А на второй навесим щит-заглушку.

— Зачем? — нахмутив брови, но не открыв глаза, спросила внимательно прислушивающаяся к нему Мишель.

— А потому, что Главе уже доложили об уровне твоего дара, но только до и во время ритуала, за это время я запросто мог вылакать его половину. Небольшой эксперимент, оставим тебе десятую долю и посмотрим на реакцию. Согласна?

— Оба-на, — насмешливо муркнула воровка, кривя губы, — кому-то интересно моё мнение? Но я за, захочет, возьмёт и так.

— Мудрое решение, — с усмешкой в голосе похвалил её колдун. — Итак. Начнём с пройденного, коснись дара, будем выстраивать стену между слоями, чтобы сразу было понятно, когда ты промахнулась. После уберём и поставим щит.

Мишель, глубоко вздохнув, честно постаралась расслабиться. Перед глазами всё также царил темнота, на лице легко лежала, согревая, ладонь чёрного. Девушка медленно разжала пальцы, скользнула руками вниз, по груди колдуна, остановившись только тогда, когда почувствовала едва заметный стук под правой ладонью. Именно на нём она и

сосредоточилась, медленно, размеренно дыша. Себастиан пах всё также: едва уловимо, терпко-сладко и это вкупе с равномерным биением его сердца... успокаивало.

Уже спустя пару минут перед глазами разлился знакомый, уже родной мёд. Девушка аккуратно его коснулась, отстранённо чувствуя, как пробежали по спине мурашки, а по телу прошла волна лёгкости и тепла.

— Молодец, — где-то далек эхом прозвучал голос колдуна, и на грудь Мишель, мигом проясняя затуманившееся сознание, легли колюче-холодные ладони.

Воровка вздрогнула, попыталась отодвинуться, но была жёстко перехвачена. Она тихо вздохнула, ёжась, бессознательно концентрируя энергию в местах соприкосновения кожи с кожей.

— Итак-с, твоя задача вытянуть широкий пласт энергии на границу между первым и вторым слоем и заморозить его в области груди, там, где сейчас мои ладони. Подсказка — первый слой находится в паре миллиметров от того места, где ты перестанешь ощущать дар.

Мишель, следуя указанию, нехотя подцепила дар сразу всей воображаемой ладонью, потянула, но слишком быстро и нетерпеливо, почти сразу разорвав единую полосу. Над головой тихо вздохнули, коротко поцеловали в лоб, снисходительно шепнули на ухо:

— Не спеши, цыплёнок.

Девушка, внутренне поморщившись от досады, повторила попытку, на этот раз успешнее. А вот на «заморозке» запнулась.

— Представь кристаллизацию, вот молекулы движутся хаотично быстро, но постепенно замедляются, выстраиваясь в чуткую структуру в чётком порядке, — чёрный сделала длинную паузу, всматриваясь в творение подопечной, — твёрже, расстояние между молекулами больше. Умница, для первого раза неплохо.

Мишель мысленно фыркнула, довольно осматривая застывшую подобно янтарию полосу. Холод ладоней колдуна уже не ощущался так остро, покалывание и вовсе исчезло, в голову закралась колючая мысль, что умей она это раньше, то так просто Себастиану бы не далась.

— Ну-ну, — проницательно фыркнул колдун, по чувствам подопечной угадав её мысли, — скорее боли бы себе добавила. Я действовал предельно мягко. Поднимись вверх, но ауры не покидай.

Девушка послушно двинулась вверх... и открыла глаза. Сознание полностью проявилось, дар снова ощущался просто теплом в солнечном сплетении. Мишель досадливо поморщилась, низко опустив голову, расфокусировано уставившись колдуну куда-то в живот.

— Промахнулась, — констатировал Себастиан, приподнимая голову девушки за подбородок и поймав взгляд синих глаз, приторно-ласково улыбнулся, отпуская, — а теперь заново. От стены и до первого слоя. Ощущается, как едва заметное касание лебединого пуха, в зависимости же от того, куда попадёшь, усиливаются эмоции. В нашем случае — печаль, тоска. Вариант не очень позитивный, но наиболее простой. Вперёд, цыплёнок.

Девушка фыркнула на этот раз вслух и вновь прикрыла глаза. И вновь промахнулась. А потом ещё и ещё, с каждым разом раздражаясь всё больше и больше, а затем тёмным облаком навалилась тоска, полнейшая беспомощность и удушливое ощущение собственной никчёмности. По спине ласково скользнула тёплая ладонь, Мишель сглотнула, болезненно морщась от распирающих горло слёз, судорожно вздохнула и, качнувшись, упёрлась лбом в место между плечом и шеей чёрного, напряжёнными пальцами цепляясь за его свитер.

Себастиан подтянул воровку к себе, крепко обнял, щекой прижавшись к мягким прядям.

— Тише, цыплёнок, — успокаивающе прошептал, поглаживая подопечную по

спинке, — ты на месте. Попробуй немного... абстрагироваться. Как только ты чётко поймёшь, где находишься и как туда добраться, мы прекратим... на сегодня. А завтра с новыми силами и в мою ауру.

Девушка только судорожно вздохнула, кусая губы и чувствуя медленно побежавшие по горячим щекам слёзы. Печаль сдавливала грудь, вселяла в тело слабость и вялость, а в — разум беспомощность и неуверенность, так что на то, чтобы немного взять в себя в руки у неё ушло время. И не мало.

Первый слой действительно чувствовался лебединым пухом, сейчас удушливой стеной сомкнувшимся вокруг Мишель. Девушка, кое-как развеяв эту стену, осмотрелась, чувствуя, как время утекает у неё сквозь пальцы. Перед закрытыми веками возникла едва видная цветная плёнка, будто затонированная помесью из грязно-синего, неприятно-коричневого и блекло-серого сверху.

Единственное, на что ещё хватило воровку — запомнить общее положение и ощущение, а затем она, разом вырвавшись из этого всё туже сжимающегося комка, самым позорным образом разревелась на плече поглаживающего и шепчущего что-то успокаивающее чёрного. И плакала долго, до тех пор, пока давление в груди не ослабло, а потом и не засосало пустотой. Мишель в последний раз всхлипнула, облизнула солёные губы и изнеможённо прикрыла больные от слез глаза. На секунду отняла губящую голову от плеча колдуна, вслепую закинула затёкшую руку ему за шею и вновь ткнулась горячим лбом обратно, второй рукой крепко обнимая его чуть выше талии.

Как никогда хотелось тепла и спать. Девушка глубоко вздохнула, восстанавливая дыхание, пытаясь унять долбящую в виски боль. Неудачно. На тело навалилась чудовищная слабость, сил не было даже вытереть мокрые щёки, поэтому воровка только, коротко вздохнув, поёрзала на коленях неизвестно когда перетащившего её на себя колдуна, устраиваясь поудобнее, прижимаясь плотнее, голову кладя ему на грудь. Тёплый.

Себастиан мягко приподнял зарёванную мордашку чуть вверх. Девочка недовольно скривила губки, но не проснулась, лишь сильнее сжала веки, спасаясь от упавшего сквозь тонкую кожицу на воспалённые глаза света.

Ну и дитё. Милое, колючее, забавное.

Колдун вздохнул, удобнее перехватив подопечную, медленно встал, наконец выпрямляя затёкшие ноги. Пять шагов, один взмах ладонью, чтобы откинуть покрывало с одеялом, полминуты, чтобы аккуратно раздеть и укрыть и ещё две, чтобы умыться, вернуться, раздеться самому и прилечь рядом, плотно прижав к себе довольно вздохнувшего сквозь сон цыплёнка.

Полдвенадцатого, хорошо засиделись, но девочка талантливая, чувствительная, этого у неё не отнимешь, далеко пойдёт... если выучить. А выучить нужно, быстрее и хитрее, чтобы почувствовала, поняла намеренья родичей и осталась. В благие цели клана колдун не верил, чай не первый год в этих кругах вертится.

Да и привязался он к ней. Жалко, больше же на сегодня планировал, жёстче.

Но не стал, даже понимая цену своей слабости.

Утро началось... поздно, в полдень. Для Мишель, по крайней мере, точно.

Девушка зевнула, медленно, томно потянулась, лениво осматриваясь. Та же темень, чуть развеянная включённым ноутбуком, со словно в насмешку выведенными на экран большими часами.

13:24

Воровка ехидно хмыкнула, ещё раз потянулась и обмякла, прикидывая про себя: поваляться ещё, или всё же хватит? Бурчащий живот сделал выбор за неё, так что, тяжело вздохнув, она откинула одеяло, нехотя села и, на ощупь нашарив тапочки, вяло поплелась умываться, ёжась от прохлады, покусывающей разнеженную теплом и сном кожу.

Вернулась быстро, почти довольно хмыкнула на сегодняшний выбор колдуна: шерстяная юбка по колено, в красно-чёрную полоску гольфы и футболка с лёгкой кофтой на пуговицах поверху. Девушка потёрла ещё влажный лоб, отвела мокрую чёлку с лица и быстренько оделась, а, одевшись, с сомнением покосилась на дверь. Тихо стуча резиновой подошвой по паркету, крадучись подошла к двери, повернула ручку, толкнула и удивлённо приподняла брови, когда дверь тихо, безропотно отворилась.

Интересненько, однако. Мишель вышла из спальни, аккуратно затворив за собою, поёжилась, прижавшись к холодному дереву — холодно, темно, хоть глаз выколи, без чёрного даже как-то страшновато. Девушка в едином порыве смелости быстро оттолкнулась от двери, сделала три порывистых шага, запнулась о первую ступеньку и бодро побежала вверх, облегчённо вздохнув только уже у самой двери. Передёрнула плечами, постаравшись придать лицу спокойное выражение, потянула ручку вниз, толкнула дверь и тут же поморщилась, моргая.

Свет бил по глазам, заставляя щуриться и отводить взгляд к противоположной окнам стене. Мишель, прикрывшись ладонью, быстро вышла из гардеробной, облегчённо вздохнув в более тёмном холле. Задумчиво оглянулась: ну и где его искать?

Искать не пришлось, ибо уже через пару секунд сверху раздался, заставив подскочить и поспешно задрать голову, насмешливый голос Себастиана:

— Неужто встала? А я-то думал, ты до вечера проваляешься.

— А кто виноват? — фыркнула в ответ девушка. — Я есть хочу.

Колдун усмехнулся и быстро спустился, встав напротив воровато оторвавшей от него взгляд воровки. Но что-то, подозрительно напомиравшее любованию, заметил. А Мишель заметила, что он заметил, покраснела и резко развернулась к кухне, намереваясь самым банальным образом сбежать.

И... колдун позволил, мысленно довольно улыбнувшись, и даже дал ей полминуты, чтобы взять себя в руки. Это было приятно, немного неожиданно, но довольно предсказуемо. Себастиан только сейчас понял, что подопечная, в общем-то, ещё подросток, только сейчас соединил в голове образ необученного ребёнка, колючего дикаренка и просыпающейся женщины. И только сейчас понял, что всерьёз хочет её в своей постели, но не сейчас, позже, когда цыплёнок сам примет своё желание.

А Мишель и сама не знала, чего так на мерзком чёрном залипла, просто... ну, красивый он, да и двигается красиво: плавно, гибко, и выбившиеся из высокого хвоста пряди красиво развиваются, блестя на солнце, в тон золоту в ухе и насмешливо прищуренным глазам.

Внизу живота сразу как-то потяжелело, ладони вспотели, в груди задрожало, к щекам прилила кровь.

И почти сразу пришёл стыд, стоило встретиться взглядом с этими самыми глазами. А ведь он понимает не в пример больше её, всё замечает, но молчит. Долгожитель чёртов.

Девушка, остановившись посередине комнаты, тяжело вздохнула, прижала холодные, дрожащие ладони к горящим щекам, прикрыв глаза, попыталась успокоить истерично бьющееся сердце. Получилось не сразу, только во время обеда, когда ёрзающая, краснеющая и старательно отводящая глаза Мишель об этом просто-напросто забыла, увлечшись уж очень вкусным салатом. С мясом, горошком и чем-то ещё, что ни на вкус, ни на вид идентифицировать ей так и не удалось.

А когда вспомнила, Себастиан, совершенно хулиганским жестом спутав ей волосы, мигом согнал всё романтично-стыдливое настроение. Мишель его обфыркала, легко пнула, про себя решив, что разберётся с этим позже, без него под боком.

— Ну что, цыплёнок, — приобнял её за талию уже после помывки посуды колдун, легко подул на растрёпанную макушку, — за учёбу?

Мишель, мигом помрачнев, поморщилась, попыталась разжать руки чёрного на своей талии. Настроение сразу упало на несколько пунктов.

— Ну-ну, — потянул, заметив это Себастиан, — подопытной мышкой сегодня буду я. Ты должна радоваться! Только прошу, — развернул вяло упирающуюся девушку к себе лицом и, за подбородок приподняв её лицо, заглянул в синие глаза, тактично не «заметив» покрасневших щёк, — без самодеятельности, ладно? Себе навредить нужно постараться, но мне-то запросто.

Мишель передёрнула плечами, руками упёрлась колдуну в грудь, тревожно заглянула ему в глаза. Желание учиться окончательно пропало, смытое страхом что-то испортить, случайно задеть (намеренно девушка даже не рассматривала, мысль навредить чёрному таким способом была для неё едва ли не кощунством). Себастиан только мягко улыбнулся, успокаивающе погладил подопечную по спинке:

— Не бойся, я всё подробно расскажу и проконтролирую — это в моих же интересах, — притянув девушку к себе, легкомысленно чмокнул в лоб, — от тебя требуется лишь внимательно слушать и в точности выполнять все указания.

Мишель с трудом ухмыльнулась, чувствуя, как внутри набирает обороты противная, холодная дрожь. Стало страшно; девушка зябко передёрнула плечами, сама шагнула вперёд, скользнув руками по бокам чёрного, под тонкий вязаный свитер, сцепив ладони у него на поясице. Колдун молча положил ладонь на макушку упёршейся головой ему в грудь воровки. Тепло, безопасно.

— Ты такой понимающий, что аж тошно, — спустя полминуты несколько отстранённо обронила Мишель.

Себастиан фыркнул.

— Тебе лишь бы прицепиться.

— Не исключено, — всё так же отсутствующе согласилась Мишель.

— Это потому, что ты вредная, — абсолютно убеждённо заявил чёрный.

— Не исключено, — уже с иной интонацией, ехидно-насмешливой, отозвалась девушка.

— И упрямая.

— Не исключено, — тон воровки стал ещё язвительнее.

— Щас по башке дам, — вопреки словам, почти ласково муркнул колдун, теснее

прижимая к себе подопечную, — зар-р-раза.

— Покусаю, — уже не так уверенно обронила Мишель, как-то внезапно обратив внимание и на мягкость кожи под руками, и на жар плотно прижавшегося тела, и на слабый запах черёмухи и мёда.

Внизу живота как-то непонятно бухнуло, волнами размывая по телу тепло, сердце забилось быстрее, ладони начали мелко подрагивать, поэтому девушка, резко разжав руки, поспешно отступила назад, практически вырываясь из объятий колдуна. Криво усмехнулась, чувствуя, как заливают краской щёки, нервно предложила:

— Пошли?

Чёрный коротко хмыкнул, насмешливо прищурил золотые глазищи. Мишель опустила голову, скрывая ещё сильнее заалевшие щёки, побеждено отвела глаза. Ладно, потом она ещё отыграется. Себастиан отвёл правую руку назад, кажется, зацепившись большим пальцем за задний карман джинсов, мягко приблизился, взял девушку за локоть, потянул в сторону двери гардеробной.

— Опять там? — полувопросительно, но очень уныло пробормотала воровка.

— А где ж ещё? — парировал Себастиан, галантно распахивая перед подопечной дверь. Девушка коротко, с непонятным выражением на него покосилась, нехотя шагнула в холодную, неприветливую тьму... остро чувствуя жар последовавшего за ней колдуна.

Уже не страшно.

Острое дежавю, неловкость и лёгкий страх — вот, что испытывала Мишель, вновь сидя на чёрном, ногами упираясь в пол, коленями обхватив его бедра. Тот же ковёр, тот же мягкий, тусклый свет от камина, тот же полумрак просторной спальни... те же жёлтые глазищи напротив, буквально в пяти сантиметрах, те же горячие ладони на спине. Девушка облизнула внезапно пересохшие губы, вопросительно приподняла брови.

Себастиан улыбнулся, легко, не сдвигая ладонь, погладил пальцами нежную кожу.

— Это легко, особенно когда... — чёрный коротко запнулся, с каким-то непонятным выражением хмыкнул, — партнёр без щитов. Я снял, но потом верну, — фыркнул, улыбнулся, — частично. Попробуешь обойти. Начнём со зрения — трудно работать с тем, чего не видишь. Как думаешь, как я тебя вижу?

— Корзинка жрачки? — пожав плечами, неловко предположила Мишель.

— Не совсем, — насмешливо скривив губы, отозвался колдун, легко провёл пальцами по щеке чуть отклонившейся назад от прикосновения девушки, — ты очень вкусно пахнешь, сладко, свежо, и словно окружена лёгкой, золотистой дымкой, твой дар искрами блестит у тебя в глазах, периодически пробегает током по волосам, перламутрово переливается на коже. Это красиво, действительно красиво, цыплёнок.

— Ну-ну, — недоверчиво потянула Мишель, немного смущённо отводя глаза.

— Сама увидишь, — снисходительно фыркнул на её недоверие колдун. — Учиться будешь на мне, так что для начала небольшое предупреждение: на мне полуфизическая иллюзия, настоящая цветовая гамма несколько... иная. Так что не пугайся.

— Хорошее, однако, начало, — пробормотала в сторону Мишель, тем не менее не на шутку заинтересовавшись, покосилась на Себастиана, резко выпрямилась, облизнулась, с всё сильнее разгорающимся азартом усмехнувшись — н-ну? Начинаем? Что делать-то?

Чёрный только насмешливо улыбнулся на её нетерпение, мысленно порадовавшись удачной манипуляции. Под настороженным взглядом приподнял свитер, взяв руку

подопечной, прижал маленькую ладошку к собственному солнечному сплетению, вторую устроил на своём лбу. Обняв за талию, устроил ладони на голой пояснице девушки. Послушно замершая в навязанном положении Мишель вопросительно выгнула бровь, щёки её вновь окрасились едва заметным румянцем, дыхание немного сбилось.

— В глаза смотри, цыплёнок, — скомандовал колдун, — окрасились в чёрный — ты достигла цели, молодец, минула иллюзию, увидела истинную сущность. Вперёд.

— Ну-у, — послушно уставившись в золотые глаза, потянула Мишель, — просто смотреть?

— Можешь представить погружение, — пожал плечами Себастиан, ободряюще улыбнулся.

Сперва у Мишель не получалось, совсем не получалось, она то и дело отвлекалась на яркую, замысловато разукрашенную радужку, периодически порхающие вверх-вниз густые ресницы, мелькающую на тонких губах едва заметную улыбку. Внизу живота уже ощутимо потягивало, жаром разливаясь по всему телу.

Девушка тихо вздохнула, окончательно поняв, что сосредоточиться не удастся. Совсем. Не в том приподнято-возбуждённом состоянии, по крайней мере. На секунду прикрыла глаза, разрывая зрительный контакт, воскрешая в памяти воспоминание, припоминая то тяжёлое, тягостное ощущение загнанного в угол зверька.

"Ну что, блядинка, поговорим?" — ухмыляется парень, демонстративно закатывая рукава.

"Глядишь, мнение своё поменяешь", — радостно поддакнул второй.

Мишель прищурившись, отступила назад, лапотками упираясь в не совсем чистую, противно холодную плитку. Воняло мочой, тускло-жёлтый свет под потолком мигал, навевая совсем уже безрадостные мысли, добавляя ситуации какую-то иррациональную жуть. Девки за спиной пацанов мерзко захихикали, зашущукались, затыкали в неё пальцами. Изнутри поднялось гадостное, тяжёлое ощущение, сжимая рёбра в плотных тисках, сбивая дыхание, скручивая желудок в канат. Мишель заставила вздёрнуть подбородок, сбрасывая сковавший тело ступор, вызывая ухмыльнулась, прямо глядя на зачинщицу, понимая, что бить, говори не говори, будут:

— Сутенёрам пожаловалась, крыска? — выделила голосом последнее слово, зная, как бесило это соперницу.

И действительно, итак не очень симпатичное, вытянутое лицо скривила безобразная гримаса, Лариска взвизгнула, матюгнулась и кинулась вперёд, между пацанами.

Мишель проворно увернулась от острых, наращённых ногтей, ногой пнула её в колено, краем глаза следя со сдвинувшимися с места «сутенёрами». От первого кулака увернулась, второй едва не поймала плечом, третий вскользь скользнул по подбородку, разбивая губы.

А потом пошло хуже: тупая боль, размытое пятно слева, острая боль в располосованной ногтями руке, затем боль уже от локтя, врезавшегося в правую бровь, звёздочки в глазах, жёсткие руки, до костей впившиеся в плечи и громкий, раздражённый голос, принёсший с собой облегчение на грани обморока. Все замерли, тяжело дыша, где-то в углу шипела получившая в общей суматохе по голове Лариска, жалась к стене её трусливая подружка. Мишель кое-как переведя дыхание, ухватила за запястье сжимающего её плечо блондина, впиваясь глазами в приоткрытую дверь, напряжённо вслушиваясь в эхо тяжёлых шагов...»

Настроение сразу же упало, приобретая мрачно-озлобленный характер. Девушка открыла глаза, передёрнула плечами, уже с иным выражением посмотрела в выжидающие

шурящиеся золотые глаза. Получилось со второй попытки, воровка словно провалилась в тёмный колодец, холодный и неудобный, плотной тьмой лишивший зрения. А вот когда оно прояснилось, медленно, нехотя, пятнами... Мишель едва не упала назад, удержали лишь напрягшиеся вокруг талии руки.

Чёрный выглядел... чёрным. Чёрные радужки, чёрные волосы, сероватый цвет лица, на висках проглядываются тёмные нити вен. Взгляд тяжёлый, где-то в глубине зрачков клубится тьма. Страшно.

— Ну ты, — кое-как справившись с голосом, задушено прохрипела воровка, отклоняясь назад, вздрагивая от пробежавших по спине крупный мурашек, колючих, холодных, — жуть.

Колдун усмехнулся, у девушки что-то тяжело бухнуло в животе.

— Страшно?

— Ещё чего, — Мишель фыркнула, боязливо протянув руку, скользнула пальцами по челюсти Себастиана, — страшный, як смерть. Почему жёлтый? — резко сменила тему, уже смелее опуская руку на его плечо.

— Не знаю, — колдун пожал плечами, — нравится.

— И все такие?

Он молча кивнул. Девушка наморщила нос, протяжно повторила:

— Жуть, — закусил губу, коротко поёрзала, устраиваясь удобнее. — Что дальше?

Себастиан коротко улыбнулся, притянул Мишель ближе, почти вплотную, мягко прогнув в спине. Девушка недовольно наморщила нос, локтями упираясь ему в грудь, ладони положив на плечи. Тихо вздохнула, переведя дыхание, стараясь скрыть пробежавшую по телу дрожь.

— Я сейчас накинул щит, один. Этакая обманка, сверху наведённые эмоции, потом слой силы и уже настоящие. На первый раз предупреждаю, твоя задача сейчас посмотреть и запомнить, потом я установлю ещё несколько таких, только достигнешь (и поймёшь, чего достигла!) настоящих — занятие окончено, молодец.

— Обнадёживающе, — пробормотала девушка, с некоторым замешательством потеряв лоб. — Кстати... а где я была-то?

— На границе второго и третьего слоя, — чёрный насмешливо фыркнул, — хорошо, что ты спросила об этом, прогресс, однако.

— У меня такое ощущение, — воровка запнулась, пытаясь лучше сформулировать ещё расплывчатую мысль, — что ты знал, что у меня получится... легко, в смысле, что я не промахнусь.

— Есть те, кто не долетает, а есть те, кто перелетает, золотая середина редка, очень. Ты явно относишься ко вторым, это стало понятно ещё неделю назад. Проникнуть в третий слой сложно, так что неудивительно, что ты споткнулась.

Мишель молча передёрнула плечами, фыркнула, кончиками пальцев коснулась живота колдуна, сквозь вновь упавший свитер, вопросительно насмотрела на Себастиана. Тот только отрицательно качнул головой, отвёл руку подопечной, вернув её обратно на своё плечо. Девушка тихо вздохнула, выпрямила спину, прямо посмотрела во вновь пожелтевшие глаза.

В первый раз девушка промахнулась, невольно вздрогнув, когда расцветка колдуна вновь изменилась. На этот раз преграда, о которой говорил чёрный, почувствовалась. Почувствовалась упругой, сплошной преградой, мягко оттолкнувшей назад. В следующие полчаса Мишель не раз билась об неё, с каждым ударом злясь всё сильнее, вследствие чего теряя даже те мизерные успехи, которые уже достигла. Колдун только душераздирающе

вздыхал, порой морщась от боли, но вскоре не выдержал, мягко отстранил девушку, отвёл взгляд от проясняющихся синих глаз.

— Брейк, всё, хватит меня дубасить, — медленно поднялся, слегка морщась от покалывания в затёкших ногах, поднял и поставил и подопечную, — продолжим через час, после ромашкового чая и мёда.

Мишель только опустила голову, виновато ухмыльнулась, робко приобнимая колдуна за талию, устало упёрлась лбом ему в грудь. В теле бродила противная слабость, в душе — раздраз.

Через час девушке полегчало. Полегчало настолько, что она начала вновь бросать на колдуна задумчивые взгляды. Ошибки Мишель проанализировала, учла и просто таки жаждала их исправить. Чёрный только чуть улыбался, мелкими глотками осушая чашку с ромашковым настоем, из-под густых ресниц хитро поглядывая на заёрзавшую подопечную и нарочно придерживаясь отвлечённых, далёких от интересующих её тем.

Воровка не выдержала первой, просто в какой-то момент, под дерзким порывом, передёрнула плечами, раздражённо фыркнула, оставила чашку и резко поднялась на ноги.

— Долго ещё будешь играть?

— Моя ж ты нетерпеливая, — Себастиан насмешливо улыбнулся, поднёс чашку к губам, — здесь или в спальне?

— Здесь? — несколько растерянно переспросила девушка, оглянувшись.

— А почему нет? — чёрный пожал плечами, поставил чашку на столик, встал, медленно, с явным наслаждением потянулся.

— Ну... — потянула Мишель, оглядывая библиотеку, светлую из-за ярко горящих под потолком люстр, просторную, шумную из-за включённого телевизора, — а, может... в спальне? — и быстро добавила, словно оправдываясь: — там камин!

— Так даже лучше, — колдун довольно улыбнулся, протянул девушке раскрытую ладонь.

На что та нахмурилась, тревожно облизнувшись и пристально глядя в тёплые золотые глаза, нерешительно коснулась её центра внезапно похолодевшими и едва заметно дрожащими пальцами.

А уже через минуту, вновь уцепившись пальцами за его плечи и маково краснея, ёрзала в попытке поудобнее устроится у него на коленях. Себастиан только хитро улыбался, то и дело как бы случайно скользя ладонями по бёдрам и талии подопечной. Мишель манёвры замечала, но одёрнуть так и не решилась, глядя в кристально честные глазищи. Наконец, устроившись в почти идентичной недавней позе, раздражённо фыркнула:

— Знаешь, у кого самые честные глаза?

— Ага, — колдун нагло ухмыльнулся, сняв мелкую ладошку со своего плеча, положил её себе на лоб, прямо ловя взволнованный взгляд синих глаз, — начинай.

В этот раз дела пошли лучше, гораздо лучше, настолько, что на пятый раз девушка даже мимолётно почувствовала лёгкий холодок чужого снисхождения. НАСТОЯЩЕГО снисхождения. И хотя чувство ей не понравилось, девушка наконец обрела то, что искала — тот якорь, указатель, который не даст вновь пролететь мимо.

Дальше было легче: медленно погрузиться, зацепиться за уже знакомый холодок и, не обращая внимание на лёгкий, предупреждающий хлопок по бедру, целеустремлённо ринуться вперёд, сминая слабые преграды, на ходу выстраиваемые задохнувшимся от боли

колдуном. Где-то глубоко заворочалась, но тут же смолкла под лавиной чужих чувств совесть.

Перед глазами замелькали яркие полосы, периодически девушка влетала в них, обжигаясь то холодом трезвого расчёта, то вязким жаром желания, сбиваясь от фейерверком взрывающихся перед глазами образов.

«Продолговатые листья перед глазами, уже свернувшиеся осенними трубочками, пожелтевшие, редкие на толстых, изломанных ветвях. Лёгкое злорадство, тёмная радость и зудящее нетерпение, заставляющее слегка провести ногтями по толстой коре старой яблони».

Мишель едва выпуталась из навязчивых образов, тёмным, вязким сиропом потянувшихся следом за ней. И тут же влетела в следующий пласт воспоминаний-чувств.

Тонкое, напряжённое тело в руках, приятное тепло под руками, взволнованное, сбитое дыхание борющейся с агрессивным блоком девчонки. Едва заметный, пробивавшийся сквозь морозную свежесть сладковатый, молочно-йогуртный запах.

Размытые картинки на экране, сопровождающиеся уверенным ожиданием, сменившимся лёгкой досадой и насмешкой, стоило его маленькому хранителю чуть дёрнуться, легко пиная пластиковую панель. Лёгкий импульс, так, чисто в качестве профилактики. "Ишь ты, верная... и смелая".

На это раз выбралась девушка куда увереннее, чувствуя, что времени у неё остаётся в обрез. Преграды на пути стали попадаться чаще, порой неприятно ударяя в грудь, на мгновение вышибая дыхание и лишая ориентации. Левитировала на этот раз воровка старательнее, не желая попросту терять драгоценные секунды и в следующий пласт влетела уже намеренно.

«Мягкий полумрак, лёгкое сожаление, слегка горькое, кислое, оседающее уксусом на кончике языка. Ожидание, тёмной, тяжёлой сладостью скопившееся внизу живота. Тихая нежность, лёгкое отвращение к предстоящему, желание защитить и укрыть. Ледяной кубок в руках».

Досматривать Мишель не стала, усилием воли вырвавшись, понеслась дальше, про себя отмечая, что общая цветовая гамма эмоций колдуна с её появлением изменилась и уплотнилась. Дальше, чувствуя, что передвигаться стало сложнее, воровка заскользила поверхностнее, избегая вязких образов и воспоминаний, считывая лишь чувства и далёкий отзвук особо ярких мыслей.

«Красивая...»

Жаркое желание, жажда обладания, лёгкая, мутная, ещё неясная ревность и злость на «коллег», жадно обгладывающих его маленького хранителя глазами. Спрятать, укрыть и никогда никому не показывать.

«Жалко, не замкнулась бы».

«Бестолочь!»

Раздражение, страх, желание выхватить опасную игрушку из глупых ручонки, перегнуть через колено и выпороть, чтобы не лезла туда, куда не надо. Лёгкая насмешка, приятное тепло с едва заметной ноткой вожделения, чёткое намерение успокоить и укрыть. Щекоткой разлившееся по телу уже подзабытое смущение, приправленное удовольствием от похвалы. Покой.

Умиление, вновь пронизанное нитью желания, раздражение, острое нежелание делиться, нежность, вновь раздражение, страх потерять, сильный, холодным комом застывший над

сердцем.

«Моя!»

Вновь нежность, лёгкая насмешка, покровительственная опека, опять раздражение, короткий всплеск ярости и восхищение, смешанное с досадой и злым весельем, вылившиеся в вождение, яркое, как никогда острое и сладкое...

«Хочу!»

На этом месте девушку жёстко выбило из чужой ауры, на пару мгновений оглушив. Очнулась она уже лёжа спиной на ковре, грубо, но аккуратно сброшенная чёрным с колен. Раздался, заставив Мишель вздрогнуть, окончательно проясняя её сознание, громкий грохот зло, со всей силы захлопнутой двери.

Воровка устало выдохнула, прижав правую ладонь к холодному лбу. Прикрыла глаза. Вины она за собою не ощущала, но с колдуном придётся мириться. Чувства смешались непонятным клубком, но ярче всего сияло облегчение — не игрушка. Внутри чуть подрагивало слабостью и отхлынувшим адреналином, обухом по голове свалилось осознание произошедшего и вновь облегчение, уже иного рода. Получилось.

Девушка тихо вздохнула, глупо, счастливо улыбаясь. Не игрушка.

Выйти Мишель решила только через полчаса, здраво дав Себастиану подостыть. С лёгкой дрожью, ёжась, вышла в тёмный коридор, быстро взбежала по лестнице, толкнула дверь, с облегчением отметив, что та не заперта.

Себастиан обнаруживаться не хотел. Совсем. Девушка дважды оббежала дом, поздоровалась с Яной на кухне, с Александром в тренажёрной, полюбовалась на меланхолично гребущего листа Алексея из окна коридора и... так и не нашла чёрного. Огорчённо вздохнула и пошла на второй круг, на этот раз на всякий случай спустившись в спальню и коротко, мимолётно выглянув на улицу.

А вернувшись обратно в холл, передёрнула плечами, обхватив себя руками, потерянно оглянулась. Настроение у воровки упало ниже плинтуса, подросла совесть, затирая только распробованное ею спокойствие и радость. Мишель тихо вздохнула, посмотрела в сторону кухни, с которой доносился тихий звон посуды.

Заходить в комнату девушка не стала, лишь прислонилась плечом к косяку арки, дожидаясь, когда её заметят. Заметили быстро: Яна вздрогнув, оглянулась, расплылась в облегчённой улыбке.

— Ты прям как хозяин, — фыркнула, сполоснула тарелку, поставила на сушилку, — тоже подкрадываешься, как мышка.

Мишель криво усмехнулась, несколько неловко начала:

— О хозяине... ты его не видела?

— А что? — уже заинтересованно посмотрела на неё девушка.

— Мы несколько э-э... — воровка замялась, пристыжено опустила глаза, — поссорились, он обиделся и удрал.

— Обиделся? — с искренним удивлением переспросила Яна, стягивая перчатки и поворачиваясь к ней лицом, опёрлась попой о стол. — Чтобы обидеть Себастиана нужно, конечно, постараться.

— Заслужил, — мигом оцетинилась коллочками воровка.

— Я знаю, — служанка подняла ладони, примиряюще улыбаясь, — знаю, что хозяин далеко не пушистая лапочка, коей выглядит. Эти странные собрания, твоё появление, строжайший запрет спускаться в подвал... кстати, не намекаешь, что там? Всегда было интересно.

— Спальня, — девушка растерянно пожала плечами, кабинет, ванная, гардеробная. Интересно, но никаких трупов... настоящих, по крайней мере.

— Настоящих? — Яна коротко приподняла брови, покачала головой. — Ладно, чего мы стоим? — оттолкнулась от стола. — Давай я чай налью, и мы нормально поговорим. Проходи, садись за стол.

Мишель неловко помялась и нерешительно прошла вперёд, присела. Перевела взгляд на засуетившуюся служанку. Послышался свист чайника.

— Тебе помочь?

— Неа, — Яна на секунду оглянулась, усмехнулась, — забей.

Через пару минут перед девушкой уже опустился поднос с двумя чашками чая и пиалой конфет. А уже через полминуты Яна присела напротив, небрежно отпихнув поднос вглубь стола.

— Так чего вы поссорились? — аккуратно начала она.

— Ничего, — дёрнула плечом Мишель, утыкаясь взглядом в кружку, — не сошлись во мнениях. Кстати, как ты оказалась в этом доме? Станный выбор для молодой девушки —

особняк посреди леса.

— Случайно, — девушка наморщила нос, дёрнула плечом, — нам (Себастиан говорил, что мы с Алексеем родственники? Двоюродные брат с сестрой, если точнее) тогда в очередной раз в работе отказали — образования нет, прописки тоже, условный срок. Мы ж сироты фактически, мой вечно мертвецки пьяный папаша не в счёт, лучше бы его вообще не было; у Лёшки и вовсе никого, родители в катастрофе, когда ему было семь, разбились, родственники как-то быстро испарились... кроме бабки, которая его хоть и не любила, но забрала и благополучно скончалась за два дня до его совершеннолетия, оставив с кучей долгов по квартплате и жуткой ненавистью к квашенной капусте, — тут Яна слабо улыбнулась, глядя куда-то на дно стакана. — Квартиру вскоре отобрали, не за долги, нет, не имели права... вернее, за долги, но не по квартплате. Какие-то «кореша» отца, которым он задолжал крупную сумму. Так мы остались на улице; «домой», — служанка с каким-то особенным, горьким отращением выделила это слово, — Лёшка меня не пустил (за что ему огромное спасибо); два месяца по друзьям, каким-то мутным комнатухам скитались, а потом его уволили. Вот так, взяли и уволили, — Яна зло поджала губы, — без предупреждения, ещё утром полы в той убогой кафешке мыл, а уже вечером, почти ночью, выпнули, отказавшись выплачивать деньги за месяц работы. Я тогда как раз девятый класс закончила, числа двадцатые июля были, тоже побежала работу искать, но не брали. Малолетка, ещё шестнадцати нет, с условкой за кражу, — последние два слова девушка буркнула словно через силу, из-под полуприкрытых ресниц внимательно следя за реакцией собеседницы.

Мишель только чуть приподняла брови, заинтересованно склонила голову к плечу. Яна облегчённо улыбнулась, отпила, смачивая горло и продолжила рассказ:

— Мы тогда оба устраиваться пошли, договорились встретиться в сквере, где провели последнюю ночь. Как я уже говорила, нас не взяли, — служанка внезапно вскинула голову, усмехнулась, — представь: сидят на лавке два нахохлившихся тощих подростка, голодные, явно из неблагополучной семьи, по виду жители колонии для несовершеннолетних, злые и раздражённые, рядом два потрёпанных, пузатых рюкзака... ты бы остановилась?

Мишель встрепелась, поняв, что вопрос адресуется ей, моргнула и честно помотала головой. Сама недавно такой была, но себе подобных всё же старалась избегать. По себе же и судила — отобрать всегда легче, чем заработать.

— Себастиан остановился. Подошёл, правда, не сразу, минуты две стоял, рассматривал, мы даже тихо беситься начали, ибо... бесит, когда таращатся. Это уже в потёмках было, а теперь представь нашу реакцию, когда он подошёл ближе: высокий, волосы жёлтые, глазщи жёлтые, даже в полумраке ярко и как-то нехорошо блестящие. Одет странно, как дедушка мой одевался, вид немного растерянный и оглушённый, но даже в таком состоянии отдающий неясной угрозой. Мы перепугались тогда, честно сказать, Лёшка сразу вскочил, меня загородил. А Себастиан ухмыльнулся и предложил переночевать у него, только предупредил, что дом за городом. Не знаю, чего согласились, скорее от отчаяния и глупой уверенности, что в случае чего сможем себя защитить, — Яна даже фыркнула, с ироничной усмешкой покачала головой. — За городом, за городом... в лесу, а не загородом, мы едва стрекача в ту же ночь не дали, всё подлянки ждали, запершись в одной из спален (она сейчас Лёшкина). А на утро Себастиан уселся на пыльный диван и отказался отвезить нас обратно... а знаешь почему? — с лёгким возмущением спросила служанка.

— Из вредности? — предположила Мишель.

— Лениво ему видите ли! Лениво! Лениво завести машину и порулить с полчаса, — Яна отставила стакан, откинулась на спинку стула, агрессивно скрестив руки под грудью, — на наши возмущения лишь закатил глаза и предложил прогуляться до города пешком. А затем и вовсе сбежал, запершись в подвале. Стоит сразу сказать, что дом был в заброшенном состоянии: всё пыльное, явно давно немытое, засохший сад, прилежащая территория завалена ещё прошлогодними листьями... только розы цветут, те — большие, чайные. Странно, но красиво, а мы без дела сидеть не привыкли, дом облазили, кое-что почистили, помыли. Себастиан явился только к обеду следующего дня; стоит сказать, что на тот момент ничего, кроме консервов, на кухне не было, и мы уже сутки давились рыбой и тушёнкой, что, как ты понимаешь, настроения не добавляло. Удивлённо хмыкнул на отмытый пол первого этажа и сходу предложил остаться в качестве прислуги. Так и сказал, з-з-араза. Знаешь, — внезапно как-то очень задумчиво потянула Яна, подняв взгляд к потолку, — мы сомневались. Лучшей альтернативы на тот момент не было, а тут крыша над головой и нормальная еда в перспективе. Кое-как подняли его с дивана свозить за продуктами, предварительно потребовав обещание, что насильно держать он нас не будет. Оплатил всё без пререканий, как-то отстранённо, равнодушно, хотя набрали мы много — всякой ерунды в том числе. Ну, а дальше потянулись будни; я осваивала готовку, Лёшка был выпнут в край задолбавшимся Себастианом на курсы вождения. Я не жалею, только... — девушка запнулась, несколько смущённо почесала кончик носа, — хотелось бы таки доучиться, да мир повидать, немного поднадоело в четырёх стенах посреди леса сидеть. Между нами, девушками, — Яна покраснела, отвела глаза, тихо пробормотала: — У меня и отношений-то ещё не было, в мой-то двадцать три. Думаю ещё поднакопить и отпроситься «погулять» на пару лет. Совсем я этот дом покидать не хочу, он мне роднее, чем отчий. Думаю, Себастиан уступит, я даже замену себе сама подыщу, ты-то, — служанка приподняла уголки губ, глянула из-под полуопущенных ресниц, — убираться не станешь.

Мишель прищурилась, передёрнула плечами, ухмыльнулась:

— Ещё этого не хватало.

Яна разом погрузилась, как-то разом обмякла, виновато отвела глаза:

— Ты... прости.

Воровка удивлённо приподняла брови, нахмурилась:

— За что?

— Я ведь видела... — Яна запнулась, тяжело вздохнула, — что ты здесь... не совсем добровольно. И не решилась помочь... я... Себастиан...

— Расслабься, — поморщившись, посоветовала Мишель, — оно того не стоит. У тебя бы всё равно ничего не получилось бы, рассказывать я об этом не буду, но скажу, что всё сложилось не так уж и плохо.

— Тогда что-то случилось, да? — всё также виновато, но уже более твёрдо предположила Яна, подняв на воровку серьёзный взгляд. — В ту ночь, когда нас втроём выпнули из дома. Что-то не очень хорошее, я видела следы ещё четырёх разных протекторов, здесь был кто-то... — Яна на пару секунд задумалась, — кроме тех двоих, которых мы уже застали.

— Тех двоих? — с лёгким интересом переспросила Мишель.

— Ага, — девушка кивнула, поморщилась, — жуткий тип с шикарной косищей и избалованная язва. Они были уже здесь; первый — один раз, ещё семь лет назад, они с хозяином тогда на целый день в библиотеке заперлись, кажется, даже ругались (но вышли, в

любом случае, оба вполне довольные), на ночь он останавливаться не стал, сразу уехал... но глазами зыркнул, жуть. Второй каждый год приезжает и остаётся до тех пор, пока Себастиан не выпнет, а это, между прочем, от пары дней до месяца. Бр-р, — Яну передёрнуло, — мерзость, впервые испытываю столь дикое желание приласкать кого-то кирпичом.

— Ну да, — Мишель согласно хмыкнула, — гадость.

— Они странные, — доверительно поделилась служанка, — и Себастиан странный, но уже привычный, родной, а эти жуткие. Есть в них троих что-то общее — тёмное, нехорошее. Когда Кайл гостит, — последнее слово Яна будто выплюнула, — происходят противоестественные вещи (двери там сами открываются, закрываются, предметы перемещаются, растения вянут, электроника портится), ещё и цепляется постоянно. Хорошо, что он в этот раз быстрее уехал, кажется, — девушка прямо посмотрела в глаза собеседницы, — это из-за тебя.

— Слава мне, — воровка криво ухмыльнулась, — то есть, Себастиан тебя не напрягает?

— Нет, — служанка удивлённо приподняла брови, — говорю же, привыкла уже, да и изменился он, а с твоим появлением и вовсе очеловечился. Из реальности уже не выпадает, в потолок по несколько часов не таращится, даже не переспрашивает по десять раз. Знаешь, мы тогда с большим трудом его из этой апатии вытащили, да не до конца. Мне совестно, но я рада, что ты появилась в его жизни. Так чего вы поругались?

— Ничего, — мигом скисла Мишель, передёрнула плечами, — заслужил. Я не жалею о том, что сделала, но сожалею, что причинила ему боль. Как раз искала, чтобы извиниться, — девушка потерянно оглянулась, — а нигде нету.

— Ну, — Яна с сомнением потёрла затылок, — мне кажется, хлопнула дверь в зимний сад. Но я не уверена! — поспешно добавила, не жалея понапрасну обнадёживать тут же приободрившуюся воровку.

Мишель фыркнула, поспешно встала, оставив стакан.

— Подожди! — следом вскочила Яна, в два шага нагнала уже развернувшуюся к выходу девушку.

До двери в зимний сад они дошли вместе. И вместе же замешкались, Мишель оказалась смелее (или, скорее, отчаяннее). Девушка медленно повернула ручку, вздрогнув, когда дверь чуть отворилась. Мигом растеряв всю решимость, потерянно оглянулась на Яну, на что та ободрительно улыбнулась, легко погладила воровку по плечу.

Мишель в последний раз глубоко вздохнула, нервно стиснула пальцы на прохладном металле, потянула на себя. Петли чуть скрипнули.

Девушка тихо зашла в комнату, бесшумно прикрыв за собою дверь, не сводя взгляда с профиля по-турецки сидящего на пыльном полу колдуна. Нерешительно остановилась в паре шагов, облизнула губы.

— Прости меня.

Чёрный язвительно скривил губы, не поднимая на неё глаз.

— Зачем ты извиняешься? Если не чувствуешь вину?

— Я... — Мишель запнулась, едва удержав рвущуюся с языка ложь, — не хотела сделать тебе больно.

— Снова врёшь, — меланхолично заметил Себастиан, — очень даже хотела.

Девушка мимолётно закатила глаза, едва подавив раздражение. Прикусила губу, пытаюсь сформулировать ещё размытую мысль, червячком грызущую её изнутри.

— Я... не хотела таких последствий. Я что-то повредила?

— А вот теперь не врѣшь, — колдун тихо хмыкнул, — не повредила, скорее перемешала, вытащив наружу то, о чём я предпочёл бы забыть. И почти забыл, если бы не ты.

Воровка вздрогнула от едва уловимых в деланно спокойном голосе обвиняющих ноток. Поѣжилась, растерянно застыла, пусто смотря в стену над головой чёрного. Взволнованно сжала в руках подол кофты, только сейчас в полной мере поняв, что сделала. Но всё равно не сожалела. Тихо вздохнула, медленно, осторожно ступая, подошла к нему, опустилась на колени за спиной, мягко обняла, грудью чувствуя тут же закаменевшую спину, ткнулась носом в шею, чуть ниже роста волос. Уже почти безнадёжно шепнула, прикрыв глаза:

— Извини.

Себастиан глубоко вздохнул, сжал холодную ладонь подопечной, немного расслабляясь:

— Не извиняйся, если не чувствуешь вины. А ты сейчас её не чувствуешь, ты довольна, ты рада, — чёрный потянул её за руку, плотнее прижимая к себе. — Это немного обидно.

Девушка только крепче обняла его, откровенно не зная, что можно на это сказать.

— Ладно, нелепо обвинять хомячка, что он цапнул просунутый между прутьев палец, — уже со свойственной ему усмешкой в голосе съехидничал Себастиан.

Мишель раздражѣнно фыркнула, сильнее сжала руки, чуть придушив колдуна. Однако на душе у неё полегчало, внутри разлилось мягкое, уютное тепло.

— Простил? — всё же решила удостовериться воровка.

— Простил, простил, — утомлѣнно подтвердил колдун, видимо, смирившись с тем, что мысль его она так и не поняла.

— Ну и замечательно! — обрадовано муркнула девушка, бодро выпрямилась, однако не отняв руки от шеи чёрного. Плаксиво пожаловалась, оглядываясь: — У меня уже колени болят, какого мы на полу сидим?

— Диван пыльный, — озвучил очевидное Себастиан.

— А пол, типа, не пыльный, — скептически буркнула воровка, оглянувшись на уже перепачканную юбку.

Чёрный только ехидно фыркнул. Девушка вздохнула, посмотрела на тот самый «особенно» пыльный диван. Диван как диван, даже на вид мягкий, небольшой, двухместный, тепло-орехового оттенка. Рядом кресло, а перед ним круглый стеклянный столик с одиноко лежащей с краю книжкой. Здесь было красиво, уютно... когда-то. До того, как от многочисленных растений не остались лишь ссохшиеся, съѣжившиеся скелеты; занавеска на окне не выщвела до невнятно-серой тряпки, а любую хоть мало-мальски горизонтальную поверхность не покрыл несколько сантиметровый слой пыли.

Мишель недовольно наморщила носик, разжала руки, с трудом поднялась, морщась от боли в коленях. Колдун встал следом, лениво отряхнулся, поймал шагнущую к выходу подопечную за талию. Девушка было уже возмущѣнно открыла рот, но тут же захлебнулась вздохом, когда по комнате прошѣл тѣмный, едва уловимый шлейф, утянувший за собою всю пыль, осевший маленький торнадо в протянутой вбок руке Себастиана. Мишель резко развернулась, левым боком прижавшись к колдуну, несмело, взглядом спросив разрешения, коснулась плотного, будто заключѣнного в чуть мерцающую оболочку, шарика. На ощупь он оказался чуть тѣплым, упруго-твѣрдым.

— Кру-у-уто, — искренне восхищѣнно потянула воровка, продолжая скользить пальцами по гладкой поверхности.

Себастиан фыркнул, в два шага преодолев расстояние до дивана и фактически протащив

подопечную следом, с размаху шлёпнулся на мягкие подушки, утянув туда же и пискнувшую девушку. Небрежно швырнул шарик с пылью на столик, где тот, прокатившись, в итоге врезался в книгу. Мишель проводила его тоскливым взглядом, раздражённо покосившись на усмехающегося чёрного, с трудом одёрнула задрвшую юбку, поёрзала на его твёрдых бёдрах, сев полубоком, откинув голову на плечо колдуна. Себастиан улыбнулся, обнял её под грудью, подбородком прижавшись к чёрным прядям. Сразу стало тепло и спокойно.

— Доперетаскиваешься, — лениво заметила девушка, — скоро ходить откажусь, на руках таскать будешь.

— Ты только слишком не толстей, — насмешливо отозвался чёрный, — а то я не утяну.

— Подкачаешься, — в тон ему фыркнула Мишель, устало прикрывая глаза.

— Спать уже хочешь? — не скрылось её состояние от колдуна. — Ладно, давай накинём на тебя пару щитов, поужинаем и ляжем отдыхать.

Девушка на предложение нахмурилась, открыла глаза, посмотрела в окно, только сейчас обратив внимание, что комната медленно погружается в полумрак, а из-под тонких занавесок пробиваются красноватые закатные лучи.

— Как думаешь, сколько времени? — отстранённо поинтересовалась, положив свою руку поверх рук чёрного.

— Около шести, — уверенно ответил Себастиан, тоже посмотрев в окно, — осень, темнеет рано.

Щёлкнул выключатель, над потолком ярко загорелась лампочка. Девушка вздрогнула, зажмурилась, спасая глаза от слишком яркого после темноты света. Мстительно царапнула колдуна ногтями. Сил удивляться (да и нечему, после пыли-то) и злиться уже не было.

— Может, щиты завтра? Я устала, — пожаловалась, открыв глаза и сильнее запрокинула голову, заглядывая чёрному в лицо.

— Нет, — Себастиан мягко улыбнулся, разжал руки на её талии, — а завтра сделаем небольшую передышку, кабинет разберём. Повернись-ка ко мне мордашкой, удобнее будет.

Воровка только поморщилась, нехотя, лениво приподнялась, перекинула ногу, упершись коленями в диван, попой сев на чёрного. Выгнула бровь, прикрыв рот ладонью, зевнула. Колдун усмехнулся.

— Ну-ну, поменьше мученичества в глазах. Это быстро и легко.

И ведь не солгал. Десять минут и девушка, позабыв про сон, радостно улыбается, с первой попытки сформировав первый щит, на границе первого и второго слоя. А уже через пятнадцать вскакивает с колен колдуна, закончив со вторым, на этот раз поверху первого слоя. Себастиан только снисходительно улыбнулся и, вновь обняв подопечную, потянул её к кухне.

Вот дитё.

Вечер прошёл тихо и быстро, за очередным (на этот раз найденным колдуном) фильмом. А ещё очень уютно и тепло, особенно когда Себастиан, устав сидеть, завалился рядом с девушкой на так и не убранный ковёр. Причём завалился частично на нее, устроив голову на коленях подопечной, на что та только фыркнула, щёлкнула его по лбу и вновь перевела взгляд на экран.

Фильм оказался хоть и старым, но очень интересным.

Спала в тот день девушка чутко, поверхностно, порой просыпаясь от неясного чувства надвигающейся угрозы, что в итоге вылилось в дикую разбитость и долбящую, настойчивую

мигрень поутру. Так что за завтраком Мишель была крайне раздражённая, вялая и злая, что сразу заметили в кои-то веки собравшиеся все вместе домашние.

Спас положение уже облаянный спросонья чёрный, молча выдернувший злюку со стола и зажавший её в ближайшем укромном углу. Сначала Мишель ещё пыталась отбиваться и обзывать, но быстро замолкла, блаженно вздохнув — тёплая ладонь, опустившаяся на лоб, принесла с собою приятный (хотя и несколько потусторонний, странно рассеянный) холодок, быстро заморозивший даже намёк на прежнюю боль. Воровка подняла как-то незаметно опустившиеся веки, извиняюще улыбнулась, втягивая шею в плечи, немного виновато глядя в золотые глаза. Себастиан усмехнулся, покачал головой и потянул подопечную обратно на кухню.

Окончательно пришла в себя Мишель уже около двери в кабинет, со щелчком от колдуна по лбу. Вздрогнула, возвращаясь к действительности, возмущённо задрала голову.

— Оу, земля вызывает Хьюстон, — чёрный хмыкнул, погладил даже не подавщуюся назад воровку по щеке, обеспокоенно склонил голову к плечу, — что с тобой сегодня, а, цыплёнок?

— Не знаю, — Мишель вяло усмехнулась, мягко отвела ладонь колдуна от лица, свела брови на переносице, — просто... предчувствие плохое.

— Плохо, — с каким-то неясным в полумраке спальни выражением прищурившись, заметил Себастиан, но уже спустя секунду обнадёживающе улыбнулся, сгрёб пискнувшую девушку в объятье и, склонившись, быстро чмокнул в лоб, нагло глядя в злющие синие глаза, — расслабься, цыплёнок, разберёмся.

— Ага, разберёмся, — язвительно прошипела в ответ Мишель, выворачиваясь из его рук.

Себастиан пофыркал, посмеялся, намеренно доводя подопечную до белого каления, потискал и нехотя отпустил, морщась от боли в пнутом колене. Мишель, сверкая заалевшими щеками, поспешно отскочила на пару метров, замерла, зло сжав кулаки.

— Гад! — рявкнула в бессильной злобе, уже позабыв причину недавнего беспокойства.

Колдун только заразительно рассмеялся, поманил подопечную ладонью, приглашающе распахивая дверь кабинета. Без ключа. Девушка мрачно поджала губы, ей начинали надоедать его «фокусы», настороженно косясь на хитро усмехающегося неприятеля, подошла, заглянула внутрь, разочарованно фыркнула:

— Ну и темень.

Чёрный только молча вынул из заднего кармана джинс зажигалку, уверенно проскользнул в кабинет. Воровка нахмурившись, прищурилась и подалась вперёд, видя лишь размытый силуэт колдуна. Послышался характерный щелчок зажигалки, в темноте, чуть её развеяв, вспыхнул маленький огонёк. Себастиан поднёс его к фитилю первой свечи, вставленной в двухрожковый канделябр, поджёг вторую и двинулся к следующему.

Всего в комнате их оказалось четыре, три на стене, один на заваленном по самое не хочу столе. Мишель робко шагнула за порог, медленно, по-новому осмотрела кабинет. Стены обклеены обоями, старыми, пошарканными, уже пожелтевшими и кое-где прожжёнными, порою даже, судя по круглым отметинами, сигаретой или сигарой. Потолок — девушка задрала голову — отделкой и вовсе был не обременён... впрочем, как и заваленный книгами пол. А завален, кстати, он был из-за сломанного, но всё равно по мере возможности забитого шкафа, большая часть полок которого (кроме двух первых) была завалена вбок, явно оторванная от боковой стенки.

Мишель, внимательно глядя на пол, немного прошла вглубь кабинета, поближе к

усевшемуся на стол колдуну. Благо, стоял он почти напротив двери, и рисковать жизнью ей долго не пришлось. Девушка ещё раз оглянулась, задержав взгляд на постаменте у противоположной, ближе к смежной со спальней, стене.

— Кошмарный бардак, — прокомментировала обстановку, не глядя коснувшись пыльной столешницы, — жуть, — растёрла пыль между пальцами, задумчиво опустив на них взгляд, — почему ты не убрался ещё здесь? Как в зимнем саду?

— Слишком много всего, — чёрный пожал плечами, из-за плеча смотря на неё, — кое-что испортится, кое-что рванёт, что гораздо хуже. Только вручную... но лень.

— Я правильно поняла, — начала Мишель, оглядываясь в поисках, где бы приземлиться, — что у тебя... — место было найдено, но, увы, только на том же столе, рядом с Себастианом, поэтому, вздохнув, она шагнула к столу, легко пихнула его в плечо: — подвинься, эгоист!

Чёрный фыркнул, оглянулся назад, проверяя, нет ли сзади чего опасного, небрежно скинул стопку книжек (вместе с лежащим на ней кинжалом, отчего девушка поморщилась), «галантно» подвинулся. Мишель мимолётно закатила глаза, присела.

— Так вот, — с трудом поймав за хвост начинающую ускользать мысль, обронила воровка, задирая голову, вглядываясь в спокойное лицо Себастиана, — у тебя был затяжной депрессняк, в ходе которого ты забил на особняк и целыми днями малевал картинки?

— Эм... нет, — чёрный фыркнул, качнул головой, — это было уже к концу. А так я улёгся на диван и целыми днями таращился в потолок.

Девушка с некоторым замешательством потёрла лоб.

— Но почему?

— Всё надоело, — коротко отозвался колдун, помолчал с полминуты и словно нехотя продолжил, — состояние, схожее с тем, в которое ты начала проваливаться после ритуала. Но там была скука, она отравляет медленнее, сильнее. Так просто не всплывёшь.

Мишель поморщилась от упоминаний о ритуале, внутри всколыхнулась прежнее раздражение и обида. Вновь оглянулась, вновь зацепившись взглядом за постамент.

— Проблемы белых людей, — фыркнула и, решив оставить тяжёлую тему, спросила: — А это что? — кивнула в сторону камня и свитка.

— Алтарь, — едва заметно улыбнувшись, ответил чёрный, — мини, а бумажка поверх — свиток с призывом тёмного духа.

Воровка удивлённо моргнула, косо на него покосилась:

— И как? Призвал?

— Неа. Передумал, слишком высока цена.

Она вздрогнула, резко полуобернулась, для равновесия невольно уцепившись за руку Себастиана. Широко распахнув глаза, отчего-то шёпотом спросила:

— Они существуют?!

Колдун пару секунд смотрел на неё, а потом заливисто, заразительно рассмеялся, прижимая руки к животу, слегка наклонившись вперёд. Девушка надулась, покраснела, вперив взгляд в пол, зажав ладони между коленями.

— Конечно, — заверил, отсмеявшись, её чёрный, — жил-был плохой человек, занимавшийся чёрной магией, умер, не пожелал упокоиться — стал тёмным духом. Это, кстати, возможно и на иной стороне. Твой амулет, — он протянул руку, не смотря на слабое сопротивление, повернул голову подопечной к себе, склонив голову к плечу, прямо посмотрел в синие глаза, — ныне утерянный, — язвительно усмехнулся, — имеет именно

такую основу. Дух одарённой умершей, не пожелавшей оставить детей даже после смерти. Личности там уже нет, но желание защитить осталось... хорошая вещичка, жаль отдавать было.

— Ей нужнее, — не согласилась Мишель, отводя ладонь от своего лица, — а цена?

— Явная — туева куча энергии во время вызова, — колдун невесело хмыкнул, — неявная — постепенное разрушение ауры. Дух даёт силу, настоящую мощь, но забирает больше, несравнимо больше, цыплёнок, так что, — острый взгляд на вздрогнувшую от неожиданности подопечную, — об этом даже не думай. Никогда.

— Да я...! — запальчиво возмутилась девушка, резко выпрямляясь, но тут же надув губы, обиженно заверила: — и не собиралась и не собираюсь, — отвела глаза, буркнула себе под нос: — ну его, мне и одной чёрной гадости под боком за глаза хватает.

Себастиан только фыркнул, обнял девушку за плечи, чмокнул в висок. Мишель больше демонстративно поморщилась, попыталась сбросить руку с плеч. Не преуспела, но, помня о колбах за спиной, дёргаться не стала. Чёрт с ним.

— И вообще, чего он у тебя на виду лежит? — с претензией поинтересовалась, всё ещё дуясь, но уже скорее по инерции.

— Нью-ню, — насмешливо муркнул колдун, повернулся, по-хозяйски развернул девушку, перекинув её левую ногу через своё правое бедро, погладил костяшками пальцев по щеке, — тут такая защита, цыплёнок, ты не представляешь, впрочем... — облизнулся, ухмыльнулся, — я тебе как-нибудь покажу, когда ты будешь в состоянии в полной мере её оценить.

Девушка только приподняла брови, задумчиво прикусила нижнюю губу, тягуче позвала:

— Себа-астиан...

— Ась? — с лёгким подозрением прищурился чёрный, продолжая поглаживать.

— Покажи мне чего-нибудь интересного, — просто попросила, впервые подавшись навстречу ласкающей её руке.

Слегка покраснев, отвела глаза, так и не заметив мягкую улыбку на губах колдуна. Себастиан осторожно притянул напрягшуюся Мишель ближе, нежно чмокнул в лоб и, отпустив, прыгнул со столешницы. Потянулся, обернулся к смущённой и обескураженной (сирота, что уж) произошедшим подопечной.

— Помоги-ка составить всё это, — махнул рукой на заваленный стол, — на пол. Не беспокойся, агрессивных составов здесь нет, но проливать всё же не советую... впрочем, как и пробовать на вкус, — ухмыльнулся, окончательно разряжая обстановку.

Девушка раздражённо закатила глаза, поспешно слезла со стола. В четыре руки дело пошло быстро, настолько быстро, что минута и Себастиан, оглянувшись, нагнулся за подвернувшейся под руки тряпкой. С усмешкой перекинул её воровке и, развернувшись, побрёл к шкафу. Девушка, приподняв брови и снисходительно фыркнув, взялась за её уголок, потрясла, стряхивая пыль, опираясь о уже чистый край, быстро протёрла столешницу, косясь в сторону перебирающего книжки колдуна.

Что-то шлёпнулось. Воровка вздрогнула, нахмурившись, отложила тряпку, шагнула в сторону, с любопытством заглядывая чёрному за спину. Поднимать свалившиеся книги он не стал, а наклонившись, бережно достал что-то плотно завернутое в ткань. Развернулся, внимательно глядя под ноги, направился к столу. Девушка благоразумно отступила, освобождая ему дорогу.

Устроившись по другую сторону, опёрлась руками о столешницу, с нетерпеливым

любопытством посмотрела на свёрток, опущенный на пыльную поверхность. Себастиан, покосившись на неё, усмехнулся, быстро развязал его, откинув края ткани в сторону. Эта оказалась шкатулка, достаточно большая, деревянная, по краям обитая железом, с каким-то непонятным замком, без отверстия, но с треугольным, даже на вид острым, плоским выступом.

Колдун, приподняв её, вытянул ткань, свернул вдвое, отложил неподалёку и, вздохнув, резко провёл большим пальцем по этому самому выступу. Девушка вздрогнула, обеспокоенно свела брови к переносице, подняла испуганный взгляд на спокойное лицо Себастиана, растерянно приоткрыв рот. Колдун усмехнулся, прижал кровоточащий палец чуть выше «иглы», что-то внутри шкатулки щёлкнуло, Мишель неодобрительно покачала головой.

— Это обязательно?

— Да, — просто отозвался чёрный и, поморщившись, отнял палец от замка да совершенно по-детски сунул его в рот.

Девушка тихо фыркнула, улыбнулась, успокаиваясь — помирать он явно не собирался, вытянулась, нетерпеливо приподняла бровки. Колдун мыкнул, поднял крышку. Внутри оказались... украшения, много, в основном серебряные и с камнями. Мишель удивлённо улыбнулась, потянулась рукой вперёд, которая сразу же оказалась перехвачена. Воровка разочарованно вскинула на него глаза, на что тот улыбнулся, покачал головой.

— Некоторые предметы тебе лучше не трогать, — вытащил из шкатулки массивного вида кольцо, с большим, чернильно-чёрным камнем по середине, серебрянное, — это, к примеру. Артефакт тёмный, сейчас запечатанный, но столкновение с твоим даром может сорвать печать и будет больно. Очень.

Мишель привстала на носочки, животом упираясь в столешницу, аккуратно коснулась запястья колдуна, щурясь в попытке рассмотреть вырезанные по серебру символы. Ничего не поняла, но камня испугалась. Станный он был какой-то, всепоглощающе тёмный, будто утягивающий внутрь окружающий свет.

— Что это?

— Аккумулятор в спящем состоянии и усилитель в активном, — чёрный покрутил кольцо, с каким-то непонятным выражением наблюдая за игрой бликов на серебре, — имеет ряд очень неприятных свойств. Настолько неприятных, что уж лучше в шкатулке полежит.

— А каких свойств?

Себастиан молча наморщил нос, аккуратно отведя руку девушки от своего запястья, нехотя натянул кольцо... и сразу почернел, как вчера. Мишель поневоле качнулась назад, удивлённо приподняла брови:

— А-а-а-а...

Колдун криво усмехнулся, невесело покрутил ладонью, опустив на неё взгляд.

— Он вытаскивает наружу всё самое плохое, озлобляет, со временем радикально меняет характер. Очень так себе штучка, цыплёнок, — поднял какие-то чужие, нехорошо поблёскивающие на неё глаза.

Девушка поёжилась, отвела взгляд, случайно зацепившись краем глаза за даже в полутьме поблёскивающий сапфир.

— А это? — вновь вытянувшись, кивнула в сторону шкатулки, мысленно облегчённо вздохнув, когда Себастиан отвёл взгляд.

— Что конкретно? — несколько отвлечённо спросил, склонив голову к плечу.

— Вот, — Мишель вновь нагнулась, указала пальцем, впрочем, не касаясь, — с сапфиром. Кулон?

— Медальон, — исправил её колдун, вынимая заинтересовавшую подопечную побрякушку, покрутил, подняв на уровень глаз, — просто щит, хоть и довольно сильный.

— А... мне можно? — явно волнуясь, с дрожью в голосе спросила воровка, ибо медальон ей понравился, очень. Мишель уже про себя решила, что раз уж не опасно, значит, не отдаст.

— Можно, — фыркнул чёрный, на секунду став уже привычным собой, за щепочку держа, опустил «цацку» на протянутую ладошку, — он открывается и...

Раздался громкий, визгливый вой мобильного. Колдун запнулся, девушка отчего-то напряжённо выпрямилась, до боли сжав медальон в кулаке. Чёрный молча разблокировал старую Nokia, поднёс к уху, мрачнее с каждым быстрым, прерывистым словом (как воровка не прислушивалась, ничего не разобрала).

— Себастиан... — робко позвала Мишель, только он отключился.

Себастиан отмер, как-то пусто усмехнулся, коротко покосился на неё, захлопнул крышку шкатулки, задумчиво, отстранённо скользнул пальцами по узкой полоске металла сбоку. Вдохнул и наконец ответил, ровно, почти равнодушно:

— Родичи за тобой явились. Пойдёшь встречать?

— Родичи за тобой явились. Пойдёшь встречать?

И сам же себе ответил:

— Конечно пойдёшь, — усмехнулся, перевёл на неё взгляд, — пошли, цыплёнок, только... — протянул руку в сторону машинально отступившей назад девушки, невесело усмехнулся, — медальон надень. На всякий случай.

Мишель была словно оглушена, внутри как-то особенно тонко звенела пустоте. Ещё в интернате, особенно в розовую пору детства, она часто фантазировала на эту тему, представляя то наконец опомнившуюся мать, то дальних (красивых, богатых, желательно бездетных) родственников. И всегда в этих фантазиях, несмотря на лёгкую грусть в случае первого варианта, была рада.

А тут пустота и лёгкий страх, колючими снежинками осевший в районе солнечного сплетения, заморозивший до онемения кончики пальцев. Противная дрожь, мелкие мурашки и ускоренно застучавшее сердце. Воровка вскинула глаза на терпеливо застывшего напротив колдуна, приоткрыла губы, но так ничего и не сказала, вновь сомкнула, беспомощно на него глядя. Чёрный на мгновение опустил веки, покачал головой и, без лишних слов шагнув вперёд, обнял её за плечи. Девушка вздрогнула, как-то разом обмякла, почти повиснув на нём, обняв за узкую талию.

— Ну что ты? — пробормотал, ласково поглаживая по склонённой головке. — Радоваться ж вроде должна.

— А, — Мишель потерянно запнулась, прижалась плотнее, щекой потершись о его грудь, — ты?

— Не стану лгать, мне будет плохо. Разорванная связь ударит именно по мне, родственнички твои добавят, плюс очередной депрессняк на почве неразделённой любви... — несколько монотонно затянул Себастиан и «жизнерадостно» закончил: — и это только если выживу.

Воровка, прикрыв глаза, мысленно вздохнула. В своём ампула. Однако в себя она немного пришла, поэтому, отняв голову от груди чёрного, заглянула в бесстыжие, непривычно чёрные глаза.

— Скотина ты, Себастиан, — проникновенно шепнула, крепче сжимая руки.

Колдун усмехнулся. Нагло, вызывающе, несколько самовлюблённо.

— Я знаю, — лукаво муркнул и, внезапно склонившись, чмокнул её в лоб.

Девушка, смущённо усмехнувшись, наморщила нос, зажмурил левый глаз. Фыркнула, вновь ткнулась лбом в грудь колдуна, скрывая покрасневшие щёки.

Себастиан улыбнулся, но уже спустя полминуты нехотя отстранился от подопечной, напоследок ласково погладив по мягким чёрным прядям.

— Пора, цыплёнок, они уже у ворот.

Встречать гостей решили (вернее, решил) всё в той же гостиной на первом этаже. Девушка ничего против этого решения не имела, хорошо понимая его подоплёку: колдуну просто не хотелось пускать незваных чужаков вглубь дома.

Её потряхивало, мысли разбегались со скоростью комет, жаля острыми, пропитанными нервозностью краями. Внутри как-то странно, непонятно щемяще-тепло потянуло, девушка

поёжилась, обхватила плечи руками, потерянно оглянулась, сразу же наткнувшись на острый взгляд колдуна. Невольно отступила назад, беспокойно сведя брови у переносицы.

Чёрный тут же успокаивающе улыбнулся, шагнул вперёд, обнял, ладонями скользнув по спине, от плеч до талии. Мишель мимолётно обожгло болью, она тихо ахнула, прижала руку к груди, в которой, натянувшись до предела, будто что-то оборвалось.

Воровка тряхнула головой, разгоняя туман перед глазами, решительно пихнула Себастиана в плечо.

— Ты что сделал?

Колдун вздохнул, нехотя отстранился.

— Глава решил бить ниже пояса, — расплывчато буркнул в ответ чёрный.

Девушка зло поджала губы, вновь отступила назад, недружелюбно на него глядя. Он извиняюще улыбнулся, примирительно поднял ладони.

— Было б что разрывать. При желании восстановишь за пару минут, уже в полноценном, здоровом виде.

— Себастиан! — тихо прошипела, но тут же запнулась, прикрыв глаза, глубоко вздохнула, унимая злость. — Иногда ты так бесишь, что хоть кирпич в руки бери.

— Бывает, — легко согласился колдун, обходя её по кругу, а, зайдя за спину, ласково обнял, чмокнул в макушку.

Мишель напряглась, сначала намереваясь сбросить руки с плеч, но сразу же передумала. Злость как-то разом схлынула, она глубоко вздохнула, перекрутилась, сама обняла чёрного за талию, щекой прижавшись к его груди. Под ухом мерно, спокойно билось сердце. Уютно, успокаивающе. Пушистым комком в живот ухнула тёплая мысль: «Моё!».

С губ воровки едва не сорвался сакральный вопрос: «а если я останусь?», но звонко щёлкнул замок, натужено простонала, открываясь, дверь, мигом выбивая у неё из-под ног землю, а заодно и все мысли.

Мишель, вырвавшись из рук колдуна, как ошпаренная от него отскочила, замерла, не сводя взгляда с проёма двери, сквозь громкий стук сердца почти не слыша шагов и собственное сбитое дыхание. Себастиан с сожалением покачал головой, устало плюхнулся в близстоящее кресло.

Но вошедших встретил уже злой, ядовитой усмешкой, в полной мере становясь тем, кем на самом деле являлся.

Их было пятеро, все высокие, красивые... черноволосые и синеглазые, неуволимо похожие на саму Мишель. Первым в комнату вошёл высокий, широкоплечий парень лет двадцати пяти, окинул холодным оценивающим взглядом всю гостиную и, остановив взгляд на ухмыляющимся Себастиане, шагнул в сторону, освобождая проход. Девушка поёжилась, невольно отступила назад, поближе к уже родному чёрному.

А затем, как предположила про себя Мишель, появился и сам глава. Немного ниже её колдуна, тонкий, даже на вид гибкий, молодой и очень стройный. В чёрном деловом костюме, умело подчёркивающим бледность кожи и яркую черноту слегка растрёпанных волос, окутанный аурой спокойной уверенности и власти. Умные серо-синие глаза, оттенком точь-в-точь как у воровки, немного уменьшенные стёклами очков, мимолётно скользнув по Себастиану, остановились на ней.

— Здравствуй, Мишель, — кивнул, на секунду приподняв уголок полных губ, плавным, пружинистым шагом направился к ближайшему дивану.

Девушка молча кивнула в ответ, не сводя с него настороженного взгляда, но тут же

отвлеклась на зашедшую следующей женщину. Она была по зрелому красива, подтянута как гончая, но соблазнительно пышна в нужных местах. Портило резковатое, но гармоничное лицо лишь нехороший прищур и презрительно поджатые губы.

Мишель прищурилась в ответ, шагнула назад, бедром упершись в подлокотник кресла подозрительно тихого Себастиана. А уже спустя секунду, мысленно фыркнув, присела на него. Женщина насмешливо хмыкнула и направилась к своему главе. Следом появился ещё парень, чуть старше самой воровки, подозрительно похожий на женщину внешностью и поведением.

Закончил шествие мужчина, по виду ровесник колдуна, что остановившись в дверях, с некоторой меланхоличностью упёрся плечом в косяк, скрестил руки на груди, хулигански подмигнул Мишель. Девушка вздрогнула, слегка покраснела, Себастиан снисходительно фыркнул.

— Ты не меняешься, Августин.

— А вот ты изменился, Сё-ёба, — ехидно потянул, усмехаясь, — раньше тебе было не свойственно брать чужое.

— Что упало, то пропало, — криво ухмыльнулся в ответ чёрный, перевёл взгляд на главу, — чё припёрлись?

— Ты ведь знаешь, проклятый, — глава тонко улыбнулся, — за девушкой. В ней течёт кровь нашего рода и моей ветви в частности.

Мишель удивлённо приподняла брови, не поняв смысла последних слов. Легко пихнула чёрного локтем в плечо. Он мимолётно оглянулся, усмехнулся, фактически отказавшись пояснять. Воровка обиженно поджала губы, подняла глаза, наткнувшись на ироничный взгляд главы. Он едва заметно усмехнулся, откинулся на спинку кровати.

— Меня зовут Константин, Константин Игоревич Вороной, если полностью. Когда одарённая девушка выходит замуж за одарённого же мужчину, она переходит в его род. Твоя прабабушка пошла против воли рода и сбежала, после выйдя замуж за простого человека. Бабушка же замуж так и не вышла, мать просто за человека, поэтому ты, фактически, ещё в роду. Моём. Я твой троюродный дедушка.

— Оба-на... — потянула немного пришибленная новостью воровка, во все глаза смотря на Константина, вновь окинула взглядом, — хорошо сохранился... дедуля.

Женщина рядом с ним зло сжала кулаки, ещё сильнее поджала губы. Колдун тихо, смешливо фыркнул, почти синхронно с Августиним.

— Фи, — глава поморщился, поправил очки в тонкой, посеребрённой оправе, — я в два раза младше проклятого рядом с тобой.

Мишель коротко покосилась на Себастиана, тихо, под нос себе буркнула:

— Он тоже неплохо сохранился.

— За твой счёт, — язвительно усмехнувшись, подала голос женщина.

На это девушке ответить было нечего, так что она молча скрестила руки под грудью. Константин коротко, недовольно глянул на спутницу.

— Полагаю, для начала стоит полностью прояснить ситуацию. Так просто, как я понимаю, ты с нами не пойдёшь? — глава склонил голову к плечу, прищурился.

Мишель отрывисто кивнула, внутренне подбравшись, нервно сжала подол туники влажными, холодными пальцами.

— Завязка истории банальна и затасканна до дыр, — монотонно начал Константин, переводя взгляд на потолок, — договор между двумя крупнейшими кланами, нежеланный

для невесты брак, побег. Дар по нашей линии сильный, Екатерина была блестяще обучена, очень способна, так что спрятаться смогла, особенно с украденным артефактом, — острый взгляд синих глаз метнулся к шее девушки, — где он, кстати?

— Понятия не имею, — Мишель деланно легкомысленно пожала плечами, — ни разу не видела.

— Лжёшь, — снисходительно фыркнул глава, — ну ладно, сам найду. И хотя я догадываюсь, почему она решила состариться с пустышкой-мужем, понять и принять это не смогу. Но это дело прошедших дней, около десятилетия назад один из наших ищеек почувствовал родственный след, но почти сразу сбился. Цену ты уже знаешь, — прямо посмотрел воровке в глаза, — не знаю, что Екатерина вбила в голову дочери, так что она предпочла умереть, но не даваться. Итог? Она мертва, Святослава мертва, твоя мать спилась и год назад тоже померла, ты у проклятого. Побег удался! — преувеличенно радостно усмехнувшись, хлопнул в ладони Константин.

Воровка поморщилась, о матери она не знала, но особой скорби не было. Печально, но не более. Мишель прикусила губу, склонила голову к плечу, прищурилась, внимательно вглядываясь в лицо родича. Как-то он слишком эмоционален.

— Вы были знакомы? С прабабушкой? — спросила, уже зная ответ.

— Были, — отпираться Константин не стал, — я плохо её помню, но всё же помню.

— И до сих пор дуешься, — буркнула себе под нос Мишель, опустив глаза к полу.

Колдун тихо хмыкнул, усмехнулся. Глава поджал губы, но опускаться до спора не стал. А вот его спутница перед собой подобной дилеммы не видела. Вскочила, агрессивно шагнула вперёд. Девушка напряглась, рядом подобрался и чёрный.

— Как ты с-смеешь?! Ублюдок, рождённый алкоголичко... ий! — совсем не героически взвизгнула на конце, падая обратно на диван, жёстко дёрнутая за руку подавшимся вперёд главой.

Константин, холодно глядя в глаза застывшей женщины, медленно разжал пальцы, оставляя на коже белые, быстро набухающие алым следы. Её сын было шагнул вперёд, но тут же вновь застыл, не успев вмешаться, только поджал губы, сжимая ладони в кулаки.

— Замолчи, — тяжело уронил Константин, вновь посмотрел на натянутую, словно струна, Мишель, улыбнулся спокойно, расчётливо, — извиняюсь за этот неприятный инцидент. Корнелия слишком вспыльчива. Я предлагаю возвращение в клан под персонально мою опеку. Связь с этим, — короткий, несколько брезгливый взгляд на колдуна, — мы разорвём, быстро и безболезненно.

Девушка беспокойно свела брови у переносицы, мимолётно скользнула по напряжённо косящемуся на неё Себастиану взглядом, заново, особенно подмечая позы и выражение лиц, осмотрела новоявленных родственников.

— А если я не захочу? — задумчиво спросила, иронично выгнув бровь

— А почему? — с издёвкой спародировал её Константин.

— А потому, — фыркнула в ответ Мишель, безбоязненно встретив его прямой взгляд.

— В таком случае мы окончательно вычеркнем тебя из рода, — отбросив всякие шутки, серьёзно констатировал, прищурился, взглядом обогнув и на секунду задержавшись на чёрном.

Воровке почудился его кивок, она тут же почувствовала неясное давление, какое-то странное, будто везде и нигде одновременно. Передёрнула плечами, с некоторым трудом, но всё же сформировала немного прохуdivшиеся за ночь щиты. Давление стало определённой,

сконцентрировавшись у висков. Неприятно, но не смертельно. Зло поджала губы и подняла раздражённый взгляд на едва заметно усмехающегося Константина. Едва подавила желание треснуть Себастиана, ибо скотина.

— Надо же, — медленно потянул глава, усмехнулся, откинулся на спинку дивана, прекратив воздействие, — умеешь. Ожидаемо.

Вздыхнул, прикрыв глаза, несколько устало помассировал виски, не обращая внимание на беспокойные взгляды спутников. Немного приподнял веки, сквозь длинные чёрные ресницы глянул на колдуна.

— Может, хватит? Мы в любом случае без ответа не уйдём, — перевёл взгляд на Мишель, — смысла затягивать я не вижу, ты уже почти готова. Решай, сегодня, сейчас. Мы подождём, но к обеду уже уедем, с тобой или без тебя, — и, вздрогнув, поморщился, вновь помассировал виски, — хватит! — внезапно рявкнул, прямо глядя на Себастиана.

Все находящиеся в комнате вздрогнули от неожиданности... кроме колдуна. Колдун усмехнулся, склонил голову к плечу, нараспев, откровенно издеваясь муркнул:

— А я вас не звал.

— А если я тресну?! — понизив голос, с нажимом спросил Константин.

Нахмурившись, девушка перевела взгляд на своего колдуна. Вопросительно приподняла брови, он только глянул на неё из-под густых ресниц, сверкнув неприкрытым злорадством в непроглядно-чёрных глазах. Мишель поджала губы, колдун уже откровенно ухмыльнулся, вновь повернул голову в сторону гостей.

— А я-то тут причём? — наивно похлопал ресницами.

— Себастиа-ан, — внезапно укоризненно потянул помалкивающий до этого Августин.

— Чё?

— Прекрати, — вздохнув, буркнула воровка, дёрнула чёрного за прядь волос.

Сильно, больно, разом вымещая злость на него и его выходки. Себастиан поморщился, отпихнул её ладонь в сторону, полоснул сердитым взглядом. Девушка раздражённо поджала губы.

— Мой дом, что хочу, то и делаю, — фыркнул, откинул голову на спинку кресла, — как я уже сказал, я вас не звал.

— Из вредности уйду, — тихо, так, чтобы другие не услышали, шепнула ему Мишель, незаметно похлопала по боку.

Колдун мимолётно закатил глаза, перевёл отсутствующий взгляд на потолок. Как показалось воровке, Константин немного расслабился. Она тихо, устало вздохнула, опустила глаза к полу.

И? Что делать-то теперь?

Происходящее отдавало... комедией. Будто понарошку, в шутку. В одном Мишель была уверена на сто процентов — Себастиан скотина. Большая такая, брехливая скотина. А ещё у Константина были проблемы с кланом и авторитетом в нём, это хорошо было видно по реакции той же Корнелии и даже Августина. Воровка прикусила губу, подняла глаза.

— Предположим, — медленно начала, прямо глядя в глаза главы, — я пойду с вами, и что?

— Не совсем понял вопрос, — склонил голову к плечу тот.

— Чем я буду там заниматься? На каких правах?

От чёрного потянуло чем-то... горьким. Девушка мысленно передёрнула плечами, стараясь не обращать на него внимание. Константин выразительно выгнул бровь, кончиком

губ улыбнулся.

— Учиться управлять тем, что дано тебе природой. Потом, если захочешь, работать в этой сфере, представлять интересы клана. На правах моей воспитанницы, в дальнейшем — если захочешь — моей помощницы.

Если бы воровка не смотрела в тот момент на Корнелию, дикой ярости, мелькнувшей у неё в глазах, не заметила бы, слишком быстро она промелькнула и пропала. Мишель мысленно черкнула себе — а вот и первая проблема главы. Ещё не явная, но обещающая вскоре всплыть наверх. Вновь осмотрела Константина.

Молод. Слишком. Явно недавно на своём посту, и хорошо, если он освободился естественным путём, а если нет? Под раздачу попасть не хотелось. Девушка покосилась на чёрного. Представила, как сейчас поднимается, даёт согласие Константину и навсегда покидает этот дом. Колдуна, Алексея, Яну. Розы, дурацкий ковёр перед камином, полупройдённую игрушку на ноутбуке.

С мечтой расставаться было тяжело, Мишель облизнула отчего-то горькие губы, повела плечами, в тщетной попытке избавиться от удушающей тяжести в груди. Страшно тянуло к родичам, но только обретённый дом...

Воровка нервно сжала подол пальцами, заморгала, избавляясь от мутной пелены перед глазами. Щемяще кололо у сердца, но отчего-то было тепло. От Себастиана, который хоть и скотина, но своя. Было страшно и больно, ощущение потери сжало её горло костлявыми пальцами, не давая не то что говорить, но и дышать толком.

Быстро, незаметно для гостей пробежавшиеся по бедру пальцы принесли... облегчение. Мишель глубоко вздохнула и, стараясь не обращать внимание на набирающую обороты мигрень, попыталась унять эмоции. Получилось — шатко, но таки получилось. Девушка подняла взгляд на Константина, мимолётно отметив напряжение в глазах своего колдуна. Медленно, отрицательно покачала головой.

— Нет, — выдавила сквозь непослушное горло, вновь покачала головой, кашлянула, уже твёрже сказала: — нет. Я остаюсь, вычёркивайте, если так хочется.

Августин отреагировал первым, громко вздохнув, закатил глаза. Константин напрягся, не таясь, зло поджал губы.

— Уверена? — в его голосе ясно вкнут металл и лёд.

Мишель молча кивнула, как-то виновато отведя глаза. Стало здорово не по себе. Дальнейшее произошло быстро, слишком быстро для затуманенного переживаниями разума.

Собственно, воровка и рассмотреть ничего не успела, только внезапно вскочившую женщину, как-то очень агрессивно вскинувшей руку... а затем Мишель, небрежно отпихнутая, упала в тёплое кресло, надёжно заслонённая колдуном. Судорожно вздохнула, морщась от боли в будто бы смятой густой волной груди.

Заморгала, разгоняя черноту перед глазами, первым делом видя покачнувшегося, неловко отступившего назад Себастиана.

Не думая, вскочила. Дёрнула за руку, вынырнула вперёд и осела, задохнувшись от той же волны, но в разы сильнее. Перед глазами на секунду вспыхнула тонкая пелена, а потом погасла, оставив после себя звон в голове и непослушно покачнувшееся тело.

Кажется, над ухом очень зло матюгнулись, но подхватили, перетасили на то же кресло. Ощущение было Мишель до боли знакомо, та же пугающая беспомощность, та же тяжёлая перина сверху, отделяющая, оглушающая её от мира. Страшно, глухо, пусто.

Сверху бесконечно терпеливо вздохнули, не обращая внимание на неясные, далёкие

выкрики, аккуратно уложили, мимолётно погладили по лбу. По коже тут же пробежал озноб, девушка вздрогнула, с трудом приоткрыла глаза.

Ну да, чёрный. Склонился, беспокойно вглядывается в лицо, сам бледный, глаза какие-то нездорово блеклые, матовые. Воровка заморгала, тревожно нахмурилась, слабо приподнявшись, заглянула ему за спину.

А там суетились гости, удерживая два бьющихся и что-то невнятно шипевших сквозь зубы тела. Ожидаемо: мать и сын. Уже растрёпанные, потерявшие былые лоск и достоинство. Мишель снова перевела растерянный взгляд на Себастиана. Тот несколько вымученно усмехнулся, тяжело плюхнулся рядом, на самый край кресла, устало упёрся локтями в бёдра, потёр виски. Девушка тихо вздохнула и, удостоверившись, что гости заняты и более не представляют опасности, кое-как села, неловко, единым порывом обняла его со спины. В голове всё так же звенело пустота, тяжёлая и ошарашенная, обещающая мощную отдачу.

Себастиан вздрогнул, усмехнулся, на ощупь погладил узкую ладошку. Глубоко вздохнул и выпрямился, бережно разжал её руки, встал, шагнул вперёд, как-то разом став внушительнее и... темнее.

— Убирайтесь, — тихо, холодно обронил, прямо глядя на медленно поднявшегося главу, — достаточно.

Константин, горько морщась, сглотнул, коротко зажмурился и вновь опустился на колени, прижал ладонь ко лбу бьющейся в руках Августина женщины. Она, коротко вздохнув, в последний раз полоснула его яростным взглядом и разом обмякла. Глава устало потёр переносицу, тяжело поднялся.

Второй агрессор, на примере матери смерившись с поражением, дёргаться и сопротивляться не стал, лишь обречённо прикрыл глаза, мелко вздрагивая с прикосновением ладони к своему лбу. Так же безвольно обмяк.

Константин поднялся, было шагнул вперёд, приоткрыв рот.

— Убирайтесь! — слегка повысил голос злющий колдун.

Девушка поёжилась, потерянно топчась позади него. Глава закрыл рот, поджал губы и круто развернувшись, махнул своей рукой. Подняв бессознательных на руки, гости поспешили на выход. Молча, быстро, слаженно. Но захлопнуть за собою дверь не дали.

Константин, упёрто упершись ладонью в холодное железо, рвано выдохнул, запрокинул голову, прямо глядя в глаза раздражённо выгнувшему бровь Себастиану.

— Я прошу прощение за этот инцидент, — с явным трудом выдавил сквозь зубы.

— Проси-проси, — откровенно зло усмехнулся колдун в ответ, надавил на дверь, заставив собеседника отступить на шаг.

Мишель мягко коснулась его локтя, взглядом попросив быть помягче. Просьба была проигнорирована самым наглым образом.

— Вы нарушили закон, — тяжело уронил Себастиан, вновь скривил губы, — и ответите за это.

— Себ... — уже смелее дёрнула его всерьёз встревоженная видом побледневшего главы воровка.

Но досказать не успела, едва не шарахнувшись назад, когда чёрный, внезапно развернувшись к ней лицом, наклонился. Порывисто вытащил что-то из кармана туники.

Девушка изумлённо-огорчённо приподняла брови: машинально сунутый в карман амулет треснул посередине, камень поблёк и посерел. Жаль. Себастиан усмехнулся,

нехорошо и очень мрачно.

— Я ведь уже говорил, цыплёнок, что это, — резко распрямившись, зло отшвырнул более бесполезный артефакт вглубь дома, к лестнице.

Константин и Мишель вздрогнули, машинально проводив его взглядом.

— Если бы не он, ты была бы уже мертва! — рявкнул, уже выходя из себя колдун.

Воровка втянула голову в плечи, из-под ресниц глянула в тёмные глаза. Чёрный медленно вздохнул, выдохнул, бросив девушке:

— О твоём порыве лезть вперёд батьки в пекло мы поговорим позже, — вновь перевёл тяжёлый взгляд на пришибленного главу, — ждите бумажку.

— Не надо, — тихо прошептала Мишель, вновь его касаясь, — прошу.

Себастиан коротко на неё глянул, резко мотнул головой и вновь попытался захлопнуть дверь, отгеснив Константина к выходу.

— Они всё же мои родственники, — уже настойчивее повысила она голос, — и я не хочу никаких разбирательств с ними!

— А я хочу! — в тон рявкнул ей чёрный, уже спокойнее добавил: — Они вычеркнут тебя из рода при первой же возможности. Зачем тогда?

— Не вычеркнем, — тихо подал голос глава и, дождавшись, когда оба взгляда обратятся на него, продолжил: — всем будет сказано обратное, но обряд проводить я не стану.

— Что за закон? — поспешно спросила воровка, видя, как колдун вновь открывает рот и, судя по глазам, не для того, чтобы с ними согласиться.

— О гостях и их поведении на хозяйской территории, — язвительно откликнулся он и, прикрыв глаза, бесконечно терпеливо вздохнул, — ладно. Убирайтесь с миром.

Глава приободрился, в глазах появился уже привычный наглый блеск.

— А...

— Нет! — рявкнул с первого звука понявший его мысль Себастиан, единым движением выпихивая Константина за порог и захлопывая перед его носом дверь... однако влетевший за мгновение до щелчка в узкую щёлку тонкий белый прямоугольник перехватить не успел.

Зато визитку поймала и тут же спрятала подальше от злого чёрного Мишель. Подняв на него глаза, невинно улыбнулась.

Колдун устало поморщился, отошёл к ближайшему окну. Заглянул за полупрозрачный тюль, с непонятым выражением в глазах взглядом проводил выехавшую за ворота машину. И тихо хмыкнув, прикрыл глаза, покачнулся и... плавно осел на пол.

Первые секунды Мишель ещё растерянно хлопала ресницами, переживая крушение иллюзий. А потом, порывисто вздохнув, подскочила и кинулась к колдуну, на ходу упала на колени, даже не поморщившись от боли. Осторожно коснулась гладкой щеки, беспокойно сведя брови у переносицы. Позвала, потрясла за плечо, начиная уже откровенно паниковать. Сердце почти болезненно било по рёбрам, отдаваясь громким пульсом в ушах.

Болезненная бледность чёрного не подбадривала, как и поверхностное, редкое дыхание. Девушка глубоко вздохнула, трясущимися руками кое-как вытянула из кармана Себастиана телефон. Разблокировать получилось не сразу, со столь старыми моделями она знакома была плохо, хорошо, хоть подсказка выскочила. Открыла последние звонки, ткнула в первый попавшийся.

Один длинный гудок и быстрое, деланно спокойное «Да?».

— Ал...? — голос Мишель перехватило спазмом.

— Мишель? Что случилось? — тут же явно проскользнуло в голосе Алексея

беспокойство.

Девушка вновь вздохнула, сглотнула и с трудом выдавила:

— Возвращайтесь в дом, Себастиану плохо.

— Сейчас будем, — быстро буркнул парень и бросил трубку.

Воровка потерянно опустила руку, выронив телефон на пол, потянувшись, вновь беспокойно коснулась пальцами щеки чёрного. Холодный, ещё более бледный на контрасте между кожей и непривычно чёрной шевелюры. Мишель болезненно прикусила костяшки пальцев — только бы с ним всё было хорошо. Собственная устлалась девушки ещё пока тихо затаилась где-то на периферии сознания, спугнутая страхом и переживаниями.

Дверь распахнулась спустя пару минут, Мишель, однако, показавшимся целой вечностью. Девушка вздрогнула, испуганно подскочила и расслабилась, увидев знакомые лица. Даже попыталась улыбнуться, предусмотрительно отползая от окружившего колдуна парней. Судя по ставшему откровенно беспокойному взгляду Яны, получилась не очень. Девушка ободряюще улыбнулась, помогла встать трясущейся воровке. Алексей и Александр быстро перетащили так и не пришедшего в сознание Себастиана на диван, всё в той же гостиной. Яна метнулась за стаканом воды, Мишель бессильно шлёпнулась рядом с ним.

Вернулась служанка быстро, отдала девушке стакан и, хлопнув себя по лбу, вновь куда-то умчалась. Девушка опустила взгляд на расходящуюся крупными кругами воду, не думая, отпила. Немного помогло, воровка вздохнула, опустила пальцы в стакан, потянувшись, провела ими по лбу колдуна. Он не отреагировал, лишь шевельнулись под тонкими веками глаза.

— Что случилось? — тихо, вкрадчиво спросил Алексей, облакачиваясь о спинку дивана.

Мишель подняла голову, криво ухмыльнулась.

— И с чего это хозяин сменил раскраску? — зашёл с другой стороны Александр.

— Захотелось, — воровка невесело хмыкнула, покосилась на Алексея, — не сошлись во мнение с гостями. Захочет, сам расскажет.

Парень секунду растерянно моргал, а потом, коротко, раздражённо закатил глаза и буркнул, распрямляясь:

— Спелись, однако.

— А как же, — не открывая глаз, тихо, хрипло съязвил колдун, — маленький ж ты мой проныра.

Девушка вздрогнула, но тут расслабилась, невольно облегчённо улыбаясь. Всё хорошо. Теперь всё хорошо. Александр тоже расслабился, улыбнулся.

— Очухался, — с лёгкой усмешкой в голосе констатировал Алексей.

— Ага, — таки поднял веки Себастиан, ухмыльнулся, — свободны.

— А...? — растерянно выдавила вернувшаяся и застывшая у порога Яна.

Чёрный, коротко проскользнув взглядом по Мишель, посмотрел на неё. Вновь усмехнулся, но уже гораздо мягче.

— Всё хорошо, — успокаивающе сказал, приподнимаясь на локте, — мне лучше, — опустил глаза на губку в руках Яны, — и это уже не надо.

Девушка вздохнула, улыбнулась, задержав взгляд на его шевелюре, но спрашивать не стала, просто приняв, как факт.

— Точно хорошо?

Себастиан кивнул:

— Точно, можете идти.

Домочадцы молча и послушно (а кто и ухмыляясь) удалились. Колдун вновь устало опустил голову на диван, посмотрел на умаянную подопечную. Взял её ладонь, ободряюще сжал. Воровка криво усмехнулась, не поднимая на него взгляд.

— Ты мне соврал, — тихо, без малейшего намёка на претензию заметила.

— Немного, — так же негромко признал он.

— Нет, далеко не немного, — всё также спокойно возразила девушка.

— Немного, — с нажимом повторил, — Константин, как ты, наверное, заметила, на своём посту недолго, года два, если точнее. А прошлый же глава (мы были хорошо знакомы) был редкостной мразью. И не такое мог выкинуть.

Воровка язвительно хмыкнула, прямо, с вызовом посмотрела ему в глаза:

— Прямо как ты?

— В худшие годы, — не повёлся на провокацию Себастиан, — н-но, — приподнялся, потянул девушку на себя, обнял за талию, подбородком упершись в её плечо, — ты осталась.

— Это чтобы тебе жизнь мёдом не казалась, — откликнулась Мишель, устало откинув голову, но тут же напряглась, посмотрела вниз, отняла ладонь колдуна от своей талии, скользнула пальцами по кольцу, — гадость, сними. У тебя итак характер не сахар, а с этим я тебя и вовсе однажды зарежу.

Чёрный фыркнул, послушно стянул кольцо, откинув его назад на диван. Поморщился, опёрся спиной о спинку, следом утянув и подопечную. Подул, легко раздувая спутанные пряди.

— Ну и чего вперёд полезла?

Девушка вздрогнула, по её нервам вновь полоснуло страхом и адреналином. Мишель, резким движением скинув его руки с талии, порывисто обернулась, зло скривила губы:

— Да потому, что ты...! — рявкнула и неожиданно осеклась, глухо всхлипнула.

Истерика навалилась разом, резко и внезапно, не оставив Мишель и шанса устоять. Перед её глазами расплылось, по щекам потекли горячие слёзы, горло вновь перехватило болезненным спазмом. Колдун тихо вздохнул, привлёк девушку ближе, заставив уткнуться носом себе в плечо.

Ревела воровка долго, так что под конец уже болело не только горло, а голова и тем более сердце. Дыхание было прерывисто и поверхностно, глаза жгло, виски долбило болью. Но Мишель наконец полегчало, внутри разлилась блаженная пустота. Она отстранилась, запястьем вытерла мокрые щёки и, упершись ладонью в грудь чёрного, единым порывом прижалась к его губам своими, солёными и припухшими.

И Себастиан сразу ответил, умиротворённо прикрыв медово-золотые глаза. Мягко, нежно, успокаивающе.

Эпилог.

Спустя 47 лет. Франция, катакомбы под Парижем.

Она, хитро улыбаясь, выглянула из-за угла, внимательно вслушиваясь в окружающее пространство, по возможности стараясь игнорировать всё более затихающий голос гида. Внутри покалывало азартом, подталкивая вперёд, всё дальше в жутковатые, пропитанные каким-то пыльным смирением коридоры. Низкие, грубо вырубленные в известняке, наводящие мурашки, тяжело, сперто пахнущие, сумрачные и холодные.

Оглянулась назад, воровато скользнула пальцами по ближайшему черепу, центральному в выложенном кресте. Нагнулась, любопытно заглянула в пустые глазницы, оценила немногочисленные, явно нездоровые даже при жизни зубы. Постучала ногтями по шероховатой пыльной поверхности, пакостно хихикнула и поспешила вперёд.

Себастиан вздохнул, несколько потерянно оглянулся и прикрыл глаза, попытавшись найти Мишель по их связи. Но нет, цыплёнок подрос, на такие трюки больше не попадается — только играет, оставляя полуистлевшие из-за сильной энергетики подземелья следы. Колдун иронично улыбнулся — сам же это «чудовище» и создал, жаловаться теперь глупо. Прикусил гулу, прищурился и послушно пошёл в указанном направлении, уже не на шутку заинтригованный. Н-ню, и чего задумала на этот раз?

Следы оборвались внезапно. Чёрный удивлённо приподнял брови, крутанулся, осматривая комнату. Почти идеально круглая, с низкого потолка до неровного пола выложенная костями, с тремя арками-входами (включая тот, в который вошёл он), уже привычно тёмная, холодная и пугающе тихая. Не слышно было даже обычного для этих мест глухого стука воды, стекающей по костям и срывающейся вниз с потолка на грязные, грубо обработанные плиты.

Себастиан оглянулся назад, проверяя, не двинулся ли с места уже замеченный им дух. Нет, на месте, всё так же стоит, замерев в одной позе, не отрывая пустого взгляда от одного из черепов, центрального в выложенном кресте. По виду женского и явно не его.

Странно даже; колдун прошёл вперёд, протянул руку, но так и не коснулся алтаря, стоящего между двумя незнакомыми ему входами, почему он ещё здесь? От узкой, но высокой каменки приторно-сладко несло тёмной магией, явно скоплённой за время жертвоприношений, затягивающей, направленной явно не на отдачу. Неужели якорь столь силён? Кем она могла быть для этого оборванного, изъеденного оспой рабочего? Женой? Дочерью? Настолько дорогой, что дух его явно не первое десятилетие игнорирует губительное влияние алтаря... настолько губительное, что вот уже около полукилометра Себастиан не видел ни одного призрака, хотя до этого они встречались едва ли не на каждом шагу.

Прохладное прикосновение к спине стало неожиданностью. Себастиан едва не подпрыгнул с неожиданности, резко обернулся, сразу зацепившись за ехидный, холодный блеск синих глаз. И тут же отступил назад, подчиняясь толкнувшей его в плечо ладошке, поясницей упираясь в алтарь. Вздогнул, поморщился, почувствовав, как потекла из него в алтарь энергия. Укоризненно склонил голову к плечу, обнимая за талию тесно прижавшуюся (и не давшую отстраниться от камня) Мишель, уже почти привычно наслаждаясь тонким изгибом. Девушка чарующе улыбнулась, изогнулась, закинула руку ему за шею, вынуждая

наклониться.

— Хочу тебя, — горячо шепнула в приоткрытые губы, из-под ресниц глядя в глаза.

Себастиан усмехнулся, хмыкнул, ехидно прищурился, опуская руки ниже. Мишель улыбнулась шире, уже не пряча голодные, игривые огоньки в глазах.

— Вести ты хочешь.

Она деланно обиженно надула губы, свободной рукой скользнула по его груди, к животу и паху, слегка сжала пальцы, ухмылкой ответив на судорожный вздох.

— Ты мне так редко это позволяешь... — мягко потянула, уже поглаживая.

— Ну-ну, — сквозь сбившееся дыхание недоверчиво буркнул чёрный, переведя взгляд на потолок, чувствуя, как постепенно ослабевает от недостатка энергии, — я и так слишком снисходителен к тебе, — покосился на усмехающуюся девушку, пожаловался, — ты из меня верёвки вьёшь.

— Ты очень против? — Мишель выгнула бровь, усмехаясь шире, ладонью скользнула под пояс его брюк, сжимая прохладные пальцы уже на напряжённом основании.

Колдун хмыкнул и, мысленно пообещав себе потом отыграться... позволил. Прижал девушку к себе плотнее, одной рукой задирая лёгкое белое платье, другую положив на тонкую шейку. Слегка сжал и, наклонившись, поцеловал. Сразу глубоко, грубо, прекрасно зная, что уже через пару минут сил даже на слабенькую инициативу у него не будет. Чертовка хорошо всё рассчитала, так, чтобы ослабить его и при этом остаться при своём резерве — ещё бы, он сам защиту разрабатывал, что для неё этот алтарь.

Себастиан усмехнулся сквозь поцелуй, искренне забавляясь и гордясь подопечной. Умная, сильная, красивая. Скользнул ладонью под бельё. Горячая. На секунду нехотя оторвался, прямо заглянул в возмущённо приоткрывшиеся глаза. Уже мутные и горящие желанием. Тихо шепнул во влажные губы, ловя горячее, сбившееся дыхание:

— Je t'aime.

Мишель улыбнулась — впервые за день просто улыбнулся, а не усмехнулся. Мягко и нежно, всё ещё по-юношески влюбленно, на пару мгновений став точно таким же, как почти полвека назад.

Больше книг на сайте - Knigolub.net